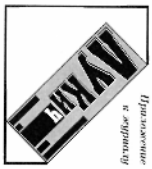
ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО
ОБСКОМУ СЕВЕРУ

Тюмень: Библиотека краеведа



65 5(2)
П90

Путешествия
по Обскому Северу

Григорий
НОВИЦКИЙ
Василий
ЗУЕВ

Под редакцией С.Г. Пархиловича
Составитель Ю.Л. Мандрика

[redacted]
инв. 24162 5-80

Издательство Ю. Мандрики
Тюмень, 1999

Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году

Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов, сочиненное студентом Васильем Зуевым

ББК 63.5 (2)
П 90

П 90 **ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ОБСКОМУ СЕВЕРУ**
Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году; Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов, сочиненное студентом Васильем Зуевым/Под ред. С.Г. Пархимовича. — Тюмень: Издательство Ю.Мандрики, 1999. — 240 с. — [Приложение к журналу «Лукич»].

В третий том приложения к журналу вошли работы, давно ставшие раритетами.
Книга адресована тем, кто интересуется историей края, Сибири.

© Издательство Ю. Мандрики (издание), 1999.

ISBN 5-93020-015-7

«...Тебе, ласкавый читателю»

Имена Григория Новицкого и Василия Зуева, чьи труды публикуются в настоящем издании, занимают особое место в истории изучения коренных народов Северо-Западной Сибири. Перу Новицкого принадлежит первое серьезное научное описание культуры и образа жизни ханты (остяков), а Зуев, путешествовавший по Обскому Северу во второй половине XVIII века, спустя почти 60 лет после Новицкого, составил весьма обстоятельное сочинение о быте и нравах ханты и ненцев (самоедов). Это были люди разных поколений и судеб: первый — из «гнезда Петрова», ссыльный полковник, затем миссионер, а второй — выходец из разночинцев, видный ученый «просвещенной» екатерининской эпохи. Зато судьбы рукописей представляемых трудов этих авторов во многом сходны. «Краткое описание» Новицкого было опубликовано лишь в 1884 году, спустя почти 270 лет после его создания, а сочинение Зуева — в 1947 году, т.е. через 144 года после написания. Характерна и еще одна досадная деталь: обе работы вышли в свет в измененном виде и под чужими именами.

Лавры автора «Краткого описания» беззастенчиво присвоил пленный немецкий капитан И.Б. Мюллер, опубликовавший его на немецком языке в 1721 году в Гамбурге. Труд Зуева в слегка измененном и сокращенном варианте был использован его научным руководителем, академиком П.С. Палласом при составлении третьей части его знаменитого фундаментального труда «Reise durch Verschiedene Provinzen des Russischen Reichs», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1773 году. Трудно осуждать Палласа за присвоение результатов трудов Зуева: во-первых, сочинение никому неизвестного студента Императорская Академия наук ни за что бы не опубликовала, а во-вторых, подобное явление широко практикуется в наших научных кругах и сегодня, считаясь почти нормальным.

Трудно переоценить научную значимость публикуемых работ: этнографические сведения о ханты и ненцах, содержащиеся в них, ценны прежде всего тем, что они собраны и зафиксированы исследователями, непосредственно наблюдавшими жизнь аборигенов Северо-Западной Сибири в начале и второй половине XVIII века. Более ранние известия об этих народах отличаются отрывочным, подчас фантастическим характером (упоминания в древнерусских летописях, новгородское сказание «О человецех незнаемых в Восточной стране» и т.п.), краткостью или неточностью (записки русских и иностранных путешественников XVII века). Этнографы XIX—XX веков многие детали быта, обрядов и верований обских угров и северосамодийских народов застали уже трансформированными в результате внутреннего развития их культур и под влиянием русской культуры.

Кроме того, в «Кратком описании» Г. Новицкого содержатся бесценные сведения о миссионерской кампании Филофея Лещинского, активным участником которой был сам Новицкий. Данное сочинение является, таким образом, фактически единственным письменным свидетельством того, как проходила христианизация обских угров в начале XVIII века.

К сожалению, «Краткое описание о народе остяцком», изданное вторично лишь в 1941 году в Новосибирске, и «Описание...» В. Зуева, впервые и единственный раз опубликованное Институтом этнографии Академии наук СССР в 1947 году, из-за небольших тиражей стали настоящими раритетами. Поэтому они известны узкому кругу специалистов и почти недоступны краеведам, студентам, изучающим историю и культуру коренных народов Тюменского Севера.

Язык, на котором написаны эти произведения, насыщенный непривычными сегодня архаизмами, несколько затрудняющими его восприятие, дает возможность ощутить колорит эпохи, услышать «живую» речь автора.

Кстати, об авторах. О Григории Новицком до сих пор известно крайне мало, что отмечал еще Л. Майков в предисловии к «Краткому описанию». Имеются отрывочные сведения о том, что его отец, казачий полковник, был видной политической фигурой на Украине в конце XVII века. Гри-

горий Ильич, получив духовное образование в Киево-Могилянской коллегии, все же пошел по стопам отца: дослужившись до чина полковника. Будучи некоторое время мазепинским резидентом при гетмане Сенявском, он в 1709 году написал покаянное письмо канцлеру Гавриле Головкину. Петр I простил Новицкого, но решил все же сослать его от греха подальше в Сибирь. Оказавшись в Тобольске в 1712 году, Григорий Новицкий был замечен первым губернатором Сибири князем Матвеем Петровичем Гагариным (весьма вероятно, не без протекции земляков, выпускников все той же Киево-Могилянской коллегии — бывшего митрополита Сибирского и Тобольского Филофея Лещинского и его преемника, пятого митрополита Иоанна Максимовича). Образованный, деятельный человек, бывший офицер, он был назначен ближайшим помощником преосвященного Филофея, который в 1712 году, выполняя волю Петра I, начал многолетнюю кампанию по «искоренению мрака кумирослужения» среди остяков. Новицкий участвовал в миссионерских походах Филофея (в 1709 году принявшего схиму под именем Феодора) на Обь и ее притоки. Похоже, что Новицкий выполнял в отряде Филофея самую черную работу (палил языческие капища, уничтожал остяцких идолов), тогда как глава миссии, как видно из текста «Описания», читал проповеди и убеждал язычников в силе православной веры, открывая им «двери спасения».

В 1721 году Григорий Новицкий был назначен надзирателем за новокрещенными остяками Кондинской волости, где вскоре трагически погиб в столкновении с непокорными идолопоклонниками.

Будучи человеком незаурядным и любознательным, Григорий Новицкий вел путевые записи, которые в перерывах между «водными плаваниями» к остякам он превратил в научный труд, снабдив его дополнительно сведениями, почерпнутыми из рукописи Есиповской летописи, а также собственными пояснениями, философскими рассуждениями и даже стихами. Собственно этнографические сведения, собранные Новицким, изложены во II и III главах, а «летопись крещения» — в последующих IV—VIII главах — осталась незавершенной. «Описание» обрывается на рассказе о крещении кондинских вогулов (манси) в 1715 году. В пос-

ледней фразе Новицкий сообщил, что после успешного завершения религиозной дискуссии с коварным «князцом Сатыгой» миссия двинулась дальше...

Научный преемник Новицкого Василий Федорович Зуев (1752—1794 гг.) родился в семье солдата Семеновского полка. В двенадцать лет он был принят в гимназию Санкт-Петербургской Императорской Академии наук. Будучи одаренным от природы ребенком, Василий осенью 1767 года сдал выпускные экзамены, получив похвалу за успехи и прилежание. В этом же году он был принят студентом в Академию наук и зачислен в экспедицию академика Петра Симона Палласа, знаменитого естествоиспытателя, с которым он путешествовал по Сибири до 1770 года.

В течение 1771—1772 годов по заданию Палласа Зуев путешествовал по северу Западной Сибири (Челябинск—Березов—Обдорск—Красноярск—Новая Мангазея (Туруханск)—зимовье Селякино). В течение полутора лет, проведенных Зуевым среди остяков и самоедов, ему удалось достаточно глубоко ознакомиться с природой сурового края, особенностями быта, хозяйства, обычаями и нравами коренных жителей. Острый ум, природная наблюдательность, необычайно высокая работоспособность Зуева нашли отражение в его многочисленных рапортах, которые регулярно отправлялись Палласу, и сочинениях о северных оленях, рыболовстве и охоте аборигенов Нижнего Приобья. После возвращения из последней экспедиции на север Сибири Зуев обработал свои полевые материалы и в 1773 году закончил сочинение, которое назвал «Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов».

П.С. Паллас, которому Зуев посвятил сочинение, столь высоко оценил работу своего ученика, что использовал ее (с некоторыми купюрами) при составлении третьей части своего «Путешествия по разным провинциям...». Учитель возлагал на Василия большие надежды, связывал с ним далеко идущие научные планы, но после того, как из-за организационных трудностей сорвалось путешествие Зуева по европейской тундре, их пути разошлись. В 1774 году Академия наук послала Зуева за границу учиться естественным наукам. Пять лет спустя В. Зуев защитил диссертацию по

зоологии, а еще через восемь лет ему было присвоено звание академика и профессора естественной истории.

До конца своих дней академик Василий Федорович Зуев много путешествовал, писал и получил заслуженное признание как один из виднейших русских ученых, автор естественно-исторических исследований. Самые же первые его научные опыты на поприще западносибирской этнографии были надолго забыты (многое утрачено, не будучи опубликованным).

Содержание зуевского «Описания...», в отличие от «Краткого описания» Новицкого, лишено богословских экскурсов и ярого осуждения языческого мировоззрения аборигенов. Явно проступает рациональная натура ученого-естественника: его интересуют более материальные стороны жизни (особенности физического строения, вопросы гигиены, состояние здоровья, способы добывания и приготовления пищи и т.п.), нежели духовные. Особенно ярко характеризуют Зуева с этой стороны его «опыты» с шаманами, которых он испытывал, например, надевая шаману на руку черную замшевую перчатку, внимательно при этом фиксируя реакцию «пациента». А чего стоит его неоднократно высказываемое сожаление о нерациональном использовании оленей, которых аборигены убивали во множестве, принося в жертву богам!

Неприятие образа жизни аборигенов Зуевым — представителем европейской культуры, отразившееся в отдельных фразах, уступает место позиции добросовестного естествоиспытателя, этнографа, антрополога (школа Палласа!): исследователь заключил, что суровый климат и однообразие пищи породили «особливый людей род», которые все тяготы «сносят нечувствительно» и «по привычке своей ко всем трудностям уже не почитают себе оное за тяжесть»; в общении они хоть и дики, и грубы, зато верны и справедливы, «для честного честны и ласковы... для себя скупы, а . .для русских людей щедры».

С. Пархимович

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ИСКУССТВА.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ
О
НАРОДѢ ОСТЯЦКОМЪ

СОЧИНЕННОЕ

ГРИГОРІЕМЪ НОВИЦКИМЪ

ВЪ 1715 ГОДУ

ИЗДАЛЪ
Л. МАЙКОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-litho Б. С. БАЛАШ: на, Екатерининской ул., № 78.
1884

Типографія Ф. Ф.
Екатеринославъ
Екатеринославскій пикетъ, д. № 26.
1901.

„Краткое описание о народѣ Остяцкомъ" печатается по старѣйшей рукописи этого сочиненія, которая принадлежитъ Тобольскому каѳедральному собору и была доставлена въ С.-Петербургъ по ходатайству Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Рукопись эта составляетъ тетрадь въ четвертку изъ 98 листовъ, въ картонномъ переплетѣ. До 93-го листа рукопись писана южно-русскимъ почеркомъ начала XVIII вѣка, а съ 93-го листа до конца—другимъ, обыкновеннымъ великорусскимъ того же времени. Въ части, писанной первымъ почеркомъ, есть нѣсколько поправокъ, сдѣланныхъ особою рукою, бойкою, но мало разборчивою, быть можетъ, рукою сочинителя. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ рукописи, почеркомъ одного изъ позднѣйшихъ читателей ея, извѣстнаго изслѣдователя исторіи и этнографіи Сибири въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ, Николая Алексѣевича Абрамова, между строкъ отчетливо означены слова, неразборчиво написанныя старымъ писцомъ. На оборотѣ послѣдняго 98-го листа находятся слѣдующія двѣ приписки:

1) „Въ сей книгѣ девяносто восемь листовъ—98 л. Тобольскаго каѳедральнаго собора ключарь Протоіерей Яковъ Ласточкинъ 1856 года Апрѣля 5-го дня".

2) (рукою Н. А. Абрамова) „Эту книгу читалъ Учитель Тобольск. Уѣздн. уч. Николай Абрамовъ".

Кромѣ описанной рукописи, извѣстенъ еще другой списокъ „Краткаго описанія", сдѣланный въ 1839 году Н. А. Абрамовымъ и въ 1840 препровожденный имъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія. Изъ департамента списокъ этотъ поступилъ въ архео-

графическую коммиссію, откуда въ 1874 году былъ переданъ въ Императорское Русское Географическое Общество. Списокъ этотъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько неисправностей, происшедшихъ отъ того, что Абрамовъ невѣрно прочелъ нѣкоторыя неразборчивыя мѣста подлинника, но за то снабженъ довольно большимъ и любопытнымъ посвященіемъ переписчика департаменту народнаго просвѣщенія [1]). Тѣмъ же Абрамовымъ былъ доставленъ другой списокъ „Краткаго описанія" непосредственно въ Географическое Общество еще въ 1854 году [2]); но въ настоящее время ни въ ученомъ архивѣ, ни въ библіотекѣ Общества не имѣется этой рукописи.

Настоящее изданіе воспроизводитъ текстъ Тобольскаго списка буквально; редактору изданія принадлежитъ только разстановка знаковъ препинанія [3]).

Свѣдѣній объ авторѣ „Краткаго описанія", Григорій Новицкомъ, очень мало, и извлекаются они почти исключительно изъ самого его сочиненія. Языкъ „Описанія", манера изложенія, а равно и фамилія автора, несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что Григорій Новицкій былъ Малороссіянинъ, по всей вѣроятности — питомецъ Кіевско-Могилеанской коллегіи. Изъ предисловія къ „Описанію" видно, что онъ попалъ въ Сибирь неволею: „Узрѣшъ, яко странникъ бѣдствующій и пришлецъ его же, не желаніе любопытства ниже о всякихъ вещехъ искательство видѣнія въведе сѣмо, но брани смущенія междоусобныя и временъ злоключеніе предаша неволи". По дѣламъ Тобольскаго консисторскаго архива Н. А. Абрамовъ доискался, что ссылка Новицкаго, вмѣстѣ съ другими 15-ю лицами, относится къ 1712 году; но ближайшая причина ея остается не раскрытою. Въ бытность свою въ Сибири Григорій Новицкій пользовался расположеніемъ губернатора князя Михаила Петровича Гагарина и митрополита Филоѳея; послѣдняго онъ сопровождалъ въ его путешествіяхъ для проповѣди христіанской

---

[1]) Посвященіе это напечатано въ замѣткѣ моей о сочиненіи Гр. Новицкаго въ *Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества* т. XI, отд. 2, стр. 1—9.

[2]) См. Отчетъ Русск. Геогр. Общества за 1854 г., стр. 54.

[3]) Здѣсь кстати будетъ отмѣтить нѣсколько вкравшихся въ наше изданіе опечатокъ. На стр. 19 и 20 собственное имя *Чимчимъ* слѣдуетъ читать *Чимкимъ*; на стр. 21, въ строкѣ 9 сверху, вмѣсто *Ешичеръ* должно быть *Ешиперъ*; на стр. 47, въ строкѣ 11 сверху, вмѣсто *каменгоръ* должно читать *кальпиръ*; на стр. 56, въ строкѣ 12 сверху, вмѣсто *м, земли* должно быть: *м земли*.

вѣры Остякамъ и Вогуламъ, эти-то поѣздки и подали Новицкому поводъ къ сочиненію „Описанія“ въ 1715 году. Изъ разсмотрѣнныхъ Абрамовымъ дѣлъ консисторскаго архива обнаруживается, что при преемникѣ Филоѳея, митрополитѣ Антоніѣ (Стаховскомъ), Новицкій назначенъ былъ въ Кондинской волости надзирателемъ за исполненіемъ новокрещеными Остяками христіанскихъ обязанностей и тамъ впослѣдствіи убитъ вмѣстѣ со священникомъ Сентяшевымъ [1]). Случилось это уже послѣ 1720 года, когда скончался Филоѳей.

Изъ сочиненія Новицкаго, которое, къ сожалѣнію, осталось не оконченнымъ, обнаруживается, что авторъ его обладалъ замѣчательнымъ по своему времени образованіемъ. Ссылки Новицкаго на Овидія свидѣтельствуютъ, что онъ зналъ по латыни и читалъ римскихъ поэтовъ; свѣдѣнія же по исторіи Сибири, приводимыя имъ въ §§ 6—9 главы I-й „Описанія“, показываютъ, что онъ ознакомился съ прошлыми судьбами Сибирскаго края изъ Сибирской лѣтописи Саввы Есипова, сочиненія, которое пользовалось въ XVII в. и въ первой половинѣ XVIII вѣка большою извѣстностью между людьми, интересовавшимися исторіей Сибири [2]).

Крайне замѣчательно сочиненіе Новицкаго по внутреннему своему содержанію. Извѣстія его о миссіонерской дѣятельности преосвящ. Филоѳея даютъ „Краткому описанію“ значеніе первоисточника въ этомъ отношеніи; а сообщаемые имъ многочисленные факты о древнемъ бытѣ западно-сибирскихъ инородцевъ ставятъ его на ряду съ записками старинныхъ католическихъ миссіонеровъ въ Америкѣ, напримѣръ, Лафито (Lafiteau) и Шарлевуа (Charlevoix), съ „Описаніемъ Камчатки“ Крашенинникова и съ описаніями путешествій кругосвѣтныхъ мореплавателей прошлаго вѣка, изъ которыхъ новѣйшіе этнографы почерпаютъ столько важныхъ извѣстій по сравнительной исторіи культуры. Относительно этнографіи сибирской это — первое по времени спеціальное сочиненіе. Да и

[1]) *Временникъ Общества исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ*, кн. XX, статья *Абрамова* о Сибирскомъ митрополитѣ Филоѳеѣ Лещинскомъ, стр. 3, прим.

[2]) Объ этомъ можно судить по множеству дошедшихъ до насъ списковъ, въ разныхъ редакціяхъ, лѣтописи Есипова, относящихся къ означенному періоду времени. Любопытно, что существуетъ одинъ списокъ лѣтописи Есипова, первоначальной редакціи, писанный южно-русскимъ очеркомъ и съ архаизмами малороссійской рѣчи. Списокъ этотъ находится въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ и поступилъ туда отъ Шлецера въ 1767 г., онъ печатался въ нашемъ.

вообще ему слѣдуетъ отнести почетное мѣсто въ русской ученой литературѣ Петровскаго времени; въ ряду литературныхъ памятниковъ, оставленныхъ писателями, воспитавшимися на почвѣ схоластическаго направленія, не много найдется произведеній, которыя были бы столь богаты фактическимъ содержаніемъ самаго живаго интереса [1]).

Остававшееся до сихъ поръ не изданнымъ, сочиненіе Гр. Новицкаго еще въ рукописи давно обращало на себя вниманіе изслѣдователей этнографіи и исторіи Сибири. Кромѣ Н. А. Абрамова, изъ него извлекали свѣдѣнія протоіерей Ал. Сулоцкій [2]), П. А. Словцовъ [3]), Гр. Ив. Спасскій [4]) и еще во второй половинѣ прошлаго вѣка—тобольскій ямщикъ Илья Черепановъ, авторъ такъ-называемой „Новой Сибирской лѣтописи", доселѣ не изданной [5]). Но всѣхъ болѣе воспользовался сочиненіемъ Новицкаго одинъ плѣнный Шведъ (или Нѣмецъ), находившійся одновременно съ нимъ въ Тобольскѣ. Это былъ драгунскій капитанъ І.-Б. Мюллеръ, почти цѣликомъ переведшій „Краткое описаніе" въ своей статьѣ „Das Leben und die Gewonheiten der Ostiaken", приложенной къ извѣстному сочиненію Фр.-Хр. Вебера: Das veränderte Russland (Hamburg. 1721). Статья Мюллера, составленная въ Тобольскѣ въ 1716 году и пять лѣтъ спустя уже напечатанная, впервые обстоятельно познакомила ученую Европу съ одною изъ важнѣйшихъ племенныхъ группъ Западной Сибири. Между тѣмъ оказывается, что заслуга эта принадлежала въ сущности Русскому, Григорію Новицкому, имя котораго даже и не упомянуто Мюллеромъ.

Считаю долгомъ выразить мою глубокую признательность почтенному П. Н. Тиханову, который раздѣлялъ со мною трудъ по печатанію „Краткаго описанія" и составилъ къ нему указатель.

Л. Майковъ.

---

[1]) Къ удивленію, П. Л. Пекарскій, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „Наука и литература при Петрѣ Великомъ", вовсе не поминаетъ о трудѣ Новицкаго.

[2]) Святитель Филоѳей, митрополитъ Сибирскій и Тобольскій. Изд. 2-е. Омскъ. 1862.

[3]) Историческое обозрѣніе Сибири. М. 1839.

[4]) Въ *Сибирскомъ Вѣстникѣ*.

[5]) См. мою записку о ней въ 7-мъ выпускѣ *Лѣтописи занятій археографической коммиссіи*, отд. IV, стр. 40.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ

О

НАРОДѢ ОСТЯЦКОМЪ

ИЖЕ

ВЪ ПРЕДѢЛЕХЪ ПОЛНОЩНЫХЪ ЦАРСТВА СИБИРСКОГО ОБРѢТАЕТСЯ

СЪ НѢКОТОРЫМЪ ТОГО ЖЕ ГОСУДАРСТВА

ОСОБНѢЙШЫХЪ ВЕЩЕЙ ВѢДЕНІЕМЪ

А НАИПАЧЕ

О ЖИТІИ, ОБЫЧАЯХЪ И ПРЕБЫВАНІИ СЕГО ОСТЯЦКОГО НАРОДА, ТОЖДЕ ИХЪ ПРЕЖДНОМЪ ЗЛОЧЕСТІИ КУМИРОСЛУЖЕНІЯ, О ОБРАЩЕНІИ ВЪ ПРАВОСЛАВНУЮ БЛАГОЧЕСТИВУЮ ХРИСТІЯНСКУЮ ВѢРУ

ИЖЕ

ГОСПОДУ СПОСПѢШЕСТВУЮЩУ ТЩАНІЕМЪ СІЯТЕЛНѢЙШАГО КНЯЗЯ МАТѲЕЯ ПЕТРОВИЧА ГАГАРЫНА, ГУБЕРНАТОРА ЦАРСТВА СѢВѢРСКАГО, ПРОПОВѢДЮ ЖЕ ТРУДОЛЮБНОГО БЛАГОЧЕСТІЯ ПРОПОВѢДНИКА И УЧИТЕЛЯ ПРЕОСВЯЩЕННАГО АРХІЕРЕЯ ѲЕОДОРА СХИМОНАХА

СОБЫСТЬСЯ

ВЪ ВРЕМЯ ПРАВЯЩА ПРЕСТОЛОМЪ МЕТРОПОЛІИ СѢВѢРСКОЙ ВЕЛИКАГО І ПАНА ПРЕОСВЯЩЕННАГО АРХІЕРЕЯ ІОАНА ЛАДИМОВИЧА

СПИСАНО ЖЕ ЗА ПОВЕЛѢНІЕМЪ ЕГО КНЯЖЕСКОЙ СВѢТЛОСТИ ГУБЕРНАТОРА СѢВѢРЫ

ПЛЕМЯННИКОМЪ ЕГО РАВОМЪ ГРИГОРІЕМЪ І ОВИЦКИМЪ

Пама съ отраслію на крестъ суть сложены,
Знаменемъ вѣры суть крестъ свято почтенны,
Связанна въ едино любовъ знаменуетъ.
Вѣнецъ правды здѣ зложенъ надежду являетъ.
Вѣра, надежда, любовь на нихъ положенный
Законъ Христовъ, трома сими утвержденный.
Исполненъ Гагарыневъ гербъ древнѣйшой славы,
На немъ же благодати Божой сложенны уставы,
И добры отъ отраслей плоды происходятъ:
Умноженіе вѣрныхъ сторично приносятъ.

Величество преславныхъ и превеликихъ дѣлъ сѣятелства вашего, еже все православіе, всю подсолнечную неописаннымъ, необъемлемымъ наполни торжествомъ: не моего неудобства бысть се могутство достойно изобразити, еже нынѣ съ раболѣпнымъ преклоненіемъ егда приношу, сумнѣяся и ужаса исполненъ: яко недоволно есть противо величества дѣлъ сѣятелства вашего, сіятелнѣйшій и благороднѣйшый князь, усумнѣтися въ истинну; паче же постыдѣтися подобаетъ мнѣ, яко неудобство мое малѣйшымъ симъ дерзну изобразити начертаніемъ толь преславная дѣла, толикое сихъ величіе, еже не у миру вмѣстимо есть: тако убо простреся, тако превзыйде и превознесеся, яко вся наполни церкви веселіемъ, православіе вожделѣннымъ благополучіемъ, благочестіе умноженіемъ, и вся стихія, землю, небо неизреченнымъ наполни торжествомъ: не о единомъ бо грѣшника спасеніи, но о многочисленнаго народа обращеніи утвори небеса радоватися. Объемлетъ здѣ всю подсолнечную удивленіе, церковъ Божію веселіе, небеса побѣдителное торжество, егда на сія взираютъ сіятелства нашего добродѣтели на толикія преславныя о благочестіи тщаніе и труды; узрятъ здѣ, како непреодолѣнная по благочестіи ревность, ревнуя поревновахъ крѣпкою десницею, древнее низрину злочестіе, погуби злобу

идолску, нисведе а небесъ милость, и побѣдоносимъ церковъ Божію отъ многочисленныхъ цвѣтцовъ душъ человѣческихъ сплетеннымъ приложи увѣнчеватися вѣнцемъ: вся убо сія аще вышняго суть правленіе, зане обращеніе невѣрно нѣсть человѣка хотяща, но Бога милующаго. Обаче вышняго правленіе и наставленіе тобою дѣйствова тобою утворы, въ тебѣ вмѣсти благодати своея дары, благоразуміе, милосердіе, и всему угодная орудія толикія преславныя дѣйствовати. Свѣтовидно здѣ явн себе миру великое благоразуміе сятелства вашего, егда правленіе свое царственную Сибѣръ преславныхъ наполни величествомъ годъ достойныя хвалы Божія почти умноженіемъ всемірнымъ наполни веселіемъ, а что вящше яко обще всему государству прыложы несумнѣнно желаемыхъ благъ чаяніе; ничтоже бо тако нисводить съ небесъ милость, всихъ благъ подателницу, яко благочестіе, еже нынѣ трудолюбнымъ тщаніемъ сятелство ваше умножая умножаеть миру благополучіе, предувидѣ высокимъ благоразсмотрителствомъ сятелство ваше толико угодного проповеди сей учителя, трудомъ непреодолѣннаго, противниковъ яростію неустрашимаго, должайшѣмъ путь шествіемъ неизнемагающаго, и аще глубочайшею старостію (еже самый недугъ) одержимъ есть, обаче силою свышше укрыпляемъ. Не изнемагае тщателнѣ и трудолюбнѣ богоугодное сятелству же вашему и всему желаемому миру искать, умножать и утверждать благочестіе; умолкну здѣ прочее, како таковое благоразуміе древнихъ благочестія ревнителей божественная мудрствующихъ. Весь миръ, все православіе, вѣчнимъ почитая, воспоминаетъ благодареніемъ: ими похвалными послѣднему роду, даже и до днесь и во вся вѣки земли и небеси слава превозносить пѣсньми, како не-

престанными твердъ самой истинны церкви Божія ублажаеть похвалами; но сіе всего подобіе въ лицы сіятелства вашего, аки въ зерцали преславныя дѣла, тщаніе и трудъ, не усыпающее о умноженіи благочестія богомысліе, не толико истое сего подобіе и образецъ, но самое существо являютъ, и аки свѣтило послѣднему роду свѣтовидно изъясняють и показують.

Прекрасная же и природная сиятелства вашего добродѣтель, милосердіе, яви себе миру паче полуденнаго свѣта. Егда сія дивна Остяцкій и Вогулской народъ кротостію и благоразумієм прытяжа благочестію, власть бо ярости исполненна не возмогла бы быти, привлекающая сихъ добродѣтель до таковаго повиновены, дабы свое паче житіе возлюбивше оставилъ злочестіе, зане дивій сей народъ трепетенъ, звѣроподобенъ, страха нетерпѣливъ. Бѣгство — обычное спасеніе его есть; не убы симъ восплапула ярость, како бы прежде обьяти страхомъ скорое восприялъ быхъ покрывало, непроходимую пустиню, безденныя вертепы, мракъ и сѣнь пустинную, еже обычное ему отъ страха хранилище есть, аще бы не щедролюбивая десница сиятелства вашего кротостію и благоутробіемъ прытяжала благочестію, удивленію и чудеси достойная, коль крѣпкая, коль сильная дѣйствова въ народѣ семъ добродѣтель сія, народъ тако возлюби праотцы ихъ укоренное злочестіе, яко удобнѣе быть ему лишитися житы, ниже утатися злочестія своего; но милосердіемъ и милостынею сиятелства вашего толь побѣжденъ, яко свое паче житія возлюбивше остави злочестіе, наставленію же и повелѣнію сиятелства вашего тако повинуся, яко всего себе Божественному предалъ званію. Во истинну удивителнѣйшее превеле украшеніе твое, свойственная добродѣтель сиятел-

нѣмъ приношу. Паче же на сіе малѣйшее милостивыя своя егда обратиты очеса, не тако хитросплетенныхъ словесъ высокаго вѣщанія взыскатель восхощеть быти, яко присного простоусердія сего вниматель, имъ же присно желаю да общему спасенію, всенародному веселію, церквамъ Божіимъ умноженію, десница Господня умножая умножыть долгоденствіе сиятелства вашего и сыпше ублагословляя ублагословить Авраамовымъ благословеніемъ отъ рода въ роды, Давыдовымъ вѣнцемъ отъ силы въ силу, довели же трудъ и тщаніе сиятелства вашего о умноженіи благочестія достойнымъ небесныя славы вѣнцемъ увѣнчаетъ присными усердіемъ желая.

ПРЕДОСЛОВІЕ КО ЧИТАТЕЛЮ.

—

Странникъ и пришлецъ Сѣвѣрской страны сей, въ ней же многая удивленію и чудеси достойная, множайшое изобиліе чудныхъ и преславныхъ вещей, наипаче обще всего міра достойную радость въ предѣлехъ сихъ утворьшеюся тебѣ, ласкавый читателю, предлагая несумнѣнно есмь надеженъ благоприятный сихъ въ сихъ искателству твоему быти вѣстникъ. Удивленію достойная воспомянухъ, ихъ же и самовидецъ быхъ, не безъ твоего будуть удивленія, аще и малѣйшая сія послѣдствующая благоусердіемъ, а не преди осужденіемъ изслидить и прозрыть восхощеты, обращешъ зде, первое, удивленію достойная странное житіе и дивныя обычая прежде воспоминаемаго народа, иже своимъ селеніемъ удалися до полнощнаго хлистаго окіяна, и даже до самаго студенаго полнощнаго (его же и арктикусъ нарицають) касається круга, идѣ же неудобное житію человѣческому селеніе особнѣйшымъ народу сему есть жылищемъ, толикого бо тамъ жестокого студени отъ хлистого окіяну наполненъ воздухъ, яко всякимъ иностраннымъ незносенъ, ужасенъ, зловредителенъ, народу же сему благоприятенъ, зане всегдашное ихъ тамо пребываніе. Иная же странная обычая—острое и скудное жытіе, прочая же, неудоб

носимая и нестерпимая человѣческой природѣ — сему не въ тяжесть, но въ благопріятство носима суть. Толь убо острому житію прилежить народъ сей, яко аще бы не внималъ сему искуснѣйшаго любомудреца реченію, что налогъ и обычай вящше могутъ самыя природы; вѣдѣвшие толь жестокая и острая обычая, мнѣхъ бо яко чрезестественнѣ терпима и творыма сія суть или ино нѣкое крѣпчайшее всѣхъ естество человѣческое, но о жестокихъ сихъ многоглаголаніемъ дабы не ожесточило прилѣжнаго вниманія вашего, преди послѣдствуютъ прилятнѣйшія о дражайшихъ и преславныхъ сего государства изобиліи и богатствы извѣщенія. Паче бо сего, что всѣмъ еже на препитаніе человѣку изобилуетъ, государство сіе съдержитъ и прочее въ нѣдрехъ своихъ: различныя руды желѣза, мѣди, свинцу и прочая, отчасти сребра и злата, но паче всего сія царъственная Сибѣръ, изобилная есть и многоплодная питателница вездѣ славнымъ красотою соболей и паче сихъ дражайшыя; еще содержитъ черныя лисицы, яже своею красотою и драгостію превосходятъ цыну. Тожде и инаа украшенія: горностай, бѣлка и прочая различныхъ звѣрей.

Обаче надъ вся благоприлятнѣйшая превожделѣнная вниманію вашему буди благовѣствуема радость, юже непостыжимый безмѣрною своею вся въ спасеніе человѣческое доселе дѣлая въ предѣлехъ сего государства всемирно утвори радоватися, егда тмою идолобѣсія здревле слѣпотствующій Остяцкіи народъ въ свѣтлое благодати Божьей приведе боговидѣніе, еже обще всего міра быти веселіемъ свѣдѣтельствуетъ свѣтъ истинны Евангельской, иже единаго грѣшника спасеніе ангелскимъ и всего небеси истинствуетъ быти торжествомъ, колми паче толико многотисящного численнаго народа отъ злочестія въ благочестіе обращеніе всю тварь, небо

и землю наполни веселемъ, его же наполненіемъ и твоего благочестія нападетъ сердце, сего ради не усомнѣваюся тебѣ, ласкавый читателю, и всимъ благочестія любителемъ благоприятный сихъ быти вѣстникъ. Единое ми толико предстоитъ сумнѣніе, да не буду осужденъ, яко не сладкословникъ, ниже высокимъ хитросплетенныхъ словесъ украшеніемъ изобразихъ сія и всемирному дерзнухъ предать позорищу: обаче блюдохъся, первое, да не хитросплетеніемъ словесъ покрившаяся сумнительна и неудобна сихъ истинна къ разумѣнію будетъ яже нынѣ простонарѣчемъ свѣтовидно изяснена суть. Прочее же возры не такъ презирателнымъ высокоразсужденіемъ яко благоутробіемъ на нынѣшное состояніе мое, еже благосердно увиждъ кто сочиненія сего творецъ. Узришъ, яко странникъ бѣдствующій и пришлецъ, его же не желаніе любопытства ниже о всякихъ вещехъ искателство видѣніе въведе сѣмо, но брани смущенія междоусобныя и временъ злоключеніе предаша неволи; неволя же, общое пріятелище многихъ узниковъ, жилище и ужилище, царственную показа Сибѣръ, въ ней же пребываніе мое и самое состояніе неволи яви творить, яко не о хитросплетеніи риторского добровѣщенія время удобно упражнятися, но повседневно обученіе. Скорбь, печаль, тѣснота, нищета, слезы, въ нихъ же что умъ можетъ— ясно стихотворецъ показуетъ:

Цѣлебѣдный, въ тѣсномъ пути сего пребывае.
Свободу любящъ—разумъ всегда унываеъ.
Печаль и скорбь—разуму есть смертное ложе.
Смертенъ весь пребывая, ни двигнутися може,
Лежитъ яко мертва плоть сами умерщвленны,
Слезми скорби разумъ наполненны.

И аще свойственная есть свобода и быстрость ума человѣческаго въ мгновенія ока всю подсолнечную обходити, небес-

ныя преходити и непроходимыя бездны въ подземныхъ разсуждаты, обаче злоключительное неволи состояніе на сего свободу и скорость возложы ужылища печаль и скорбъ, отъ нихъ же ни черты единыя укоснуть свободно дадеся, но всегдашное дневное и нощное въ скорбехъ обученіе непроходимы предѣлъ сему полагается. Егда бо нощъ объемлеть, тогда неусыпающая мысль возбуждаеть жалость и болѣзнь сердца, како лишихъся паче всихъ любимаго отчества; како неволя наша, жестокія всихъ благъ разоритель, крайняя пагуба, не толико трудами снискавшая благая — чести и славы разоры, погуби, но и самое удобство снисканія сихъ младость вѣка тако погубляеть и истребляеть, яко мнится нѣсмъ отъ человѣкъ, но червъ и поношеніе симъ. Аще же сія съ нощію въ слезахъ угаснеть и солнце исполненны радости день вводитъ, тогда царица злыхъ и корень бѣдъ и скорбей — нищета помрачаеть умъ тмамы темъ, влагая темна недоумѣнія: отъкуду снискать горестъныя пищи; чимъ сохранитись въ сихъ полнощныхъ, мразныхъ и мрачныхъ странахъ отъ лютости мразовъ, и се учителница ума, паче же помрачающая тма, погибель благихъ, умноженіе злыхъ — неволя предложы повседневное уму обученіе и упражненіе.

Не дерзаю же излишнимъ мнѣ приличествующымъ плачевнымъ воплемъ наполняти ушеса ваша, ласкавый читателю, но вящшые прежде воспоминаемой всемирной радости, юже Спаситель мира подалъ желанію вашему, вожделѣхъ быти вѣстникъ усердный. ему жъ душеполезной сей радости и всякого благополучія желатель; молю же милостивно очесъ твоихъ на сія малѣйшыя труды обращенія, иже аще и не красны, ниже преизбранна, но обычному твоему благоутробію да будутъ прыятна. За сія же воздаянія не иного молю, яко толикимъ воздыханіямъ моимъ едино малѣйшое свое присонокупить:

умолитъ могущого возбудитъ отъ камене сыны Авраамля, да насъ снабдитъ скорбми, окаменевныхъ и умерщвленныхъ въ настоящой неволѣ, о ней же приличествуетъ сіе стиховъ написаніе:

Неволя ми смерть, се есть воскреснуть желаю.
  Живо тѣло гробъ ми есть, всегда умираю.
Скорбь и печаль тяжцы умерщвляютъ,
  Въ живомъ тѣло смертнымъ прахомъ покриваютъ.
Но содержай сердце въ рукахъ своихъ, Боже,
  Еже елико хощетъ, сътворити може.
Преклони къ сей полезной страннымъ благостивѣ
  Отъ плачевной глубины адѣшной належствѣ
Возвести насъ, плачевныхъ странниковъ бѣдственныхъ,
  Аки воскресить з мертвыхъ скорбми умерщвленныхъ.

ГЛАВА А-а.

§ а. Сибѣрское государство содержится въ полнощной странѣ, по раздѣленіи математическомъ преодѣленно въ второй быти части, во Азіи; мѣцыи же математики, иже предѣлъ Европы великую рѣку Объ назнаменовавна, сіи начало сего государства полагають быти въ Европи, предѣлы же своими простирается даже во Азію. По сихъ раздѣленію, и первопрестолный сего государства градъ Тобольскъ еще въ Европѣ содержится, обрѣтается же подъ градусомъ 57 и 30 минутъ широты, даже до студенаго полунощнаго круга.

Здреване государство сіе подъ областію Россійскихъ монарховъ обрѣтається; многолюднымъ же своимъ селеніемъ и пространнымъ предѣломъ многимъ европейскимъ государствомъ сравнитися можетъ, а яже въ предѣлехъ своихъ дражайшыя содержыть вещы, сими многія превосходитъ государства. Предѣлы же своими прямо земнне къ полнощы касається до ледстаго окіяну, оттуду же къ востоку предѣлъ ея содержитъ Мангазѣя, Турухань оконченається, даже до Камчатской

страны, юже вящше двадесяти лѣтъ обрѣтше Россіане, покориша своему скипетру.

Въ предѣлехъ сихъ государство сіе содержитъ звѣрей дражайшихъ, различныхъ родовъ: соболей, черныхъ лисицъ великія и безмѣрныя драгости, иже нѣцыи мармарами нарыцаютъ, горностай, бѣлка и прочая звѣры, яже иныя европейскія государства не имѣютъ; симъ паче и иныхъ преславно изобиліемъ, и не толико всю Европу, но Азію, Китайское и иныя государства доволно симъ изряднымъ украшеніемъ наполняетъ, обаче предѣлъ тотъ аще и дражайшыя содержитъ вещы— безплоденъ естъ, и земля во многихъ тамо мѣстахъ никакихъ плодовъ земныхъ не произноситъ, зане вся вящше прилежитъ студеному кругу, и ничто же яко дивое зелія прорастити можетъ. Премногими же предѣлъ сей изобиленъ рибными ловли, ими же недостаточество въ пищи вспомагаетъ изобиліемъ разныхъ родовъ рыбъ и звѣрей, иже сими питаетъ жытелей своихъ и до зѣла удоволяетъ.

Къ западу простираеться предѣлы своими даже до степей Мунгалскихъ, Контапшыныхъ и Аюкиныхъ, иже называются именемъ тамо владычествующыхъ надъ собою князей, яко же отъ Контайшы—Контайшины, отъ Аюки—Аюкины нарыцаются степы. Въ сихъ предѣлехъ исполнено государство сіе изобиліемъ плодовъ земныхъ, самородной по езерамъ соли, довольнымъ умноженіемъ скота. Къ полудню предѣлъ содержитъ Иркуцкъ и Селенга, иже прысѣдитъ надъ нѣкою отногою морскою, толико пространною, юже здѣшніе граждане великости и глубокости ради и содержанія звѣрей морскихъ, нерпы и прочая, нарыцаютъ Байкалъ море; за симъ Нерчинскъ градъ, а напредъ Якуцкъ предѣлы своя съ Китайскимъ государствомъ окончеваетъ. Сей убо предѣлъ преизобиленъ

земного многоплодія соляныхъ езеръ и изобилныхъ рибныхъ ловлей, преизобилное умноженіе скота и на препитаніе человѣческое всякого довольства, а понеже до славныхъ Китайскихъ зближается стѣнъ, содержитъ съ тѣмъ славнымъ государствомъ Китайскимъ вся торговыя промыслы, премѣняя товары своя сибѣрскія: соболи, горностаи, бѣлку и прочая. Оттуду же превеликія богатства злата, сребра, драгихъ каменій, шелъковыхъ парчей, сосудовъ каменныхъ избранныхъ и прочая.

В семъ полуденномъ предѣлѣ и въ своихъ нѣдрѣхъ земныхъ содержитъ различныя руды желѣза, мѣди, свинцу. Отчастей же руду содержыть сребра и злата.

§ к. Особнѣйшія же вещы, еже паче иныхъ государствъ въ нѣдрѣхъ своихъ имѣетъ съ премногимъ удивленіемъ, всякому искателю достойна суть видѣнія.

Содержитъ государство сіе въ нѣдрехъ своихъ земныхъ: кости доброты и красоты единыя съ костми слоновыми и вящше, зане слоновая кость иногда отъ горячости каковой желтѣеть, но сія никогда чистости и бѣлости не премѣнидеть; великостію знамениты, бываютъ бо длиною въ три аршина и три четверти, толщыною въ четверть и вящше, подобіемъ же аки роги якія.

Обрытаються сія найпаче въ предѣлехъ полунощныхъ, иже прилежать ко ледистому океану, въ Березовѣ, Обдорѣ и въ Туруханскомъ, найпаче въ Якуцку, обычно же взыскуются при морскихъ брегахъ и мѣстцахъ песчаныхъ здѣшнія належстыны. Граждане обще нарицаютъ кости сія мамента звѣра нѣкоего земнаго. Но о немъ различно разумѣютъ: глаголютъ же нѣцыи звѣра сего быти земна, иже вдагою земною живеть и въ пещерахъ земныхъ обрѣтается: найпаче въ влаж-

ныхъ; сухого бо и зрачнаго воздуха блюдется зѣло, и глаголють, яко егда кіимъ случаемъ пещера его опадеть, и изыйдеть на воздухъ, въ влажною же скоро не обратится пещеру, тогда воздухомъ скоро убивається и погибаетъ и тако оставляетъ кости. Нѣцыи хотящи повѣствуемая достовѣріемъ утвердити тако подобіе его изъявляютъ быти: высотою трехъ аршинъ, длиною пяти аршинъ, ноги подобни медвѣдя, роги оныя крестообразно сложени на себѣ носяща, и егда ископоваетъ пещеры, тогда согибається и простирается въ подобіе ползящаго змія. Нѣцыи сему противно разумѣють и глаголють не быти существомъ, звѣра сего мамонта, кости же сія мнятъ единороговъ или иныхъ нѣкихъ звѣревъ морскихъ, во время потопа Ноева водою нанесенная и осохшая на земли, древностію же въ землю вселшаяся. Но се тщетное разумѣніе, зане кости сія нѣкія обрітаються: зрачныя, свѣтлыя, чистыя, ветхостію не истлѣнна, множество же по всяко время собирається, коея бы ради вины вода толикое множество во едину палестину собрала. Разумѣти же тако: не земля ли естественнѣ и самороднѣ отъ себе производить кости сія, зане по здании любомудрецовъ земля еже выше себе производить тожде въ нѣдрехъ своихъ иногда произносить, яко содержить верхъ себе соль: мѣетъ же ю въ нѣдрехъ своихъ. Извѣстніе же се является въ странахъ государства Агличанскаго, яко земля въ нѣдрехъ своихъ произноситъ древеса, аже жителствующи тамо повседневно изобритають и недостаточество свое въ дровахъ вспомогаютъ и огрѣваються сими; но се разумѣніе инымъ не доволно. Иногда бо роги сія глаголють яко изобрытають з гноемъ съ кровію смѣшеннымъ и въ корени наполнены, еже есть знамение нѣкоего животна, а не толико роги, но и кости прочая: ребра, главу и ноги изобры-

таютъ: костей бо сихъ самовидцы быхомъ; но отъ животнаго ли сія суть или отъ внутрности своихъ земля самороднѣ произноситъ, или звѣрей нѣкихъ морскихъ, зане всегда при брегахъ мора окіяна обрѣтаются,—для различныхъ и прекословныхъ вѣдѣній, своимъ вниманіемъ ничесоже не утверждаемъ: имъ же дадеся отъ премудрѣйшаго всея твари Творца, вящше разумѣти ихъ, свободно вниманію и разумѣнію да будутъ сія.

г. Гори каменныя въ государствѣ семъ обрѣтаются превысочайшыя, иже произноситъ въ нѣдрехъ своихъ самородной хрусталь, слюду чисту; а найпаче наполненные толико каменемъ магнитомъ, яко доводно жители здѣшніи отъ сего хитростнѣ испущаютъ желѣзо, еже чистотою зѣло израдно, избраннѣйшія же отъ него сосуди литія утворяютъ. В сихъ горахъ изобрѣтаютъ врачебное, еже здѣ нарицаютъ масло каменное, се подобіемъ естъ зѣло растворително въ водѣ, или въ какомъ иномъ питіи; вкусомъ содержитъ квасъ и сладность. Здѣшніи граждане употребляютъ ихъ на вся недостаточества и болѣзни утробныя, и силу помоществующую въ томъ узнаютъ. Тожде отъ врачебныхъ зелій земля сія износитъ зеліе, обще всѣмъ гражданомъ страны сея добротою и силою извѣстно и славимо естъ, нарыцаютъ же зеліе сіе звѣробои: имѣетъ цвѣтъ желтъ и силу содержитъ уврачовати всякія побои и уразы, и зѣло въ томъ славимо естъ.

д. Москусъ здѣшній граждане нарицаютъ мскусъ: сей всю Европу благовоніемъ своимъ услаждаетъ, найпаче сіе государство симъ доводно наполняетъ: близко предѣлъ сихъ, найпаче въ предѣлехъ Бухарскихъ и Китайскихъ, звѣръ сей содержащій во утробѣ своей драгость сію пребываетъ. Подобіемъ же глаголютъ быти звѣра сего козлу дику, иже въ

степахъ дикихъ обритается, зѣло же безмѣрной легкости и опасенія и не скоро удобенъ впасти въ руки промышленикомъ, и толико во время весны улучаютъ, смѣшенія бо ради бѣгая по степамъ утрудится: по обычаю же природы своей сгда уснути хощетъ, главу свою въ животъ подгибаетъ, наипаче носъ свой прямо въ пупъ влагаетъ и усыпаетъ, и въ то время улучаютъ промышленники удобно сего убити. Убивши же изимаютъ пупъ сей, содержащій таковое благоуханіе, иже вящше въ время сіе наполнидетъся благоуханіемъ, и сими дражайшими вещми сіе украшается государство.

6. Многолюдствіемъ зѣло доволно государство сіе различныхъ родовъ и дивыихъ языковъ, отъ нихъ же мнози суть безвѣстны въ Европѣ, яко: Тунгусы, Остяки, Отяки, Якуты, Самоядцы, Брацкіе Мужики. Пѣгая орда, Киргизы, Калмыки и прочая въ совершеннѣй и совершеннѣйше о семъ государствѣ и жителствующихъ въ немъ народовъ извѣстіе древнѣйшаго нѣкоего о семъ государствѣ списателя приводимъ свидителство, еже естъ тако.

5. Сибѣрская полунощная страна отъ востокъ, отъ царъствующаго града Москвы растояніемъ съ три тисящи верстъ; облежитъ же камень превысочайшый, яко стѣна, и толикія высоты, яко инымъ холмомъ досязати до облакъ небесныхъ. На сихъ же превысочайшыхъ холмѣхъ растутъ различная древеса, кедри и прочая, въ нихъ же и многоплодни умножаються звѣрие розличные: иные угодные въ снѣденіе человѣкомъ, иныя же толико на украшеніе и одѣяше прилично. Премудростію же всея твары Творца изъ сего камени сладкіе воды изыйдоша, и потекоша рѣки, инныя къ Россійскому государству, а инъныя въ Сибѣрскую страну: еже естъ первая Тура, по сей жительствуютъ народы Вагуличы, языкъ свой

особный имѣющъ, содержатъ зловѣрьемъ поклоненіе идоломъ. Въ Туру впадаетъ рѣка Тагилъ; другая Ница, и за едино совокуплена. Обаче нарыцаются первымъ именемъ Тура, первенства ради. Отсюду входить внутръ Сибѣрскія страны; по ней же жытелствуютъ Татаре; впадаетъ же въ рѣку Тоболъ, Тоболъ въ Иртышъ, Иртишъ въ великую рѣку Объ. Но надъ сими всѣми рѣки жытелствуютъ языцы: Татаре, Башкири, Калмыки, Пѣтая орда, Остяки, Самоиды и иные невѣдущи Бога, и много различного зловѣрья. Татаре злочестіе Махомета ново содержатъ, а инни идолопоклонници. Калмыки прародецъ и старѣйшыхъ уставленіе и преданія содержатъ, въ зловѣрьи идолопоклонническомъ. Самоиды, Пѣтая орда, Остяки поклоняются идоломъ и боготворатъ руку дѣлъ своихъ, чающе отъ сихъ благоприятіе имѣть и содержаніе житія своего: и ничтоже ядятъ прилѣчно ястію человѣческому, но вся мяса суровыя и кровъ пиютъ, яко же воду. Доселѣ суть сего древнѣйшаго историка извѣстія о семъ Сѣбѣрскомъ государствѣ.

3. О древнемъ же правлени сего государства воспріяша вѣдѣніе и отъ летописцовъ татарскихъ, яко здреніе правителствовашеся князями зловѣрія махометанска, и первовладычествующый престолъ ихъ бяше на рекѣ Ишими, иже въ Іртишь впадаетъ. Первый же князъ, названный, Онъ, властителствоваше на Ишими, иже отъ никоего своей власти подручного, именемъ Чинчина, убіенъ бысть. Наслѣдникъ же престола отча, сынъ князя Она, именемъ Тайбака, отъ убійства Чинчинова нѣкіими рабы своими сохраненъ, и житіе свое на долзѣ укрываше блюстителствомъ рабовъ своихъ, донелѣже пріемъшы хищеніемъ престолъ Чинчинъ злодичествуя симъ увѣда, яко Тайбука, сынъ Она, еще въ живыхъ сохраняетъся; посла съ честію и любовію снискать сего

и привесть во дворъ свой, идѣ же Тайбука являяпеся Чинчину яко доброправенъ юноша, списка себѣ такову у Чынчина милость, яко ему всю первоначалну властъ надъ своимъ вручи воинствомъ. Тайбука же нетще содержая властъ и правленіе надъ воинскими силы, пойде съ силою воинства по Иртишу и по великой рѣки Оби, и многія тамо оружіемъ Чуцкая народы изби и покори властителству Чинчинову; и сей перво введе и разшыры въ предѣхехъ сихъ полунощныхъ власть княженія зловѣрыя махометанска. За трудъ убо свой и вѣрность Тайбука умоли Чинчина особная себѣ отвѣсти предѣлы; сего же прошеню соизволи Чинчинъ и отпусти Тайбуку, аможе хощетъ. Онъ же избра себѣ селеніемъ положитися своимъ на рѣки Туры, и тамо со улусы своими сѣдше постави градъ (идѣ же нынѣ Тумень), нарекъши онъ Чынчидинъ. Умерпу же безъ наслѣдія Чинчину оста все владѣніе и княженіе Тайбуки, и владычествоваше онъ на долзѣ умре. По смерти Тайбуки властъ прыемъ сынъ его Ходьза, по немъ сынъ его Маръ; сей воспрыятъ въ жену себѣ Казанскаго царя Упака сестру, отъ нея же имѣ два сына, Адеръ и Абалакъ. Но сіи свойственною и обычною смертію погибоша: толико оста Адерево наслѣдіе сынъ Магметъ отца же ихъ Мара; а зятя своего царъ Казанъскіи Упака уби и повлада все княжеіе Сѣбѣрское.

и. Откуду нареческа государство сіе Сибѣрское, извѣстіе нѣцыи тако предлагаютъ. Сынъ Адеровъ Магметъ вожделѣ свое прыяти наслѣдіе отъ руки убившаго отца его Мара, пойде браню съ единомысленники своими на убійцу отца своего, царя Казанского Упака, и побѣдивши смертію погуби его. Владычество же свое воспрыемъшы градъ свой Чинчидинъ разрушы. Преселижеся оттуду и пойде внутръ Сибѣр-

ския земли и постави на рецѣ Іртиши градъ и нарече Сѣбѣръ. Устави же граду сему бити первоначалну и царствующу граду: отъ него же, яко первоначалнаго и царствующаго града, и вся страна прошенованся Сибѣръ. Обладающу убо симъ княженіемъ на долзѣ родъ Магметовъ до четвертого наслѣдія, донелиже пріиде отъ Козачей орды Кучумъ Мартазіевъ и покори оружіемъ своимъ подъ область свою все княженіе, а наслѣдіе Магметово искорени, погубивши царствующыхъ князей Сѣбирскихъ Еличера и Бейбулата; толико бѣгъствомъ спасеся сынъ Бейбулатовъ, иже убѣжа въ Бухарію; Кучумъ же первымъ нареченся царемъ Сибѣрскимъ, и высокоумнѣ владычествоваше, послѣднимъ же престола сего бысть всевышнимъ бо сего устроеніемъ, иже престолы силныхъ сокрушаетъ; въ немощи же всемогутства своего изъявляетъ силу—на семъ Кучумѣ нача окончевати языкѣрныхъ царей во Сибѣры владичество: благочестивому же православно Россійскому отселѣ вручися скипетру. Ибо

А. Ермакъ пѣхін, Тимофѣевъ сынъ, перво пріиде од Дону на рѣку Волгу и тамо упражняшеся разбоемъ, многія иностранныя люди, персидъскія, кизылбашскія купци и прочая разораше, отъ сего государствамъ купеческія промыслы і прибыли разорахуся. Между же государствы нестроенія, смущенія и миру разоренія зачинахуся, казни же на таковыхъ отъ Россійскаго государъства налагаемыя бяху. Надлежащей убо близъ себѣ казни и сей Ермакъ убояся, бѣжа съ единомысленники своими въ Часовую рѣку, сею же и иныя рѣки, ими же внутрь Сибѣрскія земли текущими впіиде, водным плаваніемъ внутрь Сибѣрскаго царства, и малою дружиною в пяти стахъ и сорокъ человѣкъ силнаго сего Сибѣрскаго царя Кучума побиди и изгна отъ престола. Пооблада

же Сибѣрское царство, види же себе маломощна толику силнаго государъства десницы своими содержати тяготу, наипаче иская преступленю своему прощенія и милости государей Московскихъ, покори его Россійскому скипетру во дни правящаго Россійскимъ престоломъ царя Іоанна Василевича, иже прыятъ подъ область свою отъ воплощенія Сына Божія ҂афпд году. Отселѣ нача и разширятися Россійскимъ правительствующимъ скипетромъ сія страна.

ї. Тогѣда же крѣпкому и страшному въ странѣ сей Ермакова оружію повинуся княжикъ Остяцкій, имепемъ Бояръ: подъ область Московскихъ государей приведе всю свою обладающую страну, о ней же намъ вящше предлежыть изнѣстить. Пространнѣйшая обще о Сибѣрскомъ государъствѣ объявленія оставляемъ, мняще быти сими доволнымъ желателному сихъ искателю. Хотящему же вящше изнѣститися въ особнѣйшыхъ гисториографахъ да обращеть, мнѣ же толико повелѣніемъ вышшей власти преодѣленно Остяцкую сію страну изнѣстну явити миру. Егѣда прежде тмою невѣрія кумирослуженія помраченную видѣвши, нынѣ же просвѣщенную свѣтомъ истиннымъ Евангельской и толикой роду сему благодати Божыей, свѣтлое явися познаніе, яко древнимъ невѣрыемъ слѣпотствующему дадеся сынышше узрѣти немерцающій свѣтъ и познати истиннаго Бога всея твари Творца.

аі. Страна убо сія Остяцкая начынаеть предѣлы своя не в далекомъ разстояніи отъ перваго престолнаго града въ государствѣ Сибѣрскомъ Тоболска, идѣ же Тоболъ рѣка (отъ нея же и Тоболскъ градъ наречеся), сошедшеся съ рѣкою Иртишемъ, въ едину протоку происходить въ велику рѣку Объ. Первое убо по надъ Иртышемъ страна Остяцкая начынаеть селеніе свое яко тихимъ плаваніемъ въ трехъ днехъ

отъ Тоболска достизается, простирается же до Иртишу даже до устья, идѣже впадаетъ въ великую рѣку Объ; оттуду распространяеться своимъ селеніемъ въ верхъ по Оби даже до Нарима, а яже внизъ по Оби земліе въ широту страну сію обдержыть селеніемъ своимъ. Многія рѣчки, иже прямо отъ востока приходять въ Объ, сія же суть Куноватъ, Полунъ. Вся же сія исполнена многолюдствіемъ народа сего. По другой же сторонѣ прямо отъ заходу Обь, Сосва, Лапинъ, Конда; идѣже преодѣляють Остяцкую страну Вагуличы; внизъ же прямо по Оби, даже до Березова и до Обдоры и до самаго устья Обы, сей народъ обдержить селеніемъ; тамо же преодѣляется Самоѣдъ, на самомъ устіи, идѣ же великая сія рѣка Объ впадаетъ въ морьскую губу, юже нарыцають здѣ Тасовскую.

кі. Губа Тасовская зѣло естъ пространная, льды многими искони наполнена, яже зратся аки превысочайшыя горы, никогда же и лѣтнего времени теплотою солнечною сдышше не распущаются, но искони и вовся тако пребывають, иногда мало сокрушаются волнами и вѣтры носимы по широтѣ губы сей морской, зане пространну сію великія рѣки Обы и прочая наполняють и распространяють, сіи бо здѣ и прочія рѣчки въ едину губу сію собираются Піръ, надъ имъ Тасъ, отъ него же и Тасовская губа наречеся.

гі. Преодѣляетъ же губу сію отъ мора окіяна каменья, иже между собою попусти быть губѣ сей, и сходитъ въ самое льдистое окіянъ море, еже прямо исхода сего нарицають латинскі фретумъ, гречески Босфоруса. Сіе естъ утѣсненіе мора, зане отъ губы прилежитъ камень, а отъ другой страны утѣсняетъ новая земля, льди же отъ обоихъ странъ превысочайшія простираются по окіяну: отъ полунощи къ

востоку на сто и вящше миль, яко и самыя далныя Камчатскія страны иногъда вѣтромъ носимы досязаютъ. О льдахъ же сихъ исконныхъ разумѣютъ здѣ нѣцыи бяти та петлѣнна, иже никогда не истлѣваютъ, но се неудобна, ниже могутъ быти сіе: аще бы было тако, то исконя отъ созданія мира отъ влаги и снѣжного слянія, мразомъ счиняемая, превознеслися бы высотою самыхъ досязати небесъ и толикою великостію воспяли бы исходищамъ воднымъ входы. Но по вседневнымъ искустномъ зрымъ умаленіе и умноженіе здѣшнихъ рѣкъ, и посему разумѣется лдомъ симъ истлѣвати и окончеватися отъ воды самыя; се же ясно зрымъ яко внутръ себе вода ледъ погубляетъ,—егда бо мразное что въ студеную полагается воду, тогда вода свойственную себѣ влагу и студень вытягаетъ и истребляетъ ледъ, тако и здѣ; а може глубочае лды сіи отягченны впущаются въ воду, толико вода влажностію своею студень и мразъ отъемше самый ледъ, истребляетъ, и такимъ видомъ разумѣеться умалятися лдамъ симъ, аще не съ высоты, обаче снизу, отъ воды умаляются оныя, такъ на губѣ морской, яко на самомъ утѣсненіи окіянъ мора.

д. Къ сему утѣсненію морскому прилежащую новую землю аще и многія совершеннымъ извѣстіемъ провѣдать желаху, обаче зѣлной ради стужы и жестока убивающаго тамо воздуха не возмогоша; мнози же аще и дерзнуша сего искусити—погибоша: Остяки, Самоиды касаются предѣломъ ея. Обаче оныя глубочае внутръ ея вступити не дерзнуть и не возмогутъ. Аще же и близъ ея касаются и тамо для промыслу на звѣры бываютъ, идѣ же всякаго звѣра премногое довольство: песцы, олени и прочыихъ звѣрей, множество же костей рыбіихъ промышляютъ. Обаче сего полуюющнаго отъ тоя новыя

земли исходящаго вѣтра съ великимъ опасеніемъ тамо пребывая блюдутся, и егда узнаютъ исходища, тогда прежде исхода укриваються въ нѣкія пещеры, вертепы и ямища, ідѣ же не такъ жестокостію своею досязати можетъ, исхода же его преди узнаваютъ—частымъ тамо пребиваніемъ обыкоша; аще же не сокрившаго обращетъ, тогда ясего жестокостію своею объемлетъ, поражаетъ и убиваетъ.

ѿ. Аще же въ сей новой земли жительствуетъ разумное человѣческое создание, несогласно глаголютъ о семъ: иныи самовидцы оныя земли глаголютъ видѣти созданную человѣческую красоту, гласа же не слышали, ниже розговоры каковыя имѣли, толико зрѣніемъ очесъ аки стѣнъ человѣческую видѣти досязаша; иныи же тоеажде земли самовидцы противо вѣщаютъ и инако свѣдителствуютъ быти сему, дабы жителствовать могла тамо разумная тварь. Се же и по самомъ естеству мнится неудобно мѣстце житію человѣческому; но сія неудобно вѣдѣнію оставаше, паки до предлежащей обращемъся Остяцкой страны и о народѣ семъ, откуду въ ся страны внійде.

ѾI. Егда отъ древнихъ начали и происхожденія и иныхъ какихъ, аще и знаменитыхъ миру народѣхъ изыскуется, удобнѣе бываетъ въ недовѣдомую безвѣстія входити пучину, ниже кое о древности ихъ изъяснити вѣдѣніе древностію, бо аки тмою покриваеться, аще и писменны аки свѣтилы миру древная изъясняютъ и показуютъ; но сихъ мнози народы прежде не имяху, но послѣднимъ временемъ та изобритоша, колми паче о семъ дивѣмъ народѣ и о ихъ древнѣйшемъ происхожденіи неудобно получить кое древнѣйшее извѣстіе, зане и доселѣ сіи писменъ никакихъ не имѣютъ, иностраннымъ же гисториографомъ аки укритъ и утаенъ бѣ въ пустынныхъ сихъ селеніяхъ народъ сей. Ясно же являеться, яко не сей перво-

началнѣ жителствова въ сихъ палестинахъ народъ, но отъ инуды иныхъ преселися здѣ: здреве бо здѣ внизъ по Оби и всей странѣ жителствоваше народъ Чютцкій. Но сей тако погибе, яко ниже вещь какову памяти своей остави, толико осташа знамение пагубы ихъ нѣкая ямища, иже обрѣтаються въ сихъ странахъ Сибѣрского царства. Въ сію же погибель низведе ихъ искони человѣкоубійца врагъ, ослѣпи бо я злѣ вѣровати нѣкое во ономъ вѣцы уготованное имъ съ боги пiрование, его же омраченны лестію сердца желающе созыдаху себѣ ровы нѣкія пространныя, верхъ же полагаху кровлю на столпѣхъ, на ню же множество земли и каменей налагаху, егда же поощраше лесть сердца ихъ преселитися на иный вѣкъ, и ускорится пировать съ безстуднымъ многобожіемъ, тогда со всѣмъ своимъ имѣніемъ домовники и чады собра вся во оныя ровы въходять и подсѣкше столпы землею и каменіемъ убиваються и нисхождаху путемъ темнымъ во тму кромѣшную и въ вѣчное въ мѣсто пированія мучение. Досели же жители странъ сихъ въ тѣхъ ровищахъ и курганахъ знаходять премного златыхъ сосудовъ и сребра множество и прочая, зане со всимъ имѣніемъ своимъ убиваxуся и частію же сею пагубою, частію же Татарскихъ князей, на Ишимѣ владычествующихъ, яко Тайбуки і прочихъ, о нихъ же прежде воспомянухомъ, оружіемъ избіены: тако погибоша яко не толико достойная кая вещь памяти ихъ, но ниже языкъ оста въ нарѣче послѣднимъ родомъ.

3. Како же по сихъ сей Остяцкій народъ въ сія вселися страны начение отъ дни святаго Стефана Великія Пермыи епископа—извѣстно есть: сей бо первый проповѣдникъ и просвѣтитель во тмѣ невѣрія, великой Пермыи бысть яко солнце свѣтомъ боговидѣнія тму нечестія и скверну идолобѣсія отъ

странѣ Великія Пермыи начатъ протонити, тогда мракомъ идолскимъ одержимыя Пермяне сиѣта истинны евангельскои благодати Божіей бѣжаша въ сія полунощныя страны, укриваxуся зде, гдѣ и доселѣ съ тмою идолобѣсія пребиваху.

Се же извѣстно естъ и отъ повседневнаго, яко сей народъ отъ Пермыи преселися, зане и языкъ ихъ явѣ творитъ, вси бо сіи пермъскимъ глаголютъ нарѣчіемъ, аще же не всѣ свойственнымъ и непремѣннымъ нарѣчіемъ Великія Пермыи глаголютъ, обаче се бысть егда умножишася сіи людіе по преселении своемъ отъ Пермыи и разыдошася здѣ по различныхъ тѣхъ странахъ, изменишна и языкъ свой: едины бо, иже по Иртышу селенія своя имѣютъ и всегда обхожденія имѣя съ Татары, измѣнишна языкъ свой пермски и премѣнишна татарскому нарѣчію; друзіи же, иже по Оби вверхъ яко въ далныя разстоянія отъ своихъ удалишася и имѣя обхожденія съ разъличными народы съ Калмыки, Пѣгою орѣдою и прочими, сіи зѣло изменишна языкъ свой, яко мало что съ пермъскимъ согласуютъ нарѣчіемъ, и съ великою трудностію едины другихъ между собою нарѣчія заледво узнати могутъ, и то мало что.

Сіи же, что внизъ по Оби, непремѣннымъ глаголютъ нарѣчіемъ пермъскимъ, зане сіи егда чрезъ Камень, иже отъ Пермы прилежитъ, прейдоша, тогда не в далныя страны удалишася отъ Пермыи, но близъ предѣлъ оныя пребываютъ, и всегдашнія съ оными имущи обхожденія, сохранишна неизмѣнно языкъ свой пермъскій, имъ же аки естественнымъ свидителемъ извѣстно является народу сему отъ Пермыи произыти. Удивленію же естъ се, яко въ томъжде языку многа имена латинска обритаються, и едино значитъ, что і у Латинъ номенъ юва глаголютъ — приити въ помощъ: у Латинъ же тожде знаме-

нуетъ помощи; но чего ради свойствие различныхъ языковъ и нѣкиихъ нарѣчиахъ обрѣтается — безвѣстно есть.

ѿ. А же не Пермянъ, но Остяки, здѣ страна сія ихъ наименова, мниться быти: яко отъ Россіянъ сие наложися имъ звание, оны бо нарыцаютъ себе Хондія, или яко нѣцыи глаголютъ — Кондія, страну же свою Хондымыхъ; вина же званію ихъ Остяки: первое мниться быть во время егда отъ свѣта благодати Божіей и крещенія святаго, во дни святаго Стефана Великия Перми епископа убѣгоша, тогда Россіяне, видѣвше ихъ идолобѣсія останки, укрывшися изъ Перемы, нарекоша ихъ Остяки, аки бы останки; второе же мнится быти и се, яко же вси здѣшни полунощныи народы отъ обыкновении своихъ нарекошася сыроядцы — отъ сыроядения, тако и сіи отъ нравообычая своего, зане народъ сей упражняется рибою и отъ повседневной сей пищи ничто же ящше суну во устѣхъ ихъ, яко ости рибныя, отъ нихъ же мниться быть яко название се Остяки, и наложиша Россіяне.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О житіи, обыновеніи гражданства и прочыихъ.

1. Народъ сей въ житіи своемъ нерадивъ, необыченъ мниться быти, аки послѣдніи отъ людей всего мира: обаче подобенъ лицезрѣніемъ красотѣ народомъ европейскимъ; ниже бо звѣропразенъ, ниже коего черностію одержимъ, яко прочія народы: Ефтіопы, Калмыки. Возрастомъ знаменитыхъ немнози обрѣтаються, но среднѣ возрастомъ; очесъ малыхъ, легкостію знамениты, въ крѣпости славими немнози. Зѣло же простъ и гражданства всякого чуждъ, во всѣхъ своихъ обычаяхъ начеяше отъ первыхъ предѣлъ житія ихъ.

2. Аще обще единъ есть путь всѣмъ родитися, внити въ миръ и прейти отъ мира, обаче при такихъ случаяхъ, различна народы разныя имѣютъ обычая: иная по закону, яко иудеи и махометане прирожденныя, обрѣзаніе имѣютъ; инак же и гражданство, уставы обученія и обхожденія, пированіе и иная знаменія радостная; не сей народъ ниже законная, ниже гражданская употребляетъ обычая: егда имъ родятся чада, тогда бѣдствующій невѣжа Остякъ недоумѣвая родившемуся отрочати наложити имя и наректи е, но исходитъ отъ дому своего, иская путь шествующыхъ въ близкости себе

христіанъ: иногда по случаю обрѣтши, молитъ я назнаменовать родившееся какимъ именемъ, и посему множество случаеся зрѣти русскими именами нарыцающыхъся въ своемъ ихъ зловѣріи. Егда же случай недоумѣнію его не подаетъ помощы умолити изыскать себѣ у каковыхъ людей имени, тогда что первое узритъ изшедши изъ дому: птицы, звѣри или что ни будь, тѣмъ именемъ родившееся нарицаетъ. Имѣютъ и сей въ недостаточествѣ обычай, яко по числу рожденія нарыцаютъ своя чада: первый, вторый или третій сынъ, женскому же полу никакихъ именъ на налагаютъ; егда же въ супружество пріемлется, тогда налагаются имена ей своимъ нарѣчіемъ: анка, се есть жена.

г. Жены ихъ имѣютъ при рождении своемъ аки бы законное уставленное, еже воспрыяша отъ нравообычаевъ старѣйшынъ своихъ: имущая бо близъ время родити исходитъ отъ общаго жилища и входитъ въ нѣкую особную хижину, идѣ же мужескъ полъ не имать входити; егда же родитъ, тогда три недѣли и вящше должна въ ономъ пребывании удержатися не входя тамо, идѣ же мужескъ полъ пребываетъ; окончавше же время надлежащее, огнь возгнѣтши вмѣсто очыщенія, чрезъ оный трыждый прескочивши входитъ въ общее пребываніе мужа своего.

д. Аще обще всему миру десница Вышняго предустави предѣлъ въ болѣзни родити чада, здѣ тожде всемогутства Его десница призри рода сего. Острѣйшее и нуждѣйшее паче естества человѣческаго житія мнится, яко снабли і облегчи тяжесть сію. Жены бо ихъ обремененны, иногда зимнего времени (яко здѣ подъ студенымъ кругомъ зѣло люта зима бываетъ), принужденны нѣкоихъ ради нуждъ отъ жилищъ преходити на иныя мѣста. Случаетжеся путь шествующымъ ро-

дити на пути, но симъ препятьмъ недугамъ не удержыть пути своего: рождьшееся отроча и болѣзнь въ рожденіи тогожде часа снемъши отъ земли, отерши снѣгомъ, идеть въ предлежащый путь. Отроча же полагаеть себѣ къ грудямъ за одежду, еже есть налими кожаны, изъ кожы рыбы, нарыцаемой налимъ, обычно утвораеть себѣ; толикой же есть теплоты одежда сія, елико бы на жестокомъ мразѣ безъ иныя одежды содержытъ теплоту холстяная рубашка; егда убо и паки отъ жестокихъ вѣтръ поражаемо отроча начнеть вопяти, тогда и паки въ снѣгъ повергшы отираеть и тѣмъ облегчеваеть жестокость мраза и вѣтровъ. Симъ же і обучеваеть во острое і жестокое житіе, яко сіе добрѣ истинствоватися можеть. О обыкшыхъ терпѣнію, не бываеть терпѣніе, и вящше нравъ і обычай, неже самая природа можеть.

6. Простъ и дивый народъ сей вящше нравообычаемъ своимъ звѣроподобенъ, чуждаеться, отбѣгаеть всякого обхожденія съ иными граждаиы, обыклъ вящше въ пустынныхъ обитати мѣстахъ, иногда бо едина, иногда двѣ юрты, еже есть жилища ихъ, въ пустомъ поставляють мѣстѣ; бываеть же и множество юртъ въ собраніи: обаче сихъ что близъ селеній градовъ Тобольска и протчіихъ обитають, и имѣя селенія своя, съ граждаиы мало что обычны; а яже въ далныя страны и пустыя удалишася, сіи зѣло дивш. Обще же всѣ никакихъ писменъ и ученія не имѣють, ниже прыемлють, сего ради ниже уставленія какова, ниже законоположенія содержать, но правителствуеться естества закономъ, иже есть прыродное познаніе зла и добра, и сими противно себѣ дѣло узнають, зло и неприлично. Содержать же твердое основаніе естественнаго закона, междоусобное друголюбіе, на семъ бо законъ естества содержится, зане же искореняеть друголюбіе,

разораетъ твердъ естественнаго закона, яко же убиство и иная противозаконная искоренюютъ друголюбіе, разораетъ твердъ естественнаго закона. Но сей народъ остяцкій добрѣ хранящи естества законъ и многія на семъ утверждаху добродѣтели, не слышится убо между има крадежъ, убійства и иныхъ обидъ другъ другу содѣвающихъ: однако же, не безъ злоключенія каковаго, приключается бо иногда противозаконная, но на таковыхъ творящыя зѣло жестокой и отъ среды себе извергаютъ.

5. Паче же всего мнози хранящыи суть истинну иногда бо нуждъ ради своихъ одолжается нѣкоему заимодавцу, по злоключеніи же нѣкимъ впадши въ крайнюю нищету не имѣл чымъ должное отдати; заимодавцу же иногда случиться не утвердивну ни писаніемъ, ниже свѣдителми долженствующаго себѣ, древностію же замедлившу не ищетъ. Обаче сему виновный должникъ остротою и коварствомъ отвестися ложнѣ сокрытися или утаити себе но во истинну рекшу, и простоумиемъ своимъ принесше вину не имѣя чымъ должное отдать, жену и чадъ своихъ въ вѣчную заимодавцу предаетъ работу, и такимъ обычаемъ древностію пришедшая долги по прародителехъ и отцехъ и своихъ никакова имѣнія наслѣдницы не пріемше—заимодавцемъ своимъ истинствуютъ и отдаютъ должное безъ всякаго ухищренія. Въ такой убо простотѣ и беззаконіи хранящыися многія добродѣтели приводятъ мнѣ помянуть и узрить въ семъ народѣ, рекши иногда Апостоломъ: яко беззакона бывше, обрѣтаютъ законъ хотящій добрѣ творити.

3. Они писменъ бо никакихъ не имѣютъ, промыслы же своя и обхожденія съ россійскими людми содержатъ, и въ нуждѣ своей помоществованія отъ нихъ употребляютъ. Въ мѣсто же заемныхъ писаній иногда прынуждены знаменіемъ

нѣкимъ руку свою подписать. Тогда употребляють сего обыкновенія, имѣють знаменія нѣкая: или взоры на руцѣхъ и персѣхъ, или на ногѣхъ, яже въ различныя виды и черты черностію сице изображають еще здѣтска руцѣ или ногѣ или на персѣхъ иглою до крове избодше сажею съ иными утварими тако крѣпко натирають, яко сотретися до кончины его не можеть. И сихъ употребляютъ знаменій яже вмѣсто подписанія рукою своею черты своя выписуютъ и заемная утверждають писаныя.

Не толико же се имѣють сего ради употребленія, но почитають се за украшеніе нѣкое, и женскій бо ихъ полъ такожде рудѣ себѣ изпещряють и украшають тоеюжде единою черностію, но изъишише различными виды и взоры птицъ и звѣрей сіе изображеніе изображають.

Не толико же сей народъ писменъ не имѣя, яко же прежде воспомянухомъ, но ниже коего хитростнаго рукописанія употребляють. Обще всимъ едино рукодѣліе, стрѣляніе звѣра, ловленіе птицъ, рибъ, ими же себе препитать можеть. Сихъ убо хитростей и чада своя изучаютъ и отъ младыхъ ногтей приправляютъ и къ стрѣлянію изъ лука убивати звѣра, къ ловленію птицъ, рыбы обучаютъ ихъ; ничимъ бо инымъ чрезъ все житіе свое не упражняеться, яко симъ единымъ промысломъ, и таково хитростно въ своемъ рукодѣліи изученны, яко всякъ въ младости своей изучися лукъ себѣ изъ древа и стрѣлы самъ дѣлаеть и найкрѣпчайшыхъ звѣревъ: медведя, лосей, еленя убивать, тожде дражайшыхъ соболей, лисицъ, бѣлку, птицъ всякихъ, не толико на водѣ плавающихъ, но по воздуху лѣтающыхъ, въ самомъ лѣтаніи стрѣлами улучаютъ, и се обще всихъ едино рукодѣліе: не желаютъ яковыхъ хитростей изучитися, симъ бо доволны, имъ же могутъ препитати житіе,

по вящше же полагаются въ ловленіи рибъ, оныхъ бо множествомъ здѣшняя палестина свободнѣйшое и скорѣйшее жителемъ своимъ даетъ препитаніе.

Д. Паче всего повседневная ихъ пища отъ рибъ; зане скорае сіе имѣти могутъ, и всегдашнимъ ея употребленіемъ питаются. Лѣтнимъ убо временемъ жителствуютъ при водахъ, наипаче при великой рѣки Оби, яже своимъ пространнымъ разширеніемъ множество различныхъ родовъ рибъ содержитъ, не толико жителей своихъ Остяковъ, но и всю сію палестину доволствомъ израдныхъ рыбъ питаетъ; облежащи же ю бреги преславныи суть доволствомъ звѣра, на сихъ бо частый лѣсъ, рѣтко равныя мѣстьца, но частыя ровы, долины самородныя, аки рукою человѣческою ископаны. Темнота убо сихъ мѣстъ питаетъ множество звѣрей, и весма всѣмъ доволствомъ сія преславная рѣка питателница есть Остяцкому роду. Присѣдятъ же сіи чрезъ все лѣто упражняющеся ловленіемъ рыбъ, и якоже нѣцыи въ хлѣбородныхъ мѣстахъ собираютъ плоды земныя, прыуготовляя на зимнее время сими питатися, тако и бѣдствующіи Остяки въ пустыхъ безплодныхъ сихъ мѣстѣхъ рыбы на всю зиму собираетъ и своимъ обыкновеніемъ рыбу израдную, муксунъ названную, и прочая, безъ соли тако усушуютъ, что чрезъ всю зиму содержатися можетъ. Нарыцаютъ же сушеную поземы. Егда же хотятъ себе сладкоястіемъ насытить, тогда употребляютъ жиру рыбіего, еже въ большыхъ сосудѣхъ берестяныхъ держатъ, сего же вземше омачиваютъ поземы своя въ сытость сію и сими прыятными себѣ сластми доволны бываютъ. Иногда доволно жыромъ саммымъ напаяютъ себе, особнѣйшее себѣ почитаютъ избраннѣйшее ястіе, еже варку нарицаютъ. И толико сіе въ началнѣйшыхъ приуготовляються во время пированія

страннаго ихъ, се же сице утворяютъ: вземше утробы отъ разныхъ рыбъ, не очищая оныя, со гноемъ въ сосудъ каковый полагаютъ, таможде доволно жиру вливши, на огнѣ смажитъ, даже очернѣетъ. Тогда спемъше услаждаются сими сластьми и мнятъ, яко таковаго сладкостія нигдѣ обрѣсти не могутъ. Аще самой смрадъ ястія сего далече отъ себе всякаго обращаетъ, обаче имъ обыкшымъ сладко, прыятно естъ. Се же за обычай имъ естъ живу рыбу вземше отъ воды ясти, найпаче же мнятъ полезнѣйшое здравія сыро съ кровію ясти, неже уваренная, или печеная; зимою же мразныя рыбы паче всего прыятны вкушаютъ.

1. Скудость въ пищи и недостаточество воспомогаетъ доволно множество птицъ: лебедей, гусей, утокъ и разныхъ родовъ птицы. Великія бо здѣ воды и блатныя мѣста, угодная же умноженію ихъ: производяться многоплодно, яко доволно скудному народу сему питатися мощно. Упражняютъ-же ся ловленемъ оныхъ птицъ лѣтняго времене, найпаче же въ послѣднихъ числѣхъ іюня. Здѣ бо въ то время птица лишается перія, къ лѣтанію же немощна, въ доволное Остяку попадаетъ препитаніе. Въ сие бо удобное время скорае старыя съ птенцы уловлятъ могутъ; осѣнимъ же временемъ тожде ловленію птицъ прысидятъ, и тогда доволный промыслъ въ ловленіи ихъ имѣютъ, зане въ то время переметы или сѣтми, на то устроенными, множество птицы уловляютъ; зимнимъ же временемъ пищу и промыслъ держатъ звѣра убивать, еже и обычнымъ оружіемъ изъ лука всякаго звѣра убиваютъ; мяса же всякаго звѣра: медведя, лося, еленя и прочая ядятъ.

2. Яко же бо всихъ сія великая рѣка Объ препитаніемъ и пищею воспомоаетъ Остяковъ, тако и жажду ихъ утолить

доволна есть, зане иного питія не имѣютъ, обскою толико удоволяють себе водою. Паче же всего употребляють табаку китайскаго, его же нарицають шаръ. Сего надъ вся дражайшій а нуждѣйшый, здравію же своему мнятъ быти полезнѣйшый. Употребляють же сего необычно: мало воды въ уста вземъше, чрезъ воду дымъ въ себе глотаеть, ни мало отъ устъ испущая, и тако онымъ поражаеться, яко весъ трепеща трасеться, бледнѣеть; иногда падаеть аки нейстовствомъ и черною пораженъ немощію, донелиже пріиде въ себе. Обаче же за искуснѣйшее и полезнѣйшее себѣ содержить врачеваніе. Употребляють же сего всѣ обще мужы и жены, и чадомъ своимъ младымъ сегожде удѣляють врачеванія, издѣтска поправляють сему, зане сіе употребленіе табаки есть имъ сею помощію, что мокроту природную, умножающуюся отъ повседневнаго ястія рибъ и жиру рыбьяго, истягаеть тотъ табакъ и высушаеть мокроту сію.

61. Нерадивый же сей народъ нимало имѣеть о имѣніи своемъ попеченіе. Жилища своя юрты имѣють на двое: лѣтнія и зимныя; но сія вся немногимъ иждивеніемъ угодная себѣ утворають: яже суть зимняя, сіи обычно при лѣсахъ полагають, созидають же я четвероуголнѣ, внутру оныхъ около ложа своя имѣють, посреди же огнь полагая: безпрестанно умножають и присядять сему, согрѣвая нагость свою. Лѣтнымъ же временемъ при водахъ поставляють берестяные юрты, походяче яже съ мѣста на мѣсто безъ тяжести со собою переносити можеть; такимъждо обычаемъ созидають, толико не тако огнь, яко дымъ безпрестанно хвастемъ умножаеть для рыбы; юже усушають на зиму: понуждаеть же скудость и нѣщета ихъ зимнымъ и лѣтнымъ временемъ съ мѣста на иное селеніе переходити, ниже удержить неудобное

лютыя зимы время, ничтоже бо противо возбранить въ снѣгу, или въ разсѣлинахъ ледоватыхъ утвораетъ себѣ жилище и пребываетъ, ниже домашнихъ вещехъ собраніе, сосуды и прочая, отягчевай тяжестію своею удержать отъ частаго преселенія, но сіе обычное его собраніе—сосуды берестины; главнѣйша яже и нуждлѣйшая—сѣти, стрѣлы, лукъ, лотка; не у сякаго же топоръ, не до зѣла обтягчаютъ его, но вящше нищета такой его обучаетъ легкости.

гі. Умноженіе скота и воскормленіе овецъ, коровъ, лошадей не обрѣтается въ нихъ, ниже о семъ попеченіе каково имѣютъ, но весма крайнѣй прилежать скудости; инѣи же мощнѣйшыи множество еленей содержать, аки домашній скотъ, ихъ же употребляютъ вмѣсто лошадей, найпаче скудость въ семъ и нужду еленми удоволяютъ, и во вся путь шествія своя еленми отправляються. Камо же путь свой похощетъ имѣти, еленя заложа въ сани идетъ конимъ, на то особныя устроютъ, юже нарты нарыцаютъ. Обще же всѣ не толико еленей, но псовъ употребляютъ въ путешествіе и по пяти, и по шти, и двунадесять до единыхъ нартъ закладаетъ псовъ; нарты же сіи въ долготу тры аршина, въ широту полъаршина, зѣло легки, полагаютъ же на сіи толикую тяжесть, яко не возможно вѣрити, чтобы тяжесть сію подняти мощно, и такъ скоростію въ пути поспѣшити псами, могутъ бо въ день пятьдесять и вящше ускорити верстъ. Не толико же тамошніе жители, но и всякъ преходящій пришлецъ еленъми и псами путь свой здѣ отправляетъ: инако бо ради многихъ и высочайшыхъ снѣговъ невозможно, зане лошадь въ тѣхъ снѣгахъ тако погразнетъ, что ниже изыйти возможе, еленъ же и песъ легкости ради своея не погразаютъ.

ді. Остяки, а найпаче самоидъ, не толико зимнего времени,

но і лѣти употребляють саней, но на лѣтнее время особнѣ устроюють сихъ: полозья подбивають кожею еленею, юже взимають съ самыхъ голеней еленихъ, и подбивають оныя, ими же касался земли гладкостію сію легчае и скорае поспѣшнѣй бывають. Легкости же такъ безмѣрной суть, яко единою рукою возможна поднять и бросить на воздухъ. Сими не толико по земному пути возимы бывають, но гдѣ набегнуть воды и болши рѣки—пускаються безопасно. Еленъ бо со оными чрезъ рѣки переплывая перевозить оныя и сѣдящаго на нихъ.

61. Земля аще всему питателница и многія израдныхъ плодовъ изобилемъ ущедряеть, обаче сему народу скудна подаяніемъ, зане дивнимъ питаеться зелемъ, а плодовъ никакихъ не преизноситъ. Сего ради не имѣють земледѣлія, ниже употребляють каковыя сѣмена, но сими доволны дивымъ коренемъ, что земля подъ студенымъ кругомъ съ камеия мразомъ заледво могуща есть и сія произносить. Жены ихъ, не имѣя конопель, нужду и недостаточество свое удоволяють полнымъ зелемъ: отъ кропивы бо зѣлныя хитростнѣ истягаутъ нити, изъ сихъ холсты утворають. Отъ нихъ же содѣлоають себѣ пологи для сохраненія комаровъ, за множествомъ бо комаровъ, мухъ и прочихъ, невозможно безъ пологовъ пребыть; сшиваютъ же себѣ и рубашки отъ тогожде кропивнаго холста и украшають я различными пестротами, вышывая нитми разныя взоры.

62. Одежда ихъ обще изъ кожей рыбъ, наипаче съ налима, иже подобень сому; тожде съ осетра и стерлядей одерше кожу толико трудами своими умягчевають, яко могуть все одѣяніе себѣ изъ нихъ сошыти; обще же, изъ налимѣй кожы—кажаны, съ иныхъ же чулки, сапоги себѣ утворають. Зимнего же вре-

меня мощнѣйшыи имѣщемъ и нарочытыи съ еленьихъ кожъ одежду и сапоги сышываютъ и верхнею одеждею заедино главу и самого себе покриваеть. Се же противо зѣльной укриваеться стужы, нищета же и скудость не всякому такой свободно попущаеть имѣти одежды: иный бо и зимнего времени лютость тяжчайшихъ мразовъ въ малимьемъ претерпѣваеть кажанѣ, и въ таковой нищетной одежде исходить отъ жилищъ своихъ въ далныя страны пустыя, лѣся, промышляютъ звѣръ соболей, дражайшыхъ черныхъ лисицъ, горностая, бѣлку, на которыхъ вещехъ драгость всякъ взирая, промыслъ и труды бѣдниковъ оныхъ снискаемую ихъ же видя скудость, прилично сіе помянуть имъ Овидія:

Собираетъ пчелы сотъ; но отъ трудовъ ясти,
  Крупица имъ дается, инымъ же вся части,
Ня себѣ сладость сію пчелы собираютъ.
  Горесть трудовъ приемше, иныхъ услаждаютъ.
Такъ и Остякъ бѣдный, съ премногими труды
  Собираетъ драгость шубъ украшаютъ, людій.
Самъ нагъ горкой нищеты вся повсеютъ злости,
  Весь скудевъ; една кожа, подъ кожею кости.

Зѣлная же скудость понуждаетъ и отъ птицъ, гусей, лебедей здирати кожы, яже по своему обыкновению выдѣлываютъ изрядно, болшія истребившы перя самой толко оставляше пухъ; трудами же своими кожу умягчиваютъ и составляютъ шубы; сія же и теплыя глаголютъ быти, аще и скудость зѣлна преодолѣваеть, обаче красоты желание понуди и особнѣйшія для украшенія утворати одежды, найпаче женскій полъ тщателенъ о семъ: утворяютъ одежды своя иногда изъ суконъ обычаемъ тѣмъ же, что и мужы, токмо должайшыя, даже до самой земли; украшаютъ же цаты отъ олова въ низу и наколо цату близъ цаты покладая; оныя же суть изхлянны въ подобіе взоровъ; на главахъ же имѣютъ покривала изъ хол-

ста, вся различемъ цвѣтовъ изшита и изпещренна, симъ не толико главу, но и лице все покриваютъ, да не явленна и зрима будетъ иностраннымъ лѣпота лица ея, зане имѣютъ се знаменія стыдѣнія; аще отъ иностранныхъ лѣпота лица зрима бываетъ; обще же всѣ наипаче украшаються червленными одеждами, зане той цвѣтъ пріятенъ имъ зѣло есть, отъ сукна ли или отъ камки, яко начальнѣйшыхъ оныхъ жены употребляютъ камчатихъ одеждъ, но всегда червленныхъ.

31. Разньствіе чына между има малое зриться, всѣ бо въ единоравенствѣ пребываютъ; толико се вносить имъ чына разньствіе, егда кто имѣніемъ паче иныхъ знаменитѣйшій: того за начальнѣйшаго себѣ почитаютъ и сею титлою чести почитаютъ его князь. Повинуються же отъ друголюбнаго себѣ произволенія, вящше неже властію и силою законоуложенія каковаго покорены. Бываху же иногда природныя ихъ княжики, но сихъ родъ древностію пресѣчеся; аще нѣцыи и осташа отъ племени рода княжеска, но не имѣютъ первыя своея власти правленія, ни дани отъ нихъ взимаютъ, ни правовластіемъ судить имать, но вси за едино подъ правленіемъ комендатовъ по городамъ указомъ Царскаго Величества уставленныхъ обрытаються. Имѣютъ же своя всякъ княжикъ предѣлы и по разныхъ рѣчкахъ особнѣйшая своя улусы; отъ рѣкъ же названіе свое себѣ употребляютъ, яко отъ Сосвы рѣки — Сосвинскіе княжмкъ, отъ Лапина — Лапинскій, и прочая. Симъ обычаемъ чыновъ ихъ власть и должность сія естъ: дани отъ себе належащыя и отъ поручныхъ своихъ собрать, принесть въ городъ комендантомъ и отдать въ казну Царскаго Величества. Судовъ же главныхъ никакихъ промежду собою не судять, но властію комендантовъ, до какого присуду какова волость принадлежмть, судъ и розправу

оканчевають; и дани отъ нихъ, яже они своимъ языкомъ ясакъ нарыцають, аще ли замедлять, наказаніемъ и жестокостію исправляють.

ѿ. Аще скуденъ и нищетою отвсюду одержимъ сей народъ, но ясакъ или дани ихъ дражайшыя, обаче труды ихъ и промыслы премногіи богатьства въ казну царскую собирають; зане ихъ промысломъ весь звѣръ: соболь, черныи лисицы, иже дражайшею красотою своею изъ цѣны выходять, бѣлка, горносталь, песцы, бобры и прочая различныхъ родовъ звѣры въ казну Царскаго Величества приходятъ. И сими израдитѣйшими вещми не толико во европейскихъ государствахъ преславно государство Московское, но во Азіи высокія славы естъ, зане государство Китайское чрезъ торговыя промыслы сими израдными вещъми доволно наполнядеть, а оттуду безмѣрныя собираються богатства: злата доволства, драгихъ каменей, камокъ, шелковыхъ парчей, сосудовъ фарфурныхъ: вся же сія едиными прежде реченными товары, яже отъ дани і промысловъ народа сего имѣють. Дани, имъ налагаемыя, сицевымъ чиномъ расположенны: яже внизъ по Оби, сіи обложены вся кто лукомъ промышляеть въ единъ соболь знаменитшый въ имени: но тры соболя въ годъ, соболь же поставленъ цѣною по семи гривенъ. Се же сего ради, аще не получыть соболя, или не похощеть соболемъ дати, то въ колико соболяхъ обложенъ, толико по семи грывенъ въ казну Царскаго Величества долженъ отдать; бываетъ же иногда благополучна цѣлая волость, что единою черною лисицею, аже нѣцыи марморкою нарыцають, всю свою должность выплатити можеть: суть бо сіи яко безмѣрной красоты, тако и дражайшей цѣны, во сто рублевъ, трехъ сотъ и вящше, яко же и прежде рекохомъ, иная драгостію своею изъ цѣны

выходить. Каковыя убо отъ ихъ промысловъ собираються въ казну Царскаго Величества прыходы, всякъ свободно и извѣстно уразумѣти можеть. Суть же нѣцыи па хлѣбородной земли, наипаче около Тоболска, си вящъше обложени: всякъ, кто своимъ домомъ, по два и по три рубля обложенъ въ годъ, зане оныи и отъ плодовъ земли собирають имѣніе, и скотомъ полны, на звѣрь и на рыбу доволны.

ѯ.і. О всѣхъ сихъ прежднихъ народа сего извѣстившися обыкновеніяхъ и обхожденіяхъ, прилежыть и о супружествѣ ихъ помянуть. Супружество ихъ никакимъ не утверждается по ихъ зловѣрію законнымъ установленіямъ, по на произволеніе и уговорахъ самыхъ состоитися. Егда бо хощеть кто поняти себѣ въ жену у котораго дочеръ, тогда отецъ дщеры поставляеть оной цѣну, яже, по ихъ, калымъ нарицается. Совершивше же договоромъ и утвердивше оный калымъ, назнаменанный оный зять, егда хощеть зарученную себѣ невѣсту привѣтствовать, долженъ сохранити сей обычай, чтобы не явственнымъ лицемъ, но обращшеся плещми своими входилъ въ жилище тестя своего, ниже взиралй дерзнеть на лице его, но ускораеть на мѣсто, идѣ же она зговореная сидить: се же обыкновеніе въ знамеие смиренія есть противо родителей. Мнять бо аки новому сему усыновленному не достоить вознесенными очесы взирати на лице отца, а наипаче матере невесты своея. Калымъ обычно поставляеться во сто рубляхъ, противо же сего назнаменованный зять вещы своя полагаеть нужнѣйшая: лотку, лукъ, пса, и отдаеть я тестю своему въ цѣну, самъ же по своему изволенію платежчыкъ своя вещы оцѣняеть и ставить лотку въ шести и десяти рублехъ, и прочая. Такожде безмѣрною высокою поставляеть цѣною бездѣлныя своя рухляди, донели же ввесъ устав-

ленный исполняется колимъ; егда же исполнить, тогда отецъ поемлеть ю и отдаеть зятю, наказуя да сохранить союзъ любве повиноватися мужу своему; аще же калымъ несъ не исполнить за скудостію своею, то не можеть отець изъ дому своего дщери отпустить оному. Совокупно же съ нею свободно въ дому своемъ не возбраняеть пребывати, донелиже несъ калымъ заплатитъ, и иныхъ же обхожденій не имѣють, ниже пированія каковаго; толико отпущая изъ дому дщеръ свою въ жилище мужа, покладаеть на оную шубу; аще ли отъ нарочытыхъ, то всячески ищеть червленою почтить одеждою. Имѣють же женъ толико, елико кто можеть препитати и калымомъ заплатить; свободно же жены своя имѣють заложить, дать, даровать и продать, отпустить и инныя воспрять, и такому обыкше беззаконію многія жены по двѣ и по три, и елико кто можеть держать.

к. Таковое ихъ преизлишнее женорачителство, яко всякъ отъ нихъ неистовою похотію понуждаемъ содержать многихъ женъ, таковое же ихъ во всемъ неумѣренное жытіе, необычная повседневная пища: риба, жиръ; хлѣба же, сердце укрѣпляющаго, нимало вкушають; питіе едина вода, и инная нерадивая и гнюсная въ житіи обычаи ниспедоша ихъ впасти въ такій неизцѣлный нечистоты недугъ, иже мниться быти проказа, или весма нечистость, толико же люта, яко живу человѣку гнилостію снѣдаеть уста, носъ, ноги, и многимъ все тѣло, даже до костей снѣдаемо бываеть. Жестокою же сею язвою ящшая ихъ часть пораженна, не опасны бо въ таковомъ своемъ зловредителномъ недузѣ, но всѣ единокупно пребывая единъ отъ единаго заражаеться. Нерадивыхъ же о семъ немало: егда кого начынаеть сія болѣзнь язвити, тогда начало вредителному сему недугу никаковаго не ищеть

врачеванія, и не толико имѣютъ попеченія о исцѣленіи, но ниже ради облегченія болѣзни язвы согнившыя чымъ прыкривать. Но не радя о семъ, берестомъ гнющю обвивъ язву, за промысломъ въ далное разстояніе или гдѣ въ путь идетъ, и доселѣ ходитъ, донелиже весь согнившею сію язвою пораженъ падетъ. Удивленіе есть необычное разумной твари въ болѣзни такъ жестокой о себѣ нерадѣніе. Лубомудрецы, иже о естествѣ звѣрей взыскуютъ, свидителствуютъ, что звѣріе, егда язвою якою поражаемы бываютъ, ищутъ отъ земля яковаго врачеванія, чимъ бы исцѣлить напосныя язвы. Песъ язвы своя лижуще облизаніемъ симъ отъ язвы взимаетъ и врачеваніе язвамъ своимъ приносить. Но се тварь, аще и разумная есть, обаче по естественной самого себе любви никакого о своемъ здравіи не имѣютъ попеченія; но доселе со язвою гнющею ходитъ, донелиже всѣ тѣло гноемъ въ конецъ истощится. Врачъ же души и тѣлу, Господь да будетъ животъ и исцѣленіе роду сему, зане зѣло во младыхъ лѣтехъ такимъ поражаемы недугомъ безвременно лишается бытія.

КА. Толико зловредителная язва народъ сей смиры, яко зрится неугоденъ до воинскихъ дѣлъ, и самая природа вящше трепетныхъ, а неже мужественныхъ являетъ. Обаче знаменія воинскихъ дѣлъ: шабель, панцеровъ множество обрѣтаются, но вся сія ветхая, а наипаче при кумирахъ, и оттуду являеться, что древнихъ лѣтъ народъ сей упражнашеся воинскими дѣлы. Древнихъ же списателей о семъ ничтоже обрѣтохомъ, толико писавый нѣкто о взятіи Сѣбири Ермакомъ Тимофѣевичемъ воспоминаетъ о дерзновеніи ихъ. Егда по убіеніи Ермаковомъ и паки Татаре, Алей, сынъ царя Кучума, и князь Сейдакъ градъ Тоболскъ пообладаша, Россіяне же, во второе лѣто по убіеніи Ермаковомъ, съ воевo-

дою нѣкимъ Ивапомъ Мансуромъ приплыша подъ Тоболскъ, внити же въ онъ за множествомъ непріятелей и крѣпкимъ ихъ возбраненіемъ не возмогоша, но пустишася внизъ по Иртишу въ Объ, въ сію воспоминаемую Остяцкую страну, и озимиша плаваніемъ своимъ, и поставяша на устіи Иртиша ограду нѣкую пребыть въ ней зимное время; Остяки же въ предѣлехъ своихъ не восхотѣвше попустити, прыступаху крѣпко ко оградѣ сей со кумиромъ, его же помоществованія ради взяша; егда же отъ Россіянъ случаемъ изъ пушки пораженъ и сокрушенъ бѣ идолъ, убояшася видѣвше сего сокрушенна, его же заступленю и помощы себѣ возвираху, бѣгствомъ отъ Росіянъ отступиша, и толико о дерзновеніи ихъ извѣщенія. Егда же и паки побѣдоноснымъ оружіемъ вся Сибѣръ подъ область росиской скипетру приде, тогда и народъ сей зѣло великому порабощенъ смиренію. Нынѣ же вящше ихъ смираетъ толь неизцѣлный недугъ, иже всегда множае понуждаетъ воздыхать въ болѣзни и частее отъ сего погребателная внимать сѣтованія.

кк. На погребаніи своихъ умершыхъ имѣютъ отъ зловѣрія древнихъ своихъ старѣйшинъ законоуставленныи обычаи. Егда кому отецъ, или мать, или мужъ жены, или кто въ племени свойственъ отъ живыхъ прейде, тогда проводяше его сродницы до погребенія въ знаменія сердечнаго жалѣнія терзаютъ власы своя, и елико возможно ногтми одираетъ лице свое до крове. Власы же окровавленныя мещутъ на умершаго, зане зловѣріемъ своимъ чаютъ, яко душа по несколико днехъ пріидетъ разсмотрить знаменія болѣзней, отъ нихъ же праведную умерши и себѣ любовъ свойственныхъ своихъ внемъши и въ ономъ вѣцы вѣчне благодарить не устане. Имѣнія отъ частей, а паче нуждная въ житіи: одежду, лукъ,

стрѣлы, топоръ, котелъ и прочая съ умершимъ во гробъ полагаютъ. Се же пріяша обыкновенія частію отъ Чуцкого, прежде обитавшаго здѣ народа, частію сами своимъ зловѣріемъ мнятъ, яко по смерти житейскія употребляютъ пищи, сего ради и вся нуждная въ житіи съ собою полагаютъ. Странный же, безумія и безстудія исполненный обичай, наипаче жены ихъ по смерти мужа своего содержатъ. Умершу же мужу, жена пріемъ одежду его нѣкую, изсѣкше себѣ отъ древа наподобіе человѣческое кумира, полагаетъ на сего одежду мужа своего и прибираетъ утварами въ подобіе умершаго, поставляетъ же его на мѣстѣ, идѣ же обыкъ бяше мужъ ея сидѣти; вся же, что ему живу бывшу угодная бяху пища нѣкая, сія сему бездушному древу усердно уготовляетъ и на первомъ сѣдалищи своемъ, идѣ же присѣдятъ—приимать пищу, и его зъ собою положше, объемлетъ, лобзаетъ кумира сего, аки жива мужа. Вѣруетъ бо умершу вся сія видѣть и душа умершаго иногда въ сего утвореннаго идола въходитъ. Содержаетъ же сіе чрезъ нѣкое время, чрезъ годъ и вящше упражняючися симъ безчиніемъ, послѣди же идола со всѣмъ во одеждѣ скриваетъ въ землю, провождающе съ плачемъ и жалостію.

Глава Г.

О злочестіи идолопоклоненія.

а. Зловѣріе ихъ, вящше—самое беззаконіе и самая крайняя мерзость запустѣнія, въ такую бо естественнаго ихъ ума свитило паче безумія бездну, яко ниже изчислити ихъ нечестиваго многобожія людей, егда уклонишася въ путь беззаконія, весь сихъ идолопечстовства сонмъ изваянну поклонися телцу въ Вавилонѣ, тѣлу златому покланяхуся. Елины же Крону, Юнони, здѣ же единъ народъ сей, но всякъ отъ нихъ измѣнивше славу нетлѣннаго бога въ подобіе птицъ, гадовъ, различныя утвораху боги: иныи покланяхуся кумиру по подобію звѣрину, наипаче медвѣдя, иныи же въ подобіе птицъ: лебедя, гуся, и всякъ по своему пристрастію, до чего вящшепри страстенъ есть, боготворитъ, и толико безстуднаго многобожія—елико умомъ познаваху тварей, толико подобная изображаху боги. Иная же безвѣстная подобія твораху, ни отъ звѣрей, ни отъ птицъ, но нѣкія лежащія въ зыбкахъ древища, повитыя кожею, сукномъ и холстомъ, посреди же часть стекла зерцалнаго уложено, боготвораху, и прочи. Откуду же сіе въ нихъ такое различіе многобожіе внійде, мниться, яко желаніе скверно прибытчества нанесе имъ сія.

Мнози бо отъ нихъ злохитрецы желающе чюждымъ обогатитися трудомъ, дивно различная новыя утворають твары, боготвораше, да сими вящше новыми твары дороприношенія и почытанія слѣпотствующій прыведеть народъ, новостію бо и дивностію прелщены, вящше влекомы бывають до частаго видѣнія оныхъ, сихъ же пріемлють обычаи дороприношенія скверныхъ жертвъ, частымъ же приношеніемъ самодѣлцы мнимыхъ боговъ со жерцы довольно сыты бывають; сего ради скверно прибытства многіе оныхъ жерцы, по ихъ нарѣчію шаманчыки, въ вѣчное діавола порабощеніе и союзъ единодѣйствія волхованія и мечтей себе вдадоша.

6. Жрецъ ихъ и всякъ самодѣлецъ кумира, или настоящихъ по наслѣдію отецъ или сродникъ своихъ державецъ идола, чиновства же преодѣлителнаго по своему зловѣрію никакого не имѣють: кто утворитъ или содержитъ идола, или себе претворитъ ревностію около идоловъ всегда упражнятися, инипаче егда кто обще отъ всѣхъ вящше разумѣти мнится, то и жрецъ бываеть. При главныхъ же кумирахъ (о нихъ же послѣди извѣстнмъ) особъ преодѣлителныи и уставленны бываху, всегдашние стражіе си і жерцы почытаються. Чына ихъ должность всегда быти служителемъ лжи, иногда бо скудость въ препитаніи поощраеть лестію народъ до приношенія жертвъ, объявляя аки бы сего требують мнимыи ихъ бози; егда же похощеть кто зрѣти, тогда приводять скота или звѣра, надъ онымъ же жрецъ баснословитъ пѣнія, моля, да подасть изобилно ловленіе рыбъ, звѣра; самъ же помоществуеть жрущему до убіенія скота, и за трудъ сей часть снѣдаеть съ жрущымъ. Суть же вѣщцы, иже мечты пѣкія и волшебства творать, предавшися въ вѣчное порабощеніе сатанѣ, и обычно будущыя кусяться предвозвѣщати. Егда же сихъ

молятъ наставленія, кимъ кумировъ почитаніемъ учредить, всякъ бо жрецъ притворяетъ себѣ особнѣйшее имѣть со своимъ кумиромъ союзство, аки бы ему всегда нуждная требованія мнимыхъ боговъ объявленна суть. Сего ради аще кто по своему зловѣрію здравія ради, приобрѣтенія имѣнія, въ нуждахъ отрады яковаго хощетъ молити кумира, тогда жерцу онаго объявляетъ намиреніе свое приносити жертву и пріемлетъ извѣщеніе, что пріятнѣйше требуетъ бездушный той истуканъ—пированія ли яковаго, одежды или иныхъ нуждѣйшихъ, таковыми дары и почитаніемъ кумира и снабдѣваетъ. Обще же народъ не всегда изискуя извѣщеніе отъ жерцовъ, но сами приносятъ кумирамъ различная утвари: холсты, сукна, множае отъ кожей звѣрыныхъ и рыбыхъ, и оными въ почитаніе принесшими повиваютъся, иже толико сими странными рубищы утолстѣваютъ, яко въ пятидесяти аршинъ толщиною бываютъ; древа же самаго изсѣченнаго не вящше поларшына; весь же разширенъ искони приношеніемъ тѣхъ утварей, ими же повиваютъ. Тако обрѣтохомъ въ Шоркоровскихъ юртахъ кумира единого: въ средѣ поклѣнце отъ пятдесятъ лѣтъ прикладними обвитое сукнами, а на верху зъ жести изваянная личина мало что бяше подобіе человѣка. И егда то во огнь ввергохомъ, такъ смраднаго дима всѣхъ насъ наполни, яко едва не избѣгохомъ отъ ихъ селеній. Иногда же украшаютъ кумира своего и снабдѣваютъ одеждою черваеною, наипаче егда нѣкоего благополучія, довольства въ ловленіи рыбъ, промыслу на звѣръ воспрыять желаютъ. Егда же желаемыхъ благъ не получатъ, тогда изъ него одежду снемъ и его низрынутъ въ безчестное мѣсце со всякимъ ругательствомъ; послѣди же паки вводятъ въ первое чести достояніе. На холмѣхъ же превысо-

чайшихъ и мѣстцахъ изрядныхъ, всякому вѣденію прыятныхъ, кумиры своя поставляють, иногда далече отъ своихъ жылищъ особнѣ поставляються. Се же въ знамение чести угодная и изрядная изобрѣтають мѣстца, кумирни пространныя созыдають, въ нихъ же покладають кумиры и тамо приносимыя предъ ними снѣдають своя жертвы. Другія же меньшыя, въ нихъ же складають кости по зловѣрія своемъ и соблюдають сія, мняще яко недостойно ометати безчество костей, приносимыхъ на жертву.

А. Обыкновение и чинъ приношенія жертвъ тожде нѣсть каковыми уставленно чреды, яко же прочыи идолопоклонники, наипаче же Мунгалы, иже уставленныя чреды приношенія жертвъ имѣють на новъ мѣсяцъ; здѣ же слѣпотствующій невѣжа Остякъ никакихъ чредъ не имѣя, но егда несытое ихъ до пированія понудить чрево, или кто почытаемый въ мѣсто жерца иская угодія несытой гортани отверзаетъ оную извѣщаетъ, яко бози требують жертвъ приношенія, за сія же нѣкая обнадежуетъ обрысти благополучіе, тогда и чреды и время приношенія до крайняго же своего разоренія ищуть звѣра или лошадей на жертву; наипаче бо обыкоша сіи, что ближае татарскихъ жылищъ пребывають—приносити лошадей, зане сообщающися съ Татары обыкновеніемъ ихъ и яденію татарскому мясъ лошадиныхъ пристрастились сіи, и на скверныя своя жертвы употребляють лошадей. А яже въ дальнихъ пустынныхъ селеніяхъ обитають, сіи елени наипаче приносять на жертвы, зане сихъ аки домовый скотъ у оныхъ многоплоденъ. Егда же прыведутъ жремое предъ кумиры, сицевымъ обыкновеніемъ сіе жертву приносять: иже вящше буесловити можетъ, сей вмѣсто жерца началствуя, приведеннаго скота пріемлетъ и сплзуетъ первое ноги; другій коніе пріемши,

держить прямо противо жремаго скота; третіи съ напряженнымъ лукомъ станеть; четвертый зъ секѣрою станетъ противо очий приведенного звѣра. Начынаетъ убо жрецъ баснословити пѣсньми моля идоловъ изобиліе рыбъ подать, угодное ловленіе звѣра получить. Окончавшу же сіе, ударяетъ скота первое самъ жрецъ уготованнымъ на то орудіемъ, потомъ другій язвитъ стрѣлою, третій копіемъ. Падшу убо скоту, еще дышущу, емлютъ и трыжды около идоловъ сего обносять, послѣди ударяетъ ножемъ въ сердце, испущая кровъ въ блюдо, кроплять сею мерзостію и жилища своя, идоломъ же уста помазують, въ украшеніе же и всегдашнее воспоминовеніе кожу со главою и ноги даже до колѣнъ за едино съ кожею на древахъ завѣшують надъ кумирнями и избирають на се крѣпчайшія древеса, наипаче нѣкое лѣствичное древо, иже подобно сосновому древу, но крѣпчайшее и не гниющее паче иныхъ древесъ; мяса же сваривъ, избраннѣйшыми частми кумиромъ уста смазують; послѣди же вся сія сошедшеся съ чады и домовники своими снѣдають. По снѣдеіи же, въ знаменія благодаренія, палица своя на воздухъ бросають: се мнять нечистаго духа, его же боготворять во ономъ идоли, съ нимъ на томъ же пированіи присѣдящаго провождать возносящагося на воздухъ. Глаголютъ же, яко и страсти ради сія творять, чтобы сохранилъ честь творимую имъ. Обыкоша бо за злополучіе нѣкое безчестить идолы своя, и сего ради при всякомъ приношеніи жертвъ знаменія страха являютъ, желая да вящше о семъ имѣють попеченіе на звѣри и на рыбныхъ ловляхъ добрымъ ихъ обдарить промысломъ. Симъ частымъ жертвъ приношеніемъ въ премногую впадоша нищету и крайное разореніе, яко чадъ и женъ своихъ продають заимодавцемъ своимъ въ работу. Егда бо скудость и нищета его начнетъ одолѣвать, тогда

лестное мнѣніе и тщетная надежда понуждаетъ сего приношеніемъ жертвъ снискать себѣ у идоловъ благихъ нѣкіихъ пріобрѣтенія, не имѣя же откуду промыслить на жертву скота, жену и чада въ закладъ отдаетъ, надѣяся обрѣтшимъ благополучіемъ искупить оныя; но лестію сею иногда погубляемъ бываетъ, надолзѣ тщетнымъ чаяніемъ: иская благъ, ничесо же обращетъ, а не имѣя чимъ искупить, жены и чадъ лишается. И тако мнимый ихъ благъ даталь, боготворимый во идолѣхъ духъ лжи утаенною лестію безвѣстно сихъ невѣжей истребляетъ имѣнія, и чаяніемъ будущихъ имущая погубляютъ.

6. Между розличнымъ кумира почитаніемъ премного почитаються и дивии звѣріе, наипаче медвѣдъ: его же почитаютъ должностію, виновныхъ себе разумѣютъ быти, зане зловѣрятъ, яко по убіеніи отъ рукъ аще не буде почтенъ, то свое убіеніе убивающему отмститъ; и сего ради аще случыться имъ сего убить, снемше кожу предъ кумирнею поставляютъ, распростирая оную, приподобляюще аки жмвъ, сошедшеся убо игралища, плясанія около сего творятъ, изъявляетъ же пѣсньми невиновна себе его убіеню, глаголя: яко не онъ дѣлатель желѣзца и стрѣлы, ниже его пера: Русакъ укова желѣзо, пера орелъ—родитель; такими пѣсньми восклицающе, послѣди приходятъ и лобзаютъ распростертую кожу; удоволивши же себе сими діавольскими игралищы, оную иземлетъ властитель ея и продаетъ ю аможе хощетъ, и употребляетъ безъ сомнѣнія. Странное сего дивиго отъ звѣра почитаніе мниться тоежде быти отчасти идолопоклоненіе, зане клятвы своя на кожи утверждаютъ и зѣло со опасіемъ соблюдаютъ; многимъ бо случается, иже сіе сбываеться имъ, яко отъ звѣря сего поражаемы и убиваемы бываютъ кленующіися лестно; ложными же усты и клятвою

предаются звѣра сего убійству. Аще же се бысть остротою и хитростію діаволскою, иже истинну дѣйствовать претвораеть себе, да симъ инымъ множайшымъ лестемъ вѣровати народъ прыведеть. Мниться же, яко и попущеніемъ Божимъ бысть се во лжи наказаніемъ, а не дѣйствіемъ сатаниимъ; зане сей разоритель истинны, а не блюститель оныя, а таковая страсть удержаваше отъ всякія лжи и неправды ихъ зане Господь и въ языцѣхъ понуждаше истинну.

5. Егда же вѣрность Государю своему Его Цесарскому Величеству клятвами утвердити и явити случай понуждаеть, тогда по ихъ зловѣрію и обыкновеніяхъ полагають сего же прежде воспоминаемого звѣра кожу, на ней же топоръ, ножъ и иныя страсти орудія. Хотящымъ убо утвердити и обовязати вѣрность свою клятвою подають симъ ножъ, снемъ съ кожи, на немъ же на концы часть хлѣба положше подають, вмѣсто же черты талмачъ выговоритъ: «Аще лестію сію клятву утвораете, и неправедно служить и радѣть въ отдании ясаку будете, звѣръ сей отмщение вамъ да будеть и отъ него смертію да пострадете. Хлѣбъ сей и ножъ да погубитъ тя, аще не правдою вѣрностію, ею же обѣщаешися, творыти хощеши». И сей обычай главный и всенародный клятвы обѣщаня: междоусобнымъ же прѣніенъ и сваромъ егда имать клятвою что засвидѣтелствовать и смирить прекословная противности, то предъ идолы своя домашнія противящися приходять, и ему же клятвою оправдитися подобаеть, сему старѣйшыны ихъ ножъ дають, въ руцѣ, повелѣвая: «Аще ты сему на тя вождающему невиновенъ, се имашы ножъ. Вземли идола (по ихъ нарѣчію: шайтана), сокрушай и ссѣцы его; не опасенъ же вины вземлеть идола, сокрушаеть и ссѣчеть приговоривая: взыщы виновнаго и тако сокрушай, содержаай въ работѣ

своей врагъ». Иногда виновному сія утвораеть, се же не яко хранитель истинны, отецъ бо лжы, ненавистникъ естъ оныя, не яко обыкъ тму укрывать блистаніемъ притворнаго свѣта и явственную лжу хитростьми, истинну претворять, тако и здѣ да не всегда явить себе лукавымъ лестцемъ, иногда принужденъ отчасти явити себе хранителя истинны, и языци бо аще бы всегда лукавое и лживое видѣли дѣйствіе его, отвратилися бы лестей и лукавыхъ обычаевъ его, ими же уловленны впадоша въ богомерзкое идолопоклоненіе. Но сей исконѣ льстецъ, содержая ихъ въ сѣтехъ своихъ, сплетаеть и истинну съ лестію, да симъ коварствомъ множайшымъ лестемъ вѣрити научить и благое къ добру прытворяеть своимъ дѣйствомъ, и ничтоже сему противо естъ явити иногда притворную истинну, дабы толико сею низвелъ множайшымъ прелестемъ вѣру яти сими же и паки прелстившихся низвести въ погибель еже едино искони его тщаніе.

3. Между различнымъ многобожіемъ содержать разньствіе и сие: домашнія своя божки, яко всегдашнее свое рукодѣліе, не такою честію почытаху, зане естественнымъ ума познаніемъ творимая своима рукама, всегда видя, повседневно же съ ними имѣють обхожденіе, малымъ чымъ умаляють почитаній отъ древнѣйшыхъ; богомъ симъ бо высочайшею честію покланяются, зане дѣломъ отецъ и праотецъ своихъ усерднѣ ревнуютъ. Ревностію же и древностію обыкоша и узакониша себе вящшимъ повиновеніемъ покланятися симъ, иже древность остави имъ, воспріяша убо отъ преданія и злочестія старѣйшынъ своихъ древностію почытаемыхъ боговъ, ихъ же во всей Остяцкой странѣ почитахуся три первоначальныи: нарыцаетжеся Старыкъ Обскій, Гусь и Кондинскій, о нихъ же послѣди.

й. Старикъ Обскій сей имѣюще скверное свое хранилище на усть Иртиша недалече Самарова града. Бысть же сей по ихъ зловѣрію богъ рыбъ, изображенъ безстудиѣ: доска нѣкая, носъ аки труба жестяны, очеса стеклянны, роги на главѣ малые, покритъ различными рубищы, сверхъ одѣянъ червленною одеждою зъ золотою грудью. Оружіе—лукъ, стрѣлы, копіе, панцеры и инаа—около его бяху положенна. Вину собранного оружія, по мнѣнію зловѣрия ихъ, сію сказуютъ, яко сей въ водахъ брань часту имѣетъ и прочія подручныя себѣ побѣждаетъ. Мнятъ же безумнѣ яко шкарадъ сія ужасна видѣнію всѣмъ въ моры, и въ великихъ водахъ страшна есть, проходитъ сквозь вся бездны, въ нихъ же рыбы вся и; звѣры водныя подъ своимъ имѣетъ правленіемъ, и елико кому похощетъ, толико попущаетъ. Имѣяше двѣ кумирни: первая яко воспомянухомъ пры исходѣ Иртиша, идѣ же впадаетъ въ Обь; другую же при великой рыки Обы, въ нихъ же по трилѣтно пребываше; егда время угодно начинаеться быти ловленію рыбъ, когда прешедшей зимы солнечнымъ сіяніемъ льды распущаються, и воды зѣлныя студень и жестокость во благопрятную измѣняются теплоту, тогда служытелі бѣсовъ жерцы ихъ начнутъ лестьми коварно произносити, аки бы видѣніе прыяша отъ сего бездушнаго истукана, что вся рыбы морскія времени сего ввести имѣетъ въ ловли ихъ, народъ же издревле помраченъ лестію вѣру емлетъ, великодушествуя въ надеждѣ скоро исходить къ ловленію рыбъ, и первую рыбу морскую, яже нему нарыцаютъ, егда по случаю обращуть въ его мерзкую прыносятъ жертву, сваривше сію прежде сытостію уста и носъ идолу сему змазуютъ, прочая же сами снѣдаютъ; спѣдше, по обычаю своему, вмѣсто благодаренія палками мещуть на воздухъ, его же пріемлютъ съ честію, аки бы

что достойно приносятъ изъ кумирни до другія кумирницы, провождающе же различныя бѣсовскія творять игралища. Егда же на первомъ ловленіи морскія не обрящуть рыбы вскоры, возвращаються съ премногимъ ругателствомъ, нападая на нь укаряють, яко безстудная старости сего только, отецъ и праотецъ нашихъ неблагодеренъ забывъ почытанія и нерадивъ о рибномъ промыслѣ, погубляетъ гладомъ насъ; малословномъ же его ругая, вящше скорае дѣлы ругателство изъявляя свергше съ хранилища, верною оцепивше, влекуть его во вся безчестныя мѣста, попирая всякъ ногами и оплевая его, и дотолѣ въ семъ содержать безчестіи, донележе половъ рыбный начнетъ исправлятися. Приличествуетъ здѣ воспомянуть обычаемъ симъ повѣсть о нѣкоемъ древнѣмъ идолопоклонницѣ, иже, крайнею одержамъ нищетою, внійде въ кумирню моляше, нѣкоего кумира о благое нѣкое поданіе въ нѣщетѣ; кумиръ же бѣ древянъ, въ главѣ же часть злата содержаща. Надолзѣ же сему молящуся, ничто же обрѣтши, пріемъ кумира удари о землю; сокрушившемуся убо всему, изъ главы испаде злато, требующій же скудникъ пріемъ рекъ: «Моленіемъ ничтоже обрѣтохъ, біеніемъ же вящше получихъ тя благодать». Добрѣ сего искустна и обычаенъ бѣдственный употребляетъ Остякъ, егда чего у своихъ почытаемыхъ благодателей немилостивыхъ божковъ моленіемъ не обрящетъ, біеніемъ же взыскуетъ.

§. Гусь боготворимый идолъ ихъ бяше, изваянъ отъ мѣди въ подобіе гуся; имѣ скверное жылище въ юртахъ Бѣлогорскихъ при великой рыкѣ Обѣ. По ихъ зловѣрію, почытается Богъ птицъ водныхъ: лебедей, гусей и всякого рода птицъ, иже водному обычны плаванію: мняху же яко за легкость свою сіи лѣтая невидимо по мѣстьцахъ веселія исполненныхъ и видѣнія пріятныхъ вся покараше подъ область свою

птици. Въ кумирници сѣдалище его бѣ отъ различныхъ суконъ, холста, кожей сплетено въ подобіе гнѣзда, на немъ же сія вселшася прочвара сидяше, почитаніе бѣ того немало всегда, а наипаче во время егда ловленіе птицъ водныхъ начинашеся, зане и мѣста здѣ къ ловленію ихъ зѣло угодно и множество безмѣрно различныхъ родовъ птицъ. Славнимъ же бѣ толико сей идолъ, яко отъ далечайшихъ селеній прыхождаху скверная своя совершающе жертвы, едынымъ обычаемъ скотовъ, а наипаче лошадей приношаху, имѣяше твердое о семъ мнѣніе, яко сей есть скорѣйшый многихъ благъ дателъ, а наипаче изобиліе подаетъ получать птицъ водныхъ. Въ семъ подаяніи народъ прелестію сатаны ослѣпленъ, и наипаче являющій себе вмѣсто жерцовъ лжесловіемъ своимъ во всей Остяцкой странѣ прославиша сего толико, яко многія невѣжды вѣроваху чудесная нѣкая пріимать благополучія, и многія тщетною надеждою прелщенны обезумишася: скота, его же всегда можетъ безъ трудовъ употреблять въ препитаніе свое, пожретъ сего бѣсу сему, самъ же чаяніемъ благъ надежденъ лѣтаемыя по воздуху трудомъ снискать птицы, яже иногда чающе получити въ руцѣ, очесы и мыслію лѣтаемыя по воздуху провождаетъ, вещію же обрѣтается гладенъ и скуденъ, но обаче возлюбившій злобу паче благостыни, неправду неже глаголати правду прославляху его.

1. Первоначальный же и паче всихъ настоящій кумиръ здѣ бо за едино зъ гусемъ бысть во единой кумирни въ Бѣлогорскихъ юртахъ. Сего и Кондинскимъ прежде воспомянухомъ, по сему что народъ сей зѣло по своему зловѣрію ко оному имѣюще усердіе; нынѣ во время сіе егда искореняшеся идолобѣсіе, сохраниша сего истукана и унесоша въ Конду,

откуду же и Кондинскимъ нарекоша. Тамъ же Вагулитомъ, единомысленнымъ зловѣрія своего союзникомъ, въ соблюденіе дана, сего ради и не получыхомъ видѣти и извѣстно описать о безстудномъ изображеніи его, и доселе тамо пребываеть, соблюдаемъ, донелѣже всесильною десницею Сій и вездѣ Сіи достигше сокрушить и потребить.

ГЛАВА А.

О началѣ благочестія и о искоренении идолопоклоненія въ Остяцкой странѣ.

1. Яко же прежде воспомянухомъ о пространныхъ сего Сѣвѣрского государства предѣлехъ, ими же до славныхъ государства Китайского достизаетъ стѣнъ, многолюдствемъ же различныхъ дивныхъ идолопоклонническаго зловѣрия народовъ населенна,—обаче отъ лѣтъ полтораста и вящше, егда сии роды россискому покорены скипетру, во всѣхъ сихъ зловѣріе идолобѣсія невозбранно хранятся, паче же просвѣщаетъ я свѣтомъ проповѣди евангельской и не попущахъ власти правительствующыя народами сими и никто же доселѣ о спасения сихъ имѣ усердие и попечение, донелѣже сія имѣ искони, не успетъ, ни воздрымлетъ пекися о спасении человѣческомъ, избра таковаго правителя россійскому скипетру, иже по многихъ государей отчичъ, дѣдичъ и наслѣдникъ, первый именемъ Петръ, Россия правленія восприятъ скипетръ, имъ же аки ключемъ царствія небеси отверзе симъ языкомъ двери спасения; во дни бо своя усердный бяше любитель отчества, трудолюбный же искатель благочестія, се же непрытвор-

нымъ хитрословеснаго ласкателства показуеться словомъ, паче бо полуденнаго свѣта всему миру ясно зрительно истинна отъ дѣлъ являеться, каково усердие имѣяше и отчеству своему, зане не толико хитрости воинскія ученія ими же прочимъ государствамъ крѣпку и страшну показа державу свою и иныя ученія гражданскаго правосудія, наипаче же Богомъ угодныя премудрости еллино-славено-латинскія утверди училища и умножи ученія, еже прежде въ Россійской державѣ не быша. Се же все умножы ради благочестія взыскатель бо полезныхъ государству своему не презрѣлъ и сего разумѣнія, иже иногда великому Іустиниану воспомянуша: ничто же боліе ищи царю, яко прыложити государству твоему благочестіе: се бо есть твердь и крѣпкое основаніе государству. О семъ въ началѣ благоугоднѣйшаго правленія государства своего зѣло упражняшеся и имѣя о умноженіи сего усердное попеченіе, многія премудрѣйше введе учители церковныя и престолы архиерейскими правителствовать вручаше, да Богодухновеннымъ проповѣди ихъ ученіемъ умножая умножиться благочестіе. Въ то время и на престолъ Сибѣрской митрополіи его же, Всероссійскаго императора, повелѣніемъ Кіевопечерскія чудотворныя лавры экономъ избранъ, преосвященный Филоѳей, митрополитъ Сибѣрскій, и егда первое нача въ здѣшнихъ Сибѣрскихъ предѣлехъ проповидать и умножать благочестіе, искоренять же зловѣрія ихъ идолопоклоненіе.

6. Толика же ревность сего и усердное тщаніе бысть благочестія, яко не доволно бѣ въ предѣлехъ паствы своея изгонять тму кумирослуженія, но тщашеся и во окрестныя страны, прилежащія къ предѣламъ царства Сибѣрскаго, вмстить у нихъ свѣтъ проповѣди евангельской, — облежащія бо

страны царство Сибѣрское суть злочестіемъ идолопокловенія слѣпотствующіи роды. Сего ради понуждаше его всегдашнее ревнителство всячески искать, како бы солце Боговидѣнія свѣтъ истинный евангельской ввести въ тыя ослѣпотствующія роды, и посылалъ бяше богословии учителей даже до Китайскаго государства, тожде и до Мунгалскаго владычествующаго законоучителя и законодавца кутухти, его же вся Калмицкія роды и Китайское государство премногое почитають. О его же зловѣріи вкратцѣ нѣчто изъяснити прилѣчно.

г. Зловѣрія сей древнихъ елинскихъ любомудрцовъ, Питагора и прочыхъ, иже злѣ вѣроваху преселеніе душъ человѣческихъ въ жывотныя, сіе содержить и сей злоумѣніе, зане аще множество скота имѣеть, обаче я не убиваеть въ своихъ селеніяхъ, но предаеть инудѣ въ руцѣ иныхъ, оттюду же мяса себѣ взимають цѣною: се же симъ явити хощеть благосердіе свое, яко не хощеть кровію осквернять жилища своя, яже почитаеть священная, ниже злѣ повелѣваеть быти мнимому душеубійству скотовъ: зане себе показуеть народу, яко удаляеться отъ мира и духовнаго воздержнаго жытія искатель, ниже бо и сообщенія съ мирскими людми имѣти хощеть. Аще бо и весь Мунгалскій народъ подъ своимъ правленіемъ и властію содержить и въ степяхъ со оными пребываеть, но обаче особнѣ отъ нихъ. И егда по своему обыкновенію искал пажитныхъ мѣстъ скоту своему съ мѣста на мѣсто преходятъ, со оными же и самъ владычествующій имъ законодавецъ кутухта егда преселяеться раздѣлительно отъ общаго народа толико со своими тогожде житія хранителми, иже и ламами нарицаются.

д. Сіи ламы, по ихъ зловѣрію, почитаются яко законоучители и чиновники духовныя, жителствуютъ безъ женъ,

питія всякаго, вина и иного, ими же возмущается умъ, блюдутся, ниже вкушають, толико едино обычное себѣ питіе чай употребляють. Умирительное же ястіе, и не тако мясъ, яко овощами питаються. И за сіе воздержательное жытіе зѣло почытаються отъ народа, зѣло же упражняются волхвованіемъ. Вси же сіи ламы разные чиновства своего степени имѣють: иныи бо нижайшого, иныи же высочайшаго степеня суть. Превышше же всихъ властей и чиновъ первоначалный содержить степенъ делай лама, иже и Тангуськую землю изобилную всихъ богатствъ подъ своею областію содержить и кутухту древле по себѣ втораго иногда утюры и пода Мунгаломъ, но сей первый во влеглости и далечайшей страны пребывая, добронравіемъ и властію преклони къ себѣ народъ Мунгалскій и тако утверди власть свою, яко всѣхъ сихъ поработи ласкательствомъ самовластной державѣ своей. Отсюду паче уставлено и чиновства своего чреды превознесеся и не весма покарашеся власти делай ламы, самъ утворися равновластитель и самовластный законодавецъ народу сему. По семъ всѣ кутухтѣ даже до сего дне единъ отъ единаго поставляемъ содержить власть сію и тщатся явити и себѣ единоравновластителей съ делай ламою, обаче народъ Китайскій и Калмыцкіи и отъ Индіи вящше власти и достоинства почытають быть делай ламу, зане сего зѣло въ дѣйствіи о мечтахъ сатанинныхъ силна мнятъ быти кудесника и волхвованіемъ низводящаго вѣтръ, мразъ, дождъ, егда хощеть. Паче же разумѣють будущихъ предвидителя, еже предвидѣніе отсюду слѣпотствующему народу являетъ, грядущихъ бо къ себѣ на поклоненіе нѣсколико десять поприщъ отъ жилища своего предвидѣщаетъ пришествіе ихъ къ себѣ и время преодѣляетъ, еже и збывається во время назна-

мемованное. Отъ него всегда же сіи роды Калмицкій, Китайскіи и Индиски волхвованіи тщательнѣ изучаются, всякъ отъ нихъ мразъ, бурю, мечты диаволски претворяють; ниже бо камо торговые ихъ люди безъ таковаго волхва въ путь камо дерзають ити, донелѣже таковаго въ караванѣ своемъ не обращуть волхва, иже нисводить студень и влагу, ею же отъ зноя и мухъ въ тамошнихъ теплѣйшихъ странахъ скотъ и ихъ самыхъ соблюдаеть. Толико же диаволскою силою ложно и притворно дѣйствуема нѣсть сомнѣнію каковому, но паче презрѣнію достойна. Егда въ немъ внемлемъ Симона волхва, иже съ Петромъ святымъ толикими чудесы препирашеся, яко отъ ложно творимыхъ сихъ дерзну и боготворити себе, возношашеся до небесъ. Обаче егда побиждень бысть силою свышше, ися притворно дѣйствуемая ложная явственно очесамъ предстоящихъ открышася.

ї. Тогожде искуства и волхованія и кутухта содержить учеше и зѣло въ семъ упражняеться толикоже силою сатанинною дѣйствуеть; яко отъ народа единоранныя благотворимая со идолы своими удостоеться чести и зѣло премногія сему творять почитанія, наипаче егда на иныя селенія преходять, тогда поставляють предъ лицемъ его чашу мѣдну наполненну угля, на ню же благовонныя зелія покладають вси приходящіи, егда же всядеть на колесницу свою кутухта, предъ нимъ идолы поставляють, тогда во свирылы и трубы необычно долгія восклицають зѣло громогласно. Народъ же отдалече стоя покланяется падше на лице свое. Нѣцыи же, аще толико дымокурение его на жертву прыносимую уразъ, падають на лице свое взывающе негень кутухта: сиестъ свѣтлый рай. Сего словесы употребляють, аще кто напаствуемый въ клевѣтѣ какой или въ какомъ подзорѣ клятвою себѣ очы-

стити ищеть, тогда долженъ около жилища самого кутухты трижды обходя изректи гегенъ кутухта. Аще же виновенъ чему будеть, никогда не дерзнеть изректи сего гегенъ кутухта, но вину, исповѣдуеть аще и смерти за оную пострадеть.

5. Приношение жертвъ ихъ всегда на новомѣсячіе бываеть, а наипаче во время празднованія главнаго ихъ, иже въ числѣхъ первыхъ февраля мѣсеца, по ихъ нарицается цаганъ: сіесть бѣлый мѣсяцъ, его же аки начало веселья почитають. Украшаеть же себе кутухта съ ламы своими одеждою свѣтлою, власы на главахъ своихъ вся обрѣютъ и толико различными мастьми и утварями лица своя украшаютъ, яко погубляющи видѣніе и красоту, старость ихъ притворною младостію обновляеться и украшается, иже навскъ новъ мѣсяцъ обычай имъ есть. Отсюду простоуменъ общіи народъ баснословитъ, яко существеннѣ обновляеться юность кутухты съ преминеніемъ луны. И никогда же не умираетъ, но се искусны ихъ законоучители тако разумѣютъ безсмертіе сего: не аки бы онъ существеннѣ не умиралъ, но яко душа сего съ добродѣтелми въ инаго преселяется, его же живъ суще кутухта избираетъ и предъуставляетъ на владычество свое по себѣ,—яко же и нынѣшни кутухта живъ суще избра племянника своего, сестры своея сына, его же назнаменова поставити по себѣ на степени владычества своего. Сестру же свою сію поставилъ въ ламы. И егда на всепозорномъ сѣдалищы съ ламы своими сѣдаетъ, тогда сію сестру свою первымъ по себѣ почитаетъ мѣсцемъ, зане и жены сего чыновства удостоюються, аще таковаго житія воздержницы желаютъ быти.

3. Егда же входити хощетъ въ кумирню до почитанія и поклоненія идоловъ, тогда прежде всѣ ламы въ его хра-

мину собираются и по чину своему около его сѣдятъ съ премногимъ смиреніемъ сложенными на персѣхъ руцѣ, въ тишайшомъ зѣло безмолвіи; егда же сій отъ сѣдалища своего востаетъ, тогда вси сіи воставшы послѣдуютъ сему; иныи же предыдутъ полагающе благовонное зеліе на угле въ чашу; предъ нимъ же сіе носятъ благоухание, провождаютъ же въ кумирню со восклицаніемъ трубнимъ. Вшедше въ ню на высочайшомъ сѣдаетъ мѣстѣ. Около же сего вышшая и нижайшая степени утворенны, на нихъ же по чину своему сѣдятъ ламы. Предъ самого же кутухту поставляютъ седмъ чашъ, яко же предъ идолы, въ нихъ же медъ, вода, чай, въ прочыхъ же разная сахарная ястія, ихъ же по чтении и пѣнии своемъ кутухта употребляетъ и прочимъ по части подаетъ, яже съ великою пріемлютъ честію. На всякаго же главу отъ престоящихъ полагаетъ руцѣ свои вмѣсто благословенія и тако свое окончываетъ кумирослужителное почитание и приношение идоломъ.

11. Въ кумирни между различными идолы, яже всѣ въ подобіе человѣческое отъ мѣди, сребра и злата хитростнѣ изваяна, единъ же зѣло великою хитростію въ подобіе нѣкія жены созданъ, и сего нарыцаютъ Аюшъ; отъ стопъ же могъ сего идола цвѣтъ селный изведенъ; весь окружается идолъ цвѣтомъ симъ, на немъ же гроздіе винное и прочие селные цвѣты и взоры изсѣченны.

12. Прежде воспомню тие послы, богословіи учители, достигше предѣлъ его кутухты съ великою честію и премногою любовію прыяты и почтенны быша, яко посланіе сихъ кутухта прыемша цѣлованіемъ почти; приня же и дары посланныя любезнѣ, жезлъ украшенъ и прочая. По привѣтствовании и разговорѣхъ, восхотѣ искусити учителей сицевымъ

вопросомъ: «Елико, мнѣ речете, умершихъ душъ отъ первобытія человѣческаго по своимъ изчисляя писаніямъ?» Тогда нѣкто отъ учителей таковъ неудобъ постижимый вопросъ дерзнулъ и паки вопросомъ отвѣтствовати сице: «Молю высочайшей власти вашей, колико своимъ писаніемъ по всей вселеннѣ въ сіе настоящее время изчисляется въ живомъ тѣлѣ душъ человѣческихъ?» Удивися кутухта, рече: «Невозможно сему изчисленіемъ предѣлъ положити, зане въ самое сіе время, еже слово отъ устъ исходящее содержить мѣсто времени, мнози могутъ по всей вселеннѣй раждатися». Учытель къ сему: «Сего ради ниже умершихъ изчисленія предѣлъ положити можемъ, зане въ самое время сіе, яко отъ устъ слово исходитъ, мнози по всей вселеннѣй умираютъ, и скорѣйшимъ иныи путемъ преходятъ отъ мира, ниже въ миръ». Многа же иныя отъ писаніи Божественнаго свѣтовидно показавше, тайны спасенія человѣческаго о воплощеніи Сына Божія и прочая. Откуду нѣкое возбуждашеся въ немъ усердіе слышати внѣмати повѣствуемая отъ христіянскаго писанія, чего ради остроумныхъ юношъ двухъ оставиша тамо за повелѣніемъ преосвященнаго архіерея въ дворѣ кутухты въ наученіе грамотъ и языка ихъ, дабы яснозрѣтелно показать и извѣстить могли путь вводящій въ разумъ истинный, семъ же и на спасеніе отъ заблужденія идолопоклонническаго наставить и стези. По сему не воспоминая различно препятія, яко толика ревность и желаніе не получы желаемаго безъ помоществованія свыше. Вящши же Божіимъ нѣкимъ предувѣдѣніемъ сіе зачатое дѣло безъ пользы искаемыя окончися, зане обращеніе невѣрна нѣсть человѣка хотяща, но Бога милующаго.

1. По времени Всесвышняго правленіемъ преосвященный митрополитъ Филоѳей остави власти архиерейской правленіе,

воспріять схимонашеский чинъ. Престолъ Сибѣрской митрополи по немъ воспріятъ преосвященный Іоанъ, архиепископъ Черниговскій, и бысть правителствующи архіерей престола митрополи Сѣбѣрской. Равно же усердно ревнитель и трудолюбный искатель благочестія прежднй же возжделѣ въ тишайшомъ пребыть безмолвіи и уклонитися въ прежднюю свою великія чудотворныя Печерскія лавры обитель. И уже бѣста нозѣ намиренны тещи къ тишайшему безмолвію, обаче Вышняго правленіемъ обратишася къ громогласному благовѣствованію спасенія роду человѣческому. Высокимъ бо повелѣніемъ Царскаго Величества пріемше правителствовать губерню царства Сѣбѣрскаго, князь Матѳей Петровичъ Гагаринъ, иже яко первый бысть губернаторъ Сибѣры, тако и первый въ ней отнелиже подъ область Россійскихъ монархомъ прейде благочестія умножитель, первое убо благоразумнаго правленія своего показа начало, егда наипаче Божественная о умноженіи благочестіе, еже всему государству, зане сіе много полезуетъ государствамъ, усердное начать имѣть попеченіе и путешествіе преосвященнаго инудѣ намѣреніе удержа, и обрати на стези общаго спасенія рода человѣческаго, возбуди къ семъ древнее его желаніе и усердное искаемое яви сему благополучіе, аще же и старостію изнемогшаго, обаче благоразумнѣ предувидѣ и предъизбра крѣпкаго и достойнаго таковой вещы трудолюбца, яко послѣдствующыя свѣтовидно покажутъ, како неудобъ носима при такой старости, въ ней же умножаетъ трудъ и болѣзнь, понесе и претерпѣ усердно, благодатію свышше укрѣпляемъ.

41. Не медля же воспріятъ усердно начало благовѣствованія сего и проповіди евангелской ҂ахі году, и первое

нача въ странѣ Остяцкой, идѣ же непритворнымъ воспоминая ласкателства словомъ, зане отъ дѣлъ вящше узриться толь достойная похвалы и удивленія ревность иже старостію изнемогшаго на толикія воздвиже труды и путешествіе по тѣхъ мразныхъ и мрачныхъ странахъ, мню бо, яко не мягкія здѣ, якоже инде благовѣствующихъ нозѣ благовонныя крины, иные пранныя Китайскія и Индійскія земли удостоются наступать, отъ нихъ же и своя страна и обители наполнюютъ и удоволяютъ благовоніемъ; но здѣ трудитися избра сей трудолюбивый ревнитель, во смрадныхъ, пустыхъ и жестокихъ мѣстехъ необычнымъ жителствующихъ пребываніемъ и зловредительною язвою [о ней же прежде], вѣденію человѣческому ужасныхъ и непрыятныхъ. Обаче, вмѣсто криновъ селныхъ обрѣте благовонный вертоградъ, церъковъ Христову, ново собраніе вѣрныхъ, еже принесъ изъ Египта отъ работы дивольскія и нечестія идолопоклонническаго свободя пресели изъ Египта народъ сей въ вертоградъ Христовъ. И бысть сему благопріятный плодъ веселія и благовонія, егда трудовъ своихъ желаемое списка благополучія, избавленія же ради слѣпотствующаго народа сего, аки послѣдки всего мира, никто не бѣ дабы зрѣти и вѣдѣти восхотѣлъ погибшую сію тварь, аще не бы Всевышняго десница толь равно и умирытелно избрала и предпоставила обоихъ ревнителей, такъ правителя царственной Сѣбиры, яко и трудолюбнаго благочестія сего проповѣдника и учителя. Елико бѣ трудъ сего, толико подаваше помощы благоразумное губернатора правленіе и облегчеваше трудъ, а идѣже нужда и недостаточество убѣждаше труждающагося проповѣдника, таможъ егоже, предостойнѣйшаго губернатора, щедролюбивое благоутробіе всѣмъ изобиліемъ удовляше; единою рещы, яко Вышняго правленіемъ

соединенны обоихъ добродѣтели, ревность учителя со благоусердіемъ правителя, трудъ проповѣдника съ благостынею многомощнаго властителя, за едино совокупленны крѣпцы стана низрынути и разрушити владычество и престолъ сатанинъ царствующій и гнѣздящися въ семъ Остяцкомъ идолопоклонническомъ родѣ.

ѿ. Егда же его княжая свѣтлость, губернаторъ Сибѣры, избравши достойнаго таковой вещы учителя, всяческими же нуждами изобилно удоволивши сего отпусти водным плаваніемъ въ семъ настоящемъ году ѧѹ҃ѣ, тогда проповѣдникъ и учитель устави себѣ, первое, крѣпкія нечестія столпы и основаніе ихъ, на чемъ утверждаху злочестие свое, низрынуть, разорити капища, опровергти и сокрушити вся идолы. Симъ первое слѣпотствующему роду возмогли свѣтовидно явить немощь сихъ бездушныхъ истукановъ, и яко человѣческихъ рукъ зданіе бысть, тако человѣческими руцѣ сокрушается, и ихъ же злоумнѣніемъ своихъ чаяху всемощныхъ, и помоществованія отъ сихъ требоваху, нынѣ да зрятъ себѣ помощи не могущыхъ искоренити: тако первое твердь нечестія, идѣже восхотѣ насаждати и водрузити благочестіе. прогнати тму невѣрія. Оттуду, идѣже свѣтлое благодати Божией и проповѣди евангелской ввести подобаше познаніе, начеше убо отъ первыхъ жылищъ ихъ по Иртишу, яже въ трехъ днехъ тихимъ плаваніемъ достизаются отъ Тоболска. Вся кумиры, истуканы бездушныя сокрушиша, скверныя капища и кумирницы разорися и сожгоша. Прострежеся надежъ и разорение сихъ даже до Березова; и все сіе идолобѣсіе паде неисцѣльнымъ падежемъ, аще же и видяху слѣпотствующій народъ немощь бездушныхъ сихъ и ничтоже вящше, яко древо истлѣнію предающееся, обаче ревностію злочестія по-

мраченны противляхуся, возбраняюще кумири своя, нѣцыи же во время падежа боготворимыхъ истукановъ ихъ лживыя чудеса лжеславяху оныя.

гі. О старику Обскому, иже бѣ у нихъ мнимый богъ рыбъ, лжеславяху чудесное нѣкое: Егда бо сего сожещы хотяху, и крѣпко противящеся, возбраняху, но обаче поучительными словесы изъясниша имъ, яко сей бездушный истуканъ ничтоже есть паче древа, еже вселшагося въ себѣ содержати диавола, и не толико многомощенъ помоществовать вамъ, изобилемъ какимъ удоволять, но паче отъ васъ нынѣ соблюденія и помоществованія требуетъ. Не ослѣпляйте убо себе зломнѣнемъ, аки препитаемы отъ сего есте, но выщше сами снѣдаемы во имѣніяхъ своихъ и пожираемы есте скверным сему приношеніемъ жертвъ. Внемлите, яко вся стихія: огнь, земля, воздухъ, море и вся, яже въ нихъ единаго всея твари Творца премудростію созданна суть въ употребленіе человѣку и Его вышнею десницею всихъ благъ даяніе есть. Тогда мало свѣрѣпьства противниковъ укротиша тишайшыя словеса сія и попустиша боготворимаго своего истукана предати огню; обаче злохитрство нѣкіихъ и злочестія ревность, гнѣздящаяся въ сердцахъ, понуди лжеславити чудеса нѣкая: сожигаемаго убо зраще кумира, притвориша себе видѣти отъ пламене подобіемъ лебедя излетѣвшаго, и вездѣ лестцы и лжеслужытеліе разсѣяша плевелы сіи; иныи же весма глаголютъ не быти сему. Аще же бы и притворился инымъ тако сатана, ничтоже дивно: могли попущеніемъ Божимъ иногда огнь свести съ небеси, кое чудо отъ огня и пламене убѣжати дѣйствуемому во идолѣ сатанѣ, коварныя своя препятія держащимся невѣрія оставляя сумнѣніе. Но ничто же успѣ хитроковарная злоба сего: не сохрани бо себе,

ниже своего жилища, ни другія лестію сею соблюде бѣсовскія хранилища, аще и вящше подвизася въ соблюденія нечестія своего.

д. Въ Шорковыхъ юртахъ бѣ кумиръ изсѣченъ отъ древа въ подобіе человѣче, сребренъ, имающъ лице: сей дѣйствіемъ сатаниимъ проглагола бездушный и предвозвѣсти надходящее себѣ близъ разорение отъ десницы проповѣдника и учителя, молаше ревнителей и служителей своихъ, дабы восхотѣли поревновать древнему отецъ своихъ зловѣрію и крѣпко противостать проповиди; себе же самъ всячески обѣща не попустить сокрушенію. Симъ злохитрствомъ возбуди въ народѣ толику по себѣ ревность, яко согласишася всѣ стать даже до крове, ниже идола попустить сокрушати, великодушествуя надеждою, яко обѣщася самъ себе возбранити, ниже проповиди внимати. Егда же вскорѣ посѣши проповѣдникъ и учитель и повелѣ сего идола сокрушити, народъ, духомъ бѣсовскимъ наущенъ, со убійственною на всихъ устремися рукою. Обаче учитель тишайшими словесы ярость ихъ смиры, явственно показуя всѣмъ немощь сего, яко ниже себе возбранить, ниже что проглаголати можетъ: бѣ бо уже нѣмъ и безгласенъ, яко бездушно древо, и ничтоже зѣ намиреннаго своего коварства сила Вышняго попусти дѣйствовати; но обѣщавыйся ложнѣ, а не могій себе соблюсти, преданъ естъ огню со всѣмъ своимъ богомерзскимъ капищемъ.

е. Поспѣшествомъ Всесиднаго и благодатію Его помощію путь сей простирашеся непраздно, но вездѣ сокрушая идолобѣсіе достигоша даже до Кодийскаго монастыря, *которой стоитъ за великою рѣкою Обью, на правой сторонѣ тоя рѣки Оби *, идѣ же многимъ собраннымъ Остяцкаго народа кумирослужителемъ доволно нача преосвященный архіерей пропо-

вѣдію открывать свѣтъ истинный евангелскій. И не тще бысть ученіе, зане первоначальне возсія благодать сія въ сердцѣ нѣкоего княжика Алачева, иже бѣ знаменитого племени остяцкихъ княжиковъ. Той вожделѣ первіе просвѣтитися крещеніемъ Господнимъ. Егда же бѣ окрещенъ, присѣдяше всегдашнему ученію, въ немъ же случися слышати, яко вся Россія здревле одержима бысть кумирослуженіемъ, и первѣе въ Кіевѣ во дни святаго Владимера возсія свѣтъ благодати Божіей, имъ же вся просвѣтися Россія. Внемши убо се и княжикъ сей вожделѣ мѣстьца сія святыя видѣти, его же преосвященный архиерей радостнѣ, для утвержденія начинающагося въ немъ благочестія, посла въ Кіевъ, идѣ же сіяющими благодати Божіей чудесы вящше увѣренъ бысть возвратися. Проповѣдникъ же и учитель о семъ благополучномъ начинаніи всеусердѣ радующеся, яко непостижимая и безмѣрная Спасителя рода человѣческаго благость утвори толь благополучія начатки, яко безвѣстныя закоснѣвшыя древностію злоевѣрыя роды начаша почитати и покланятися мѣстамъ святымъ, еже отъ дня святаго Владимера доселѣ не бысть. Еще же здѣ тринадесять человѣкъ проповѣдь евангелскую пріяша, свѣтомъ же истины ей просвѣтишися и купелею крещенія Господня очистивши скверну свою идолобѣсія, наипаче же упражняхуся и прилѣжное имѣяху тщаніе разрушыть престолъ владычества сатанина, крѣпкія и твердыя его кумиры и бѣсовскія хранилища ихъ сокрушати, низринувши убо сія и истребивши даже до Березова града, а идѣже бяху скверная капища, тамо знаменія царская побѣды, крестъ Христовъ водружать, и возвратишася паки въ Тоболскъ.

ГЛАВА Є.

О крещении Остяковъ въ году ҂аѱгі.

Первоначалный благочестія въ народѣ семъ снискатель, его княжая свѣтлость губернаторъ Сѣвѣры, ревнуя поревновахъ приложити тщаніе о умноженіи проповѣди евангелские, и паки въ семъ настоящемъ году ҂аѱгі всѣми нуждами удоволивши, тогожде предизбраннаго проповѣди евангелские учителя, преосвященнаго архіерея, угоднымъ плаваніемъ въ тыжде Остяцкія отпусти селенія. Народъ же, видѣвше прежде тверды нечестія ихъ боготворымыя идолы надшыя, и толь стершую мнимую силу ихъ, яко ничтоже вящше креста видѣти, яко прахъ и пепелъ, отсюду доволно мракъ кумиреслуженія ослѣпляющи сотреся очесъ ихъ, яко отверзостеся очи има пріятнѣе взирати на свѣтъ проповиди евангелскія, яже яко просвѣтителница ума показаваше имъ познати истиннаго Бога. Учитель же внутръ селенія ихъ достигши юртъ Восполскихъ, Кавзимскихъ, Шорковскихъ, Бѣлогорскихъ и прочихъ, доволно повседневнымъ ученіемъ проповѣди евангелскія просвѣщаше; свѣтомъ же оныя мнози просвѣтишася, и купелю же крещенія Господня многимъ дадеся свыше отродитися въ но-

ного человѣка. Десница бо Господня погуби злобу идолску, низведе съ небесъ милость, искорени работу, утвори свобождение, а яже и чада быша работы діаволскія, нынѣ удостоишася сыны свободныя быти благодати Божией. Потече толь пространно проповѣдь ея, яко вся наполнися Остяцкая страна. Обаче различныя искони благъ ненавистники коварныя благополучному началу утворяше препятія.

6. Юрты нѣкія, нарицаемыя Атлымъ, его же мнять отъ повѣствованія древнихъ тамошнихъ жителей быти населенна Паисотникомъ, кудесникомъ нѣкимъ, иже со святымъ Стефаномъ, епископомъ Пермскимъ, препирашеся отъ зловѣрія своего: послѣди же побѣжденъ въ злочести своемъ убѣжа съ Перму за Камень, въ Сибѣрскую страну и ту поселися. Обаче на древнемъ семъ нечестивомъ иногда жилищи, идѣ же народа противникъ спасенія человѣческаго различныя коварства и препятія распростре сѣти, собрася бо множество народа совокупнѣ стати противо проповѣди евангелскія; учитель же проповѣди, егда простре ученіе свое, не толико ушима тяжко слышаша, но вящше подвизахуся яростію, и на мнозѣ противо боряхуся, обаче повинушася истѣннѣ и благополезному проповѣдника преклонишася наставленію. Но исполнися врагъ сый безмѣрнаго злохитрства возбуди нѣкоего отъ среды ихъ, его же и злообразіе знамени злонравна человѣка, зѣло бо злѣ изображенна бысть ему лицезрѣніе человѣческое: малъ, чернъ, худъ, толикоже злонравенъ, яко всихъ отврати лестію своею противо уклонитися. И начаша самого учителя отъ пристанища отголити. Попустиша же неугодну пристань, идѣ же мѣлочъ пѣскомъ нанесенна бяше волнами, волнамъ же въ то время належащымъ сокрушашеся судно, и не мало бѣ печалію одержимъ учитель, зане весь народъ противо ста,

возмущенъ злонравнымъ и злообразнымъ прелестникомъ. Обаче не преста ученіемъ просвѣщати тихомирными словесы, нача молити: «Зру васъ, рече, мужей благоразумныхъ, не противоборцевъ истинны, молю васъ оставити сего мужа младоумна, игралище дѣтское: не достоитъ бо единаго сего безумными словесы толико искуснымъ мужемъ прельщатися». Сими же благоприятными, паче учительными словесы воздвиже въ нихъ усердіе, яко вси презрѣвше мятежныя сего прекословія всерадостно и единокупно начаша приходити въ купель крещенія Господня. Хотящій же всимъ спастися и самаго мятежника отъ вѣчныя погибели соблюде, но присовокупи томужде единому вѣрныхъ собранію, обрѣтшему животъ вѣчный: не восхотѣ бо отстатися своея дружины во единомысліе и едино исповѣданіе вѣры съ прочыми прійде.

г. Егда же въ купѣль крещенія Господня прыхождаху возмущенны и паки истиннымъ духомъ моляху, да женъ и дѣти оставитъ не крещенныхъ, усумнѣвахуся бо, да нѣкакимъ случаемъ отъ малыхъ отрочатъ въ водѣ кто утопленъ будетъ, се же остроковарнымъ своимъ злѣ намиреніемъ нанесе имъ вратъ сіе сумнѣніе, яко сему злѣ послѣдствова коварства его дѣло. Учитель же отъ ревности чрезъ истолковниковъ языка ихъ отвѣтствоваше: «Аще единому отъ васъ събудеться, се не пощадѣте жытія моего, но въ тую же мя вѣверзѣте глубину: се даю вамъ извѣтъ на ся, надеженъ крѣпкаго въ семъ Спасителя моего заступника». Наченшу убо отрицанію егда священникъ единой отъ женъ предстоящей дуну рекъ: «иждени отъ нея», внезапу паде аки мертва. Сицевымъ нечаяннымъ падежемъ мнози ужаснушася и устремишася, мняще, яко въ сихъ словахъ нѣкая невидимая убивающая сила есть, инии же страхомъ симъ понуждаеми бяху на ярость. Священ-

ницы же снемъше ю отъ земли отрыцать не преставша, донелѣ же аки отъ сна нача мало приходити въ себѣ. Егда же вопрошаема бѣ: откуду сицевымъ недухомъ пораженна бысть, — яви, яко прежде во своемъ злочестии имѣ съ демоны своя волхвованія, «и сего ради нѣкимъ духомъ недуга убѣжденна быхъ, но сей остави мя нынѣ». И тако суетная сего злохитрства ничтоже возмогоша препяти, егда всѣ въ купель крещенія Господня радостнѣ течаху, повинуяся богодухновенному наставленію.

д. Не преста же неукротимый злохитрства искони коварникъ острѣйшая изобристи оружіе раба Антыхристова, лстиваго отрока Махометанова зловѣрія, никоего скверносвященствующа въ нихъ Абыза. Покусися ввесть въ сей Остяцкой родъ для прелщенія въ ихъ злочестіе махометанское, и первое вниде въ Бурейковы юрты, нача тамо нечестія своего сѣяти плевелы, идѣже благочестія благовонные начаша проростати крыны, наипаче же симъ ласкателствомъ начаша отвращати народъ отъ ново зачинающагося благочестія, прекладая законъ христіянскій народу сему зѣло тяжестію великою быти, жестокою инеудобъ носимою, яко возбраняеть многоженства, посты тяжчайшыя налагаеть; иногда воздержатися отъ мясъ; въ противъ же тѣлу показоваше въ своемъ злочестии многоженство: елико восхощеть, толико по закону ихъ же держати могуть, мясомъ лошадиннымъ и прочими невозбранно наслаждатися, яковою прелестію народъ зѣло преклоняху къ своему злочестію. Различная предлагая ласкателства, наипаче малое нѣкое премѣненіе древняго злочестія ихъ и усоединеніе зловѣрія махометанска, и ничтоже яко принять едино обрѣзаніе и Махомета священно почтити, иже и во ономъ вѣцы вся благая приуготовляеть: женъ прекрасныхъ и вся-

кимъ благолѣпіемъ почтенныхъ многое число всякому имѣти обѣща, яже будуть намъ и намъ, христіане же сего благополучія не имѣти муть, и прочыя иныя блядословяху. Народъ же сему пристрастенъ, зане зѣло женолюбивъ есть, внимаше предестемъ ихъ, а паипаче поощраше мнимымъ во ономъ вѣцѣ женъ благопрыятьствомъ, и начаша себѣ нарыцати бесурманы. И симъ прелщены воздвигоша клич, и возъярившейся народъ, похитивши луки, стрѣлы, копья, пищали, начаша стрѣляти, и (отъ нашихъ?) трехъ смертнѣ уязвиша и самаго въ проповѣди перваго въ чрево удари княжикъ исъ пищали; но Божия чудеснѣ соблюде десница, ибо пу(ля) вкругъ изрѣза токмо одежду и противу тогожъ мѣста хребта изыйде. И тако прочыя ины едва анѣ убѣгоша. Обаче нитоже усиѣ прелесть сего селѣплящая и помрачающая умы: идѣ же бо возсія свѣтъ истинный евангелский, иже обнови духомъ разума ихъ, тамо прелесть и злохитрство сего узнавше лжы проповѣдника, отъ предѣлъ изгнаша, вси же прысовокупишася крещенію и благочестію.

6. Всегда же постыжденъ и побѣжденъ, противникъ спасенія въ своемъ коварствѣ злобы и зависти вящше исполнися, пагубныя своя и паки простре сѣти. Временемъ нѣкимъ пловуще по великой рѣки Обы, сташа у брега и утвердиша крѣпцѣ судно. Работный же съ прочими видѣвше належащую тишыну, изыйдоша на брегъ нощнаго ради упокоенія. Часу убо третіяго нощи, егда всѣ на брегу успуша, въ суднѣ же оставшемся зъ священникомъ окончевающе вечерняя своя молоденія, абіе нача судно колебатися; егда же верхъ изыйдоша судна видѣти, что сія суть, тогда уяриша себѣ посредѣ волнъ. Внезапу же возшумѣ духъ буренъ, возмутися вѣтръ, яко судно волнами сѣмо и овамо носимо, мняшеся опро-

верженно быти, еже обычно на великой рѣки Обы ради зѣло жестокихъ волнъ бываеть. Мало же оставльшися въ суднѣ видяще себѣ немогущихъ помощи, зѣло ужасошася, и не хотяше взирати на страхъ и ужасъ приближающейся смерти, убѣжаша всѣ внутры судна. Проповѣди же учитель, преосвященный архіерей, оста съ единымъ служащымъ верхъ судна, несумѣнно надеженъ крѣпкаго Спасителя своего помощы и заступленія, дерзну неудобъ возносимо вознести мало вѣтрило, еже поемше вѣтръ вящше воздвиже и постави судно прямо на волнахъ. Оттуду же безъ кормчія понесе ко угодной и тишайшей пристани, идѣ же спасошася сего правленіемъ, его же море и вѣтры послушаютъ, зане и мѣсто обрѣтохомъ угодно; вѣтры и волны утишишася. Послѣди же получихомъ извѣстіе отъ новокрещенныхъ иноземцовъ, яко оны въ самое сіе время вѣдиша по воздуху летѣвшаго огненална нѣкоего мужа вооруженна и копемъ въ судно учителя ударяющаго, восклицающа же: «Вторицею терплю ти; въ третіе же не потерплю».

8. Толикими убо бѣды и труды ревность учителя всегда утружденна бяше, аки кораблю волнуяся, противными вѣтры дыханій сѣмо и овамо носимъ, обаче къ своему течаше предиуставленію. Тако и ревность учителя сего (избѣжа?) бѣды волнуяся. Иногда старость, еже самый недугъ есть, жестокостію и остротою воздуха тамошнего поражаема бяше. Иногда многотруднымъ путешествіемъ изнемагаше, иногда смущенія исполненна ужаса противниковъ ярость устрашаше. Обаче не устрашися, ниже изнеможе непреодолѣнна ревность, но до сего всегда течаше намѣренія, донелѣже сіе обрете доброе пристанище, идѣ же по небезвѣдномъ плаваніи вѣнчася трудъ его искаемымъ благополучіи удостои бо ся въ семъ

году толикія благодати з помощію Вышняго, яко три тисячы пять сотъ душъ крестишася и наполнися Иртишъ, Объ и прочія протоки благодати Вышнего, яко бысть имъ просвѣщатися и освѣщатися свыше Духомъ Господнимъ, и самые же небеса чудеснымъ нѣкимъ присутствоваша крещенію ихъ благодѣяніемъ. Многоразличнымъ бо временемъ по различныхъ мѣстцахъ множество крестишася, но нигдѣ же не бысть безъ дождевнаго лиянія, аки бы самые небеса на омытіе скверны идолскія помоществоваху иногда настоящой тишинѣ, сияющу солнцу противо мняшеся быть дождъ; егда же начынашеся крещеніе, тогда нечаянно и хлябы небеса отверзостася благопрыятнымъ дождя лиянемъ, являя симъ угасити гнѣвъ и ярость Вышняго, раздеженную кумирослуженіемъ. Окончевая убо зимного ради надходящого времени плаваніе и труды своя, проповѣдникъ и учитель удоволившы благополучемъ, остави вся протоки сія толь благодати Вышнаго наполненны, яко что бяше иногда мерзостна кумирослуженія осквернены, нынѣ осняемы свышше благодатію удостоившася быти омытіемъ скверны идолской, купелію же спасенія человѣческого, наипаче же множайшымъ бысть купель спасенія великая рѣка Объ, о ней же достойно приличествуетъ рытми написаніе:

Море когдась Еѳреомъ спасеніе въ пути
Бысть, но въ томъ же спасающымъ згибъ Фараовъ люты.
Такъ сладка Объ бысть моремъ люту Фараону,
Языкомъ спасеніе и путь до Сіону.
Змиевъ же всякаи волою ся славу,
Юже престолъ господство гордящуся славу
Возвесли въ языцѣхъ, но тей возвесеный
Сокрушы Объ возняли народъ свобожденный.
Воспѣть благословенны обскіе суть вольны
Плѣненныхъ врагомъ роды свобождаютъ вольны.

ГЛАВА 8.

О крещении Вакуличъ въ року ҂ѧѱдг҃.

Народъ сей Вагулскій начынаетъ селеніе свое надъ рѣкою нарыцаемою Тура, обдержыть же селеніемъ своимъ и вершыны Тавды рѣки. Множество же вящшое сего народа сѣде надъ рѣкою Кондою, идѣ же и княжыка своего имѣють и вящшымъ сіи сего повиновеніемъ, неже Остяки своихъ княжыковъ почытають. Жытелствующіи же на Тавдѣ и Кондѣ прилежать присудомъ въ градъ Пелкмъ и настоящымъ тамо правителствуються комендатомъ. Имѣють же предѣлы своя различно: яже на Тавдѣ и Туры — имѣють съ Татары, отъ нихъ же навыкоша сіи земледѣлію и упражняются зъ прылежаніемъ труда въ сѣянію и собранія плодовъ. А яже на Кондѣ рѣки жытелствують, сіи предѣлъ свой имѣють съ Остяки и питаются дивымъ зелемъ, звѣромъ, рыбою. Помоществуеть же скудному препитанію ихъ Конда рѣка изобиліемъ дывыхъ овощей, ягодъ брусники и рыбы довольствомъ; произходить зподъ камене Верхотурского и впадаеть въ Иртишъ, юже обходять бреги зѣло прекрасными лѣсами и пажытнымъ ку препитанію скота мѣстцами; зрятся же и хлѣбородныя

нѣкія мѣста, зане нѣцыи отъ Вагуличъ ячмѣнъ и овесъ сѣють и собпрають преисполненнымъ изобиліемъ, пры исходѣ же въ Иртишы, идѣ же и предѣлы своя Вагуличы съ Остяки имѣють.

к҃. Народъ сей разньствуеть языконарѣчіемъ; обычаи же своими единонравенъ во всемъ со Остяки и обхожденіи со оными. Такожде бо ниже иисмены каковыя имѣють, ниже гражданскія обычая, ниже коего художества, рукодѣліе, но обще едынъ жытія промыслъ, ловленіе рыбъ, птицъ и стрѣляніе звѣра. Обаче же подобнѣйшыи красоты человѣческой, неже Остякъ, крѣпчайшый і далеко мужественнѣйшый, и не повреждени такою язвою, яко Остаки; не тако же многолюденъ, яко Остяцкій народъ, ему же не толико обычаи подобенъ, но и злочестіемъ своимъ единонравенъ.

г҃. Единое бо сихъ богомерзкое кумирослуженіе и единако различное многобожіе, таяжде бо бездушныя почытаютъ истуканы, покланяющеся древу, въ подобіе человѣческое изсѣченну; копію нѣкоему, прочыимъ же, и подобія неимущымъ, покланяхуся древомъ; и таково единомысленнѣ сочета сихъ злочестіе. Въ сихъ обычаяхъ въ приношеніи скверныхъ жертвъ яко ни мало разнствія зрыться во всемъ почытаніи богомерзского многобожыя ихъ, сего ради ничтоже особнѣйшого обрѣтохомъ писать. Толико мало что извѣстимъ о особнѣйшыхъ идолахъ.

д҃. Въ чорныхъ юртахъ, нѣсколико попрыщъ отъ града Пелыма, боготвораху едино копіе, къ нему же малое нѣкое каменіе прывязано бысть, еже имѣяху за настоящаго идола, древностію отъ старыйшынъ своихъ почытаемое, ихъ же послѣдствуя тмѣ и слѣпотѣ прародителей своихъ ревнуя зѣло почытаху, въ немъ же нѣкія хитроковарныя мечты дѣй-

стнемъ сатанинымъ творыма бываху. Егда бо въ жертву сего скверную прыведется скоть каковъ, обычно же лошадъ, тогда жрецъ единою толико рукою вознесши копе сие легко полагаеть на хребетъ скота, и аще крѣпчайшый будеть, паде на колѣнѣ, и нѣкоею невидимою тяжестію томленно бываеть, даже до поту, стеня, доселе возстать и исправиться не може, донели же само копія облегчевается: и жрець е и паки воспрыемлеть. Зловѣрыемъ же своимъ мнятъ, яко сей ихъ боготворымый въ семъ копи духъ утѣшается прыношешемъ благоугодной жертвы. Аще же и не будеть скоту прыведшому на жертву нанесенныя тягости, не прыемлють въ прыношение жертвы, яко сему боготворымому адскому иркану нѣсть прыятна.

ε. Близъ Пелима, яко разстояшемъ попрыще, едино бысть древо листвичное, никакого подобія не имущое растомо: се такожде отъ древнихъ своихъ праотцевъ обыкоша боготворыть, и ничтоже тамо бысть, яко едина кумирня и то древо, на немъ же толико бяше навѣшано кожъ лошадынныхъ отъ многочысленного прыношеня скверныхъ жертвъ, яко удивитися древу сему толико сдержащому тяготу, многочысленное бо кожъ множество на немъ бысть. Аще же и дебело бѣ, обаче отъ всегдашния крове проливаемыя и огнепаленія неусхне, ниже толико въ кожахъ безчысленно гнѣздящимся не истлѣ червемъ.

ϛ. Недалече отъ сего древа, яко тры попрыща, бѣ кумирня, въ ней же обрѣтохомъ пять идоловъ дрезяныхъ, въ подобіе человѣческое изсѣченныхъ, обложенны рубищами; на единомъ же отъ нихъ, иже на первоначаліи поставленъ, повѣшена бѣ кость птицы нѣкія—грудь на главѣ; предъ иными же особь предъ кождымъ въ сосудехъ берестяныхъ костя

положены. Около же оныя главныя кумирни малыя нѣкія кумирницы, четвероугольнѣ поставленна бяху на столпѣхъ высочае отъ земли яко трома лактій; всякъ же столпы въ верху изсѣченъ въ подобіе человѣче. Въ сихъ зложены бяху орудія до убіенія скота: коне, стрѣла и прочая. Особъ же еще бысть малая кумирня, въ ней же множество костей съхраняемо бысть. Егда же вопрошаема бѣ вина отъ нихъ, чесобы толико собраніе костей соблюдаемо бѣ, простоумнѣйшыи отъ нихъ невѣжы отвѣтствоваху аки бы въ нужномъ и скудномъ случаи блюдомо и уготовляемо въ снѣдь шайтаномъ, си есть идоломъ. Такимъ бо я именемъ по своему языку обыкоша нарыцати. Остроумнѣйшия же отъ нихъ, противо естественнаго ума, древу истукану бездушному употребляетъ пицы, глаголютъ, яко чести и достоинства сего удостоишася быти приносима въ жертву, не достойно честная пометати, но соблюдати.

3. Первоначалный же иже въ Кондѣ идолъ по ихъ злоѣрию зѣло много почитаемъ бяше. Отъ далечайшой бо волости въ приношеніе скверныхъ жертвъ прихождаху, каковымъ же сей подобіемъ или сей ли есть иже отъ Остяковъ въ Конду принесенъ, или каковъ древній Вагулицкій — безвѣстно есть, зане самымъ вѣдити не случися; повѣствуется же отъ нихъ обще, яко никто же отъ нихъ тамо самыхъ въ скверное капище входити дерзаетъ, ниже княжыкъ ихъ, толико еденъ нѣкій жрецъ входитъ. Баснословятъ же и се, яко и гласъ вѣщенія, аки бы дѣтища, слышать, наипаче же егда каковыхъ жертвъ требуетъ. Почитаютъ же сего великою честію, имѣютъ предстоящыхъ кумирницы двоихъ стражей, одѣянныхъ одеждою червленною, имущихъ копе въ руци украшенное. Сія же утвары общимъ иждивеніемъ устрояютъ

и въ общомъ полагаютъ хранилицы, и тогда употребляютъ, егда предстоитъ кумирницы: мнятъ бо, яко въ ветхомъ и нечистомъ одѣяни не подобаше предстояти, зловѣруя, яко мерзостная скверность сего чистоты любителница естъ. Множайшая же баснословія о семъ пренебрегохомъ (*зане сами не самовидцы, глаголемая же не всяко достовѣрно прыемлется о семъ*).

й. Множайшыя идолы безчысленны бяху въ Кондѣ; но нѣкимъ Божимъ предиустроеніемъ многія сожженны и сокрушенны отъ рукъ твордовъ и служытелей своихъ, еже бысть сице. Не удостигоша тамо нозѣ благовѣствующаго спасеніе проповѣдника, яко предвары свышше Божіе предиустроение, правы сътворыти стези текти къ скорѣйшому спасенію человѣческому. Кондыйскія княжикъ, названіемъ Сатика, иже тамо правительствуетъ подручными себѣ жытелствующыми надъ Кондою, ему же съ послушаніемъ отчасти повинуются, зане наслѣдіе отъ племене преждних Кондійскихъ княжиковъ естъ. Сей имѣ два сыны, и по естественной родителской любве вѣло отрочатъ сихъ любляше. Случаемъ же нѣкимъ, а вящше Божимъ предвидѣніемъ разболѣстася; отецъ же печаленъ о болѣзни сихъ преда себе заступленію кумировъ, наипаче же вѣры себе шаймаичыкомъ, си естъ волшебникомъ, иже и служытелемъ въ приношение жертвъ бывають, моля помоществованія ихъ, сихъ же усты лстивыя назнаменаша нѣкимъ идоломъ прынесть жертву, обнадежуя несумнѣно благополучемъ здравія сыномъ его. Въ время убо приношенія скверныхъ жертвъ, или скоро по прыношению, оба чада умроста. Сей же исполненъ тяжчайшыя жалости, наипаче же лестію обольщенъ, прыемъ секѣру и сокрушы многія идолы; прыближыся же самъ свышше устроеннымъ намиреніемъ къ

первоначалному своему кумиру, и егда хотяше сокрушыть, отъ народа молимъ бысть, и нѣкимъ мздовоздоянiемъ утолимъ, остави сего, иная же сожже огнемъ предя очищая путь благовѣствованiю, самъ же княжыкъ пребысть досели въ сумнѣнiи зловѣрiя своего.

А. Егда же предвидѣнiе Божiе тако устрои путь благовѣствованiю, и новѣ проповѣдника не отягченны, ниже запинаемы нѣкими недостаточествы, аки крили упиренни, не закоспѣша нимало, но первие сотворши стези поспѣшиша, презирая трудъ и безвремение. Уже бо начынашеся и безпутие, обаче поспѣшествомъ Всевышнего нача путь свой къ Нелиму проповѣдникъ февруарiя въ кА. Благодатию же Всевышнего предводителствуемою и поспѣшествуемою добрѣ получы на пути знамение. Въ пустомъ бо нѣгде мѣстци далекимъ разстоянiемъ отъ людскаго селенiя, наипаче же отъ церкве, жена христианина роды двоику чадъ, юже мужъ оставлши бѣжа снискать священника присовокупить крещенiю ихъ. Но замедленiемъ своимъ нанссе усомнѣватися ей скоро прышествiя онаго. Надлежащимъ же тамо прылежаше мимо ити посланному проповѣды учытелю преосвященному архиерею, его же мимо градуща увѣдивши жена, яко архиерей есть, ужасомъ же одержыма, зане замедленiе мужа и немощъ чадъ наносять ей сумнѣнiе, да рожденныхъ отъ чреслъ своихъ не лишыть лона Авраамля, дерзну воплить и молить послѣдствующыхъ, да умолять архиерея прыять трудъ ввесть та чада въ купель крещенiя. Архиерей же слыша, немедленно повели уготовать купель крещенiя и окрести та младенци, предпоставляя себѣ благополучному се знаменiю, яко двоица сихъ чадъ предзнаменiе естъ двоихъ родовъ: Остацкого і Вагулского быти окрещеннымъ, иже трудолюбѣ тщится да

свободить отъ работы идолской за едино и усыновить Восточной Православной Церкви Божой.

ї. Послѣдствова же знаменю сему всицю дѣло, мало бо оттуду прешедше приде никто отъ Вагуличъ, именемъ вагуцскимъ Ляля, не услыша проповѣди Евангельской (*яко извистися истинны спасенія*), той самъ нача молити крещеніи и зо всимъ хомомъ крестися. Сіе убо благоприятно прыемши первопачаніе, достигохомъ даже до Пелыма града, идѣ же сия страна Вагулская присудомъ прилежить и правителствуется тамо пребывающымъ комендантомъ. Градъ же сей прылежить прямо къ сѣверу; положенъ надъ рѣкою Тавдою, а по другой странѣ Пелымка, отъ ися же и названіе воспрыять Пелымъ. И сей есть средствіемъ нѣкимъ между волостми вагулицкими.

ѡ. Въ семъ аки средствіи нѣкомъ проповѣдникъ и учитель обычнымъ себѣ путемъ нача вводити проповѣды благочестія, и якоже прежде въ Остяцкомъ народѣ, въ всемъ самъ единонравномъ, добрѣ искусивыйся вѣсть угодно и удобное съ ними обхожденіе. Первое нача искорепять твердь нечестія богомерзскія идолы, и вся сокрушы и сожже въ подгородныхъ волостехъ, гдѣ толико бяху идолы, въ Конду же благоизволилъ послать отъ себе, желая прывесть княжыка до проповѣды Евангелской; но сей запять бѣ нѣкоими коварствы исконн благъ ненавѣстника, самъ не прыйде, и своего прежде воспоминаемого настоящого соблюде кумира. Не возможно же бѣ самому проповѣды учителю тамо въ Конду поспѣшать, зане не хотяше оставити сихъ, иже въ градѣ поучахуся проповѣдию Евангелскою; нѣцыи бо лишышася тмы кумирослуженія и просвѣщахуся свѣтомъ истынны Евангелской. Прыйде бо никто старыйшына ихъ сотникъ волости

Вагляпской, но сей ни мало противяся проповѣди вождели крещения и самъ о своемъ прединамирении возвѣсти. Егда бо, рече, изыйдохъ изъ дому моего, се положихъ въ сердцѣ моемъ повелѣнному повинутися и прысовокупитися крещению, и сей начало бѣ крещения въ градѣ, и первоначалемъ симъ прочии начаша прыходить къ крещению.

ві. Текущей убо проповѣди пространно, сотворыша немалое препятие ревнители злочестія, четыры знаменитые волостей сихъ мужы, иже всихъ возмутиша и препяша путь спасения. Всѣ бо отвратишася отъ проповѣди учытеля, но сей умножая умножылъ трудъ проповѣди и ученя и вседневнымъ поученемъ нача изяснять заблуждение ихъ, предлогая быти се противо естественнаго ума — боготворыти руку дѣлъ своихъ и поклапятися утворенному отъ себе древу или камению бездушну и нѣмому. Обаче ярость народа сего по подобию змину затыкающы уши своя, яко аспиды глухии, не толико вынимаше ученю, но ниже слышати хотяше, зане старыну свою любить и древному прыстрастенъ злочестю: легчае бо оставить жытие свое, ниже лишытись древного злочестія своего, уставленного прародителями своими. Прыложиша симъ немало печалныхъ трудовъ учытелю, зане ревность благочестія возбуждаше неусыпные труды, жалость же толико погибающаго народа непрестанно возбуждаше печалѣ, и скорбия сими продолжиша не малое время противоборущіяся, яко уже усомнѣватися и унывати. Близъ бѣ время, к мнящеся быти трудолюбное тщание увѣнчать печалию обнощь всю трудихомся, ничесо же яхомъ; но сей, его же судбы бездна многа, имъ же вѣсть судбами спасати родъ человѣческия, нечаяннымъ благополучіемъ увѣнча трудъ благовѣствующаго учытеля.

Въ день 31 марта, въ онъ же случися праздновать Алексѣя человѣка Божого, проповѣды же учитель малое свое собраше вѣрныхъ новопросвѣщенныхъ же крещеніемъ введше въ церковъ поучы благочестію и удостои причаститися таинъ Божественныхъ; печаленъ же бѣ, яко толикаго подъемшаго труда своего мало желаемыхъ видяше благополучія; но скоро Вышнего правленіе облегчы печаль сію. Исходящи убо изъ церкви, нечаянно Тахтанская волость вящше двухъ сотъ человѣкъ прытекоста къ дверемъ церковнымъ, и падше предъ лицемъ проповѣды учителя молиху крещенія, тогда толико наченше сему желаемому радоватися благополучію. Другія благопрыятнѣйшая прыйдоша видѣнія, яко тыи прежде воспоминаемые четыры столпы нечестія, злѣ ревнители и противоборцы преклонишася къ благочестію. Десница бо Господня окамененную сердца сихъ злобу, ярость искорени и водрузи тамо милость и смиреномудріе, яко единомысленнѣ зъ прочыйми пріемше проповѣдника ученіе повинушася божественному наставленію. Зъ премногимъ убо торжественнымъ благодареніемъ воспріемше сихъ, поучы я, и яко въ своемъ зловѣріи бяху злѣ ревнители, тако послѣди усердныи благочестія явишася подражатели. Мнози бо съ оными крестишася вящше четыриста душъ отъ разныхъ волостей, въ остальныя же селенія пославши священниковъ для крещенія женъ и чадъ сихъ и прочыихъ оставльшихся. Проповѣды же учитель оставилъ зде правителей и учителей благочестія новопросвѣщенному народу, самъ возвратися в Пелиму, зане время належащое поспѣшати и паки въ Остяцкую страну.

гі. Правящу же путь сей непразденъ, но селеніями ихъ вагулицкими проходя, таяжде проповѣди ученія не престая сѣяти и многъ плодъ прынесе Церкви Божой, ей же мно-

путемъ отиде въ обитель Туменскую, собрашася яростію бѣсовскою возмущенны, съ убійственною рукою сихъ на мимо селенія ихъ грядущыхъ посланниковъ нападоша, чающе быти зде самого учителя, но сего не обрѣтше, посланныхъ же погубити не возмогоша, зане мнози послѣдствоваху отъ Вагуличъ, желающіи креститися, ихъ же нашедше убоявшеся убѣжаша. Архиерей же, увѣда о семъ, моляше гражданскаго правосудія допросить княжька сего, чесо ради съ убійственною рукою найде на посланныхъ его, иже не къ нему бяху посланы.

15. Егда же взятъ сей бѣ до властей гражданскаго правосудія, онъ близъ бѣ своея достойныя казни, отъ какой не свободися, аще бы не паки путь свой въ Остяцкую страну проповѣди учитель воспріялъ, и сего з собою поятъ княжька, не тако наказанія ради, яко да поучитъ его проповѣдію благочестія. Немного же держася сей тмы зловѣрія Махометапова, нача просвѣщатися ученіемъ проповѣди, прыятъ крещеніе. По крещеніи же отпущенъ въ Тобольскъ, идѣ же прыятъ его правителствующій престоломъ митрополіи Сибірской преосвященнѣйшій архіерей Іоанъ, тожде усердный и трудолюбивый благочестія искатель, учреди щедролюбивою десницею своею, отправи княжька до волостей его съ священникомъ для поученія благочестія, идѣ же крестивъ отъ Махометапова злочестія болше трохъ сотъ душъ, и тако злочестіе Махометаново, къ нему же не упосланъ проповѣди учитель, нача искоренятися, Господу впреды поспѣшествующу.

ГЛАВА 3.

О крещении и паки Остяковъ въ року ҂ѱді҃.

а. Егда убо плодъ трудовъ учителя собранія вѣрныхъ проповѣдію его день отъ дне умножашеся, обаче непрестанное желаніе неусыпающыя мысли понуждаше и паки старостію изнемогающою посѣтити паству свою, наипаче же язвы сія принуждаху его принити путь шествіе въ глубочайшое страны ихъ селение: первое, яко еще оставшися нѣцыи въ своемъ зловѣріи укрывахуся при исходѣ Обскомъ, близъ самого Лдистого окіяна; нѣцыи же по различныхъ дальнего селенія протокахъ путемъ развращеннымъ и заблужденнымъ уклонялхуся одъ проповѣди Евангелской. Второе, яко уже паству, толикими труды собранную, начаша волцы и хищницы зловѣрія Махометанска входити, и простый сей народъ, не утвержденный въ благочестіи, зѣло начаху развращать, различными прелестми смущающе сердца, невѣріе предлагая, яко вѣра ихъ толикою содержитъ силу, что и въ ономъ вѣцѣ различными сластьми житейскими и множествомъ наслаждатися будутъ, чесому народъ издревле пристрастенъ и вѣроятенъ баснемъ симъ вѣру емлаше, зане и по древномъ мнѣніи

ГЛАВА 3.

О крещении и паки Остяковъ въ рону ауди-ю.

4. Егда убо плодъ трудовъ учителя собранія вѣрныхъ проповѣдію его день отъ дне умножашеся, обаче непрестанное желаніе неусыпающыя мысли понуждаше и паки старостію изнемогающою посѣтити паству свою, наипаче же вины сия принуждаху его приняти путь шествіе въ глубочайшое страны ихъ селеніе: первое, яко еще оставшися нѣцыи въ своемъ зловѣріи укрывахуся при исходѣ Обскомъ, близъ самого Лдистого океана; нѣцыи же по различныхъ далнего селенія протокахъ путемъ развращеннымъ и заблужденнымъ уклоняхуся одъ проповѣди Евангелской. Второе, яко уже паству, толикими труды собранную, начаша волцы и хищницы зловѣрія Махометанска входити, и простый сей народъ, не утвержденный въ благочестіи, зѣло начаху развращать, различными прелестми смущающе сердца, невѣріе предлагая, яко вѣра ихъ толикою содержитъ силу, что и въ ономъ вѣцѣ различными сластьми житейскими и множествомъ наслаждатися будутъ, чесому народъ издревле пристрастенъ и вѣроятенъ баснемъ симъ вѣру емляше, зане и по древномъ мнѣніи

идолопоклоннического зловѣрія жытейскихъ сластей и въ оно́мъ вѣцѣ мнятъ быть блаженство; сихъ убо изгнанія ради, оставившыхъ же идолопоклонниковъ въ познаніе истиннаго Господа и въ едино собраніе вѣрпыхъ присовокупленія воспріять путь свой.

к҃. Наченше убо благополучнѣ путь свой з Тоболска юня к҃і тихимъ плаваніемъ, достигохомъ въ трохъ днехъ селенія остяцкого, юртъ нарыцаемыхъ Бурейковы, ихъ же нѣкіихъ ради прежде прешедшыми временами не бысть проповѣди Евангелской і въ своемъ доселѣ пребываше въ зловѣрыи. Прежде же пришествія учителя упреди сатана предитечи своими рабы антыхрыстовыми злочестія и буесловія Махометановы учытели. Абызъ бо нѣкій прежде нисколико дней упреди нозѣ благовѣствующого, мниться быть яко духъ бѣсовскій толь скоро носимый поспѣши тамо и къ своему тако весь народъ преклони злочестію, яко не толико внимати ученію проповѣды Евангелской, но ниже гласа о семъ слышати хотяху. Егда же понуждашеся проповѣди учытель благовѣствованія своего испустить гласъ, тако бяху яко аспиды глухия затыкающе ушеса своя и въ едину совокупишася юрту, ни сами отъ юрты исхождаху, ниже къ себѣ внійти кому отъ нашыхъ попущаху.

г҃. Многажды же учытель о семъ трудися посланными своими понудити я изыйти ку проповѣди Евангелской, обаче ничтоже успѣ. Языкъ бо лстивъ, орудіе діяволское, прежде воспоминаемый абызъ поостры ихъ ярость и возбуди на убійство, яко воскочыша толикою яростію и посланныя начаша первіи убійствомъ прогонити и язвити, тоже устремишася же и на самый дощаникъ, отъ него же самъ изыйдый къ нимъ проповѣды учытель и воздвигше руци своя, тихо-

мирно моляше я престати отъ неповиннаго убійства; обаче дерзости и крове исполненными руцѣ ихъ не преставша язвить и язвиша отъ нашыхъ единого въ главу и ногу стрѣлами, такожде и другого добронравного юношу келейника его, Павла нарыцаемаго, сквозѣ стрѣла въ плещы его пронзе; такожде изъ пищали единому руцы пробиша, тогда всѣ отъ нашыхъ праздны руцы имѣюще убѣгоша у дошаникъ, самого оставляше на брегу проповѣди учителя; обаче ослѣпленный яростію народъ не устыдися святителского лица, ни противо себе бурящася, но нѣкто отъ нихъ начальствующій, названемъ Уршанко, изъ пищали удари на самого проповѣди учителя и улучы прямо чрево: всѣмъ убо дивитися, но бысть се како отъ обоихъ странъ оружіе пройде одежду, его самого же нимало вреди: десницею Вышняго соблюдаемъ; отгнавше убо учителя спасенія, наставниковъ погибели злочестія Махометапова учителемъ абызомъ повинушася и воспрыяша бѣсурманское злочестіе.

д. Острое убо копарства дяволскаго орудія, жестокая сихъ ярость не препя пути учителю, и аще воста брань на него, не устрашися уповая крѣпкому Спасителя своего заступленію въ далечайшыя отсюду селенія ихъ посѣшы, идѣ же много собранного народа, крещеніемъ просвѣщеннаго, въ стрѣтеніе учителю исхождаху, и яко чада сего духомъ рожденная благодатію ученія его воспитанна, неизрѣченною прилѣтствуваху любовію. Учитель въ благочестіи утвержденныхъ поучаше я гражданства, каковаго прежде всяческій Остяцкой родъ бяше чуждъ; такожде всякого добронравія христіянскаго обучаше, злыя все и скверныя идолопоклонического обычая искореняше. Наипаче се, яко бяше имъ обычай не по возрастѣ, ниже по достоинству лѣтъ имать себѣ въ су-

пружество жены: дѣтища убо семи-осми лѣтъ, мужу сущу двадесятъ и тридесятъ лѣтъ, емлютъ въ супружество и сочетовахуся беззаконно; искоренняше имъ се злонравие и обучаше христіанскимъ обычаемъ, ученіе же его сему простому и всякихъ гражданскихъ обычаевъ чуждему прежде народу бысть зѣло многополезное.

6. Умножающейся убо благодати Вышняго, по себѣ плоды вѣры и христолюбиваго благочестія, моляху бо учителя подать имъ наставниковъ спасенія, дабы всегдашнимъ тамо пребывашемъ священницы поучали благочестію. Такожде о созиданіе церквей Божихъ всеусерднѣ моляху. Желанію же сихъ изобилное подалъ благополучіе губернаторъ Сибѣри, князь Матвѣй Петровичъ: егда по доношенію и усердномъ учителя моленіи по достойныхъ мѣстцахъ, идѣ же множайшое народа собранія селеніяхъ устроиша церкви Божіи — въ Прохоровской волости, въ Островѣ, идѣ же прежде многославимаго скверного идола капище бяше, нынѣ церкви Божія въ имя Святыя Троицы; такожде въ Сухоруковскихъ юртахъ, въ Маломъ Атламѣ, иныи же, иже прысѣдятъ рускихъ жителей селеніямъ, сихъ присовокупиша церквамъ Божіимъ и поручиша учителемъ церковнымъ, и тако утвердивши славы Господней умноженіе, воспрыяша путь свой, идѣ же еще не бысть нозѣ благовѣствующихъ спасеніе.

5. Достигохомъ убо Каринкарскихъ юртъ и начеше проповѣдь спасенія учитель, яже благопріятна бысть многимъ, между ими же иже прыяша ученіе и возжадаху крещенія Господня, вожделѣ крещенія и шайтанчикъ сихъ, еже есть жрецъ, Явлакъ нарицаемый. Сей прежде имѣя съ діяволомъ волхованія обученіе, волшебствоваше. Егда же крестися, извѣсти намъ сіе чудесное, что прежде пришествія

проповѣды учителя союзникъ его, диаволъ, емши его мучаше надолѣ, и бияще его слыша гласъ: «Доселѣ быхъ съ тобою, нынѣ же мя отрынулъ; се егда извѣщеваше на мя свѣдѣтельствованная истинны знамения, являше на тѣлѣ своемъ и язвы». Сего же поучивши благочестію, учитель огради сего и воружы оружіемъ крестнымъ, его же сопротивный трепещетъ и трасется, не могши взирати на силу его.

3. Поспѣшествомъ же Вышнего достигохомъ и града Березова, иже удалися до Лдистого окіяна; въ нѣсколико убо днехъ з Березова достизаютъ исхода Обского въ Тасовую губу, о ней же прежде воспомянухомъ. Присидитъ же градъ сей реки Сосвы и естъ многонародныхъ селеній остяцкихъ средствие волостей; до сего же присуду мнози прилежатъ: Обдоръ, Сосва, Лапинъ, Кунопатъ и прочая властію тамошнихъ комендатовъ правительствуются, идѣ же мнози тамо въ градъ собрашася, приняша учеие и проповѣдъ Евангелскую, и купелію крещенія Господня просвѣтишася. По крещеніи же моляху учителя вѣцыи Сосвинской волостей, да молитвами своими помоществуетъ имъ отъ нападенія и коварства всякаго почитаемыхъ въ ыдолѣхъ духовъ нечистыхъ, зане прежде рекоша быхомъ порабощенна има, имѣяхомъ различныя коварныя о нихъ злобы. Учитель же утвердивши крѣпкою надеждою помощы въ томъ Спасителя своего, отпусти я съ миромъ.

4. Восприятъ зде проповѣды учителъ усердное свое желаніе достигнуты Обдорского селенія, и даже до самого Лдистого окіяну, но Господу лутше что прозрѣвшу инако воспятъ намѣреніе сего и обрати путь его и паки въ Тобольскъ, тамо же остави священниковъ, да вся обыйдутъ по протокахъ селенія ихъ и остальныя присовокуплять крещенію;

ихъ же множество крестиша и нечестивыя ихъ чтилища разоряху и сожыгаху. Прышедшу въ Тоболскъ, обрете зде въ Тоболску въ ужилищахъ прежде воспоминаемаго Уршанка зъ множествомъ своихъ единомысленниковъ, ихъ же власти гражданскаго правосудия слышасте о нападеніи его и толико много ранами уязвленныхъ, и его взяша до суду и наказанія гражданскаго. Обаче проповѣди учитель свободи его отъ узилищъ и взять съ собою въ обитель Туменскую и тамо его поучы благочестію, и крести его, тожде и прочыихъ подручнихъ единомысленниковъ его крестиша, и спасе всихъ не толико отъ належащой достойнѣ временнаго наказанія, но и вѣчныя погибели злочестія Махометанова.

Д҃. Зимнимъ же настоящымъ временемъ не замедли проповѣды своея учытель обрати путь свой въ Вагулскую страну къ граду Пелыму, идѣ же мнози усыновленныи крещеніемъ святымъ духовная его чада любовію стрѣтаху, ихъ же поучывше благочестію и всякимъ добронравнымъ христіянскимъ обычаемъ, основа же и церкви Божыя на нѣкіихъ достойнѣйшыхъ мѣстцахъ. Самъ же вверхъ по Турѣ и по прочыихъ протокахъ яже объемлеть селеніемъ своимъ Вагулицкій народъ, всихъ сихъ усынови купелію крещенія церкви Божой помощию Вышняго не толико сихъ языковъ, и Махометанского злочестія Татаръ, близъ града Опанчына обитавшыхъ отъ злочестия отврати. И бысть се яко отъ нечистого чисто, и отъ недостойного достойное произведе, зане удостои сихъ крещенія Господня. Обаче толико уже изнеможе трудами въ путшествіи семъ, яко мняшеся намъ быти близъ его сіе блаженство подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ, да дастмися винецъ.

Апок. к. Тимоѳ. Д

Глава И-я.

О крещении Вагуличовъ въ Кондѣ ҂аѱі году.

а. Аще убо и толикимымъ недугомъ одержимъ бысть, обаче всегда свишше укрѣпляемъ; ищущыи спасения человѣческого трудятся, недужуютъ, но не изнемагаютъ, окрѣпѣтаваютъ. паче текуть и не утрудятся; тако и сей учытель нашъ, лѣтнего дождавшыся времени, воспрыятъ и паки путьшествіе свое въ Конду водным плаваніемъ, о ней же прежде воспомянухомъ, нынѣ же о устіи ея или о исходѣ мало что извистимъ, наипаче яко намъ многотруденъ и всякому плавающому бысть.

в. Устіе ея толико, яко неудобъ зрѣніемъ, и многими воды розливашеся человѣческимъ досязатъ пристанища бреговъ: толико нѣкія островы являются, обаче вся сия мелка, яко нѣсть проходима суднами большыми, иногда противными вѣтры судно на мѣлкихъ сихъ мѣстцахъ сокрушаемо бываеть, до бреговъ же въ сию или въ оную страну неудобь достигнути мѣлкихъ ради мѣстъ. Исходъ же самыя Конды зѣло глыбокъ, покривается водами яко неудобно сего вѣдать, и съ

премногою трудностію провѣдуя сего выплываютъ отъ устия въ верхъ рѣки въ два дни. Сіе и наше бысть благополучіе въ плаваніи нашомъ. Егда же изыйдохомъ въ самую Конду, тогда зѣло красными, веселыми и пажытными мѣстцами бреги ея обходящия узрѣхомъ. Бысть же намъ въ проповѣди многомятежна и преизлишны наполни учителя трудовъ смущенія, зане зде діяволъ крѣпчайшое нечестія своего укрѣпилъ бяше гнѣздилище, егда бо отъ различныхъ протокъ закоснене въ своемъ невѣрыи кумиры свои зде укрываху, такожде и въ Обы, о немъ же прежде воспомянухомъ зде, унесенъ бяше, и посему всю лукавую силу свою хитрокозарныя лести смущенія зде вогнѣзди и утверди, и толь бѣ отъ всея страны Остяцкія почитаемый и славимый, яко не чаяхъ сего быти сокрушенна, но паче мняху яко хотящему его сокрушити чудесною нѣкою сопротивитися силою.

ѓ. Достигохомъ же сея тверды нечестія. Плавающимъ же намъ, егда близъ бѣхомъ жилищъ, идѣ же той скверны соблюдаемъ бяше истуканъ, извѣстихомся отъ многихъ, яко собрашеся многое множество вооруженныхъ, души своя хотяще положити при скверномъ сего капищу, ниже отступити своего злочестія. Учитель же проповѣди презирая сихъ множество: «Аще ополчиться на мя полкъ, не убоится сердце, и аще востанетъ, рече, на мя брань, на Господа уповаю» — немедленно поспѣши. Егда же достигохомъ жилищъ сихъ, нарицаемые юрты Нахрачеевы отъ имени начальствующаго тамо Нахрача Евплаева, иже есть начальникъ, державецъ и служитель скверного того истукана, узрѣхомъ множество предстоящого собранного народа, вся же си яростію взираху на ны; обаче и благопрыятство явиша намъ, яко въ началѣ не возбраниша оружіемъ ко брегу жилищъ своихъ пристати.

д҃. У пристани же изыдохомъ къ собранному народу и началнику ихъ Нахрачу Евпланеву и привѣтствовахомъ отъ лица проповѣды учителя всихъ сихъ мира, здравія и всякого благополучія желаніемъ. Обаче, презрѣвше сіе гражданство наше, отвѣщаша намъ: «Вѣмы вину пришествія вашего, яко ласкателствомъ своимъ хощете отвратити насъ отъ древнія вѣры нашея и отдревле почитаемого намы помощника разорить, сокрушить, но всуе трудистеся: здѣ всѣ главы наша положимъ, сего же сътворити вамъ не попустимъ».—И абіе всѣ единодушно отъидоста въ скверное чтилище кумира.

е҃. Кумиръ же сей изсѣченъ бѣ изъ древа, одѣянъ одеждою зеленою, злообразное лице бѣлымъ желѣзомъ обложено, на главѣ его лисица черная положена; чтилище все, наипаче же сѣдалище сего украшенно сукномъ чрезраннымъ; поставленъ же высочае прочыихъ; иныи же нижае около предстоять меншіи кумиры, ихъ же глаголюхъ быти служителей настоящого кумира. Иныхъ же утварей, кафтановъ, бѣлокъ и прочыихъ предъ нимъ полагаемо бысть много, его же злообразіе написася подробну въ лицехъ со всимъ его знаменіемъ постаняемъ, но каково страшилище сіе бѣсовское.

ѕ҃. Бездушная шкарадъ таковаго себѣ избра служителя прежде воспоминаемаго Нахрача Евпланева, иже злообразенъ, чернъ, горбъ на персехъ и на плещехъ имѣющъ. Обаче толь теплъ скверного своего бяше любитель кумира, яко неотступнѣ пребываше у сего. Моленіе же его чудесно. Гласъ тонцѣ испущаше, никакова нарѣчыя не знаменующъ, но якъ младъ телецъ рыкая, послѣди же мизканіемъ нѣкакимъ окончеваше, и тако пребывая въ чтилищи своемъ многократнѣ въ денъ той безстудное, а паче безумное сіе твораше моленіе.

ѕ҃. Не толико же онъ самъ, но и весь народъ, тамо собранный, зѣло почитаху сего сквернаго истукана, зане прославляху сего паче истукановъ древнѣйшаго, и отсюду немалую сему прычитоваху похвалу, яко во дни Ермака, егда покоры Сибѣръ подъ область росийскую, и отъ того идола налагаемыя Ярмакову повеленію даяху дани наслѣдіемъ отецъ и праотецъ своихъ; сей Нахрачъ державецъ бяше сего кумира, и отсюду паче иныхъ скудниковъ бѣдствующихъ единоравныхъ друговъ своихъ изобиліемъ и богатствомъ превознесеся, зане толико бяше сей нечестивый во всей Остяцкой странѣ почитаемый, яко Обскіе и прочыихъ протокъ шайтанчики, сі естъ служытеліе кумировъ, прихождаху къ сему державцу кумира и дарами умоляху, да въ ихъ селенія отпуститъ. Егда же удоволять дарами и отпуститъ имъ, тогда оны въ своихъ жылищахъ тщатся сквернымъ приношеніемъ жертвъ въ скудости ползоватися.

и҃. Предстоящимъ же намъ у пристанища не малое время, толь свѣрыпъ собранъ народъ і дивый бяше и чуждахуся, ниже къ намъ, ниже къ себѣ намъ приходити попущаху; обаче немалымъ временемъ навыкоша друголюбного сообщенія, обхожденія съ нами, начаша нѣцыи входити на судно учытеля; учытель же всякимъ благопрыятствомъ и любовію привлекаше къ себѣ, дабы угоднѣе возмоглъ къ нимъ начати проповѣдь; обаче, егда нача учити я отставить нечестивыя кумиры, не въ сладость бяше имъ, но горкимъ *воздыханіемъ отвѣтствоваху: «Не буди намъ се еже отринути сего кумира, толикою древностію отецъ и праотецъ нашихъ почитаемаго. Аще же і высокое повелѣніе царьское великаго Государя нашего есть вама кумири и чтилища наша разоряти, обаче молимъ васъ, наложите дань на сего, яко же во дни своя Ер-

макъ на годъ взимаше три рубля; нынѣ же умножимъ и четыри по вся годы давати, толико оставѣте сие повелѣние».—Учитель же воздохну отвѣтствоваше чрезъ толковника: «Горе вамъ, яко толико васъ сатана ослѣпи безуміемъ, что благодать, туне даемую вамъ, отмещите, погибель же вѣчную роду всему цѣною приобрѣсти возжелѣсте. Не ули сатана доселѣ удоволи себе погибелию душь отецъ и праотецъ вашихъ, егда толикими древними лѣты пренебрегли спасенья вашего и оставлены бысте погибшая тварь. Нынѣ же Господь призрѣ на васъ, и содержаяй въ руцѣ своей сердце Царево, понуди сего быти вамъ спасителемъ, положи бо на сердце его не дани сія мерзкія и безстудныя, но спасенія душь вашихъ искать. И нама не буди се безуміе внимать погибелную цѣну душь вашихъ, сія четыры рубля; души же ваши толикія драгости, яко кровию всея твари Творца и Господа нашего искупленны попускать погибели вѣчной не хощу».—Толикимъ бо ученіемъ просвѣщены, начаху усумнѣватися и ревность по нечестіи и аловѣріи ихъ нача умалятися.

6. Времени же мало мимошедшу, учителю всегдашнимъ ученіемъ понуждающу, начаху колѣбатися въ своемъ твердомъ нечестіи, прислаша ко учителю отъ среды своея искуснѣйшихъ старѣйшинъ въ совѣтъ, како и какими статіи приступить имѣютъ къ благочестію, яже толь безумія исполненна явишася, яко достойны бяху всѣми симъ посмѣятися миру. Начаша же сіе послание свое: «Повинуемся нынѣ (рече) указу и повелѣнію Государеву. Такожде, рече, учителю, и твоего не отметнемъ ученія, но толико молимъ васъ: первое, не отрините и нашего отъ толикихъ древнихъ лѣтъ отецъ и праотецъ нашихъ почитаемаго кумира, но и егда насъ крестити соизволяете, не пренебрезите и шайтана тоежде почитать

честію, окрестите сего крестомъ паче насъ честнѣйшимъ, златымъ; украсить потщимся и поставить убо церковь отъ своего имѣнія между іконами, по обычаю, и нашего посредѣ поставимъ. Второе, мясъ лошадиныхъ да не будетъ заповѣдаемо намъ вкушать, зане нѣсть толико въ мирѣ сладкаго яденія, пріятна бо толико намъ, яко житія нашего лишитись можемъ, ниже сего сладкоястія. Прочая же наипаче молимъ, не разлучати насъ съ многими жены нашими, ниже впреды намъ возбраняти многоженства, женъ же нашихъ отнюдъ не крестить вашимъ священникомъ, но сами мы окрестимъ койждо свою жену въ воду, и кресты наложимъ. Сія вся аще намъ позволено будетъ, воспріемлемъ единовѣріе и законъ вашь».

Г. Учитель же смиреніѣ пріемше посланіе сихъ, рече имъ: «Мужіе и старцы, егда воззрѣхъ на васъ, толикою сѣдиною почтенныхъ, мню васъ быти преисполненныхъ разума, но, увы, коль сатана посмѣяся вамъ и своими коварствы толь ослѣпи умы ваша, низведе въ безуміе: не яко бо старцы, исполненны разума, и мужіе, почтенныя честію сѣдины, но яко дѣтища младоумныя, баснословисте предлагаемая. Не ули можете познати тмы съ свѣтомъ раздѣленіе: раздѣли бо Богъ между тмою и свѣтомъ, тму нарече нощь, свѣтъ же нарече день, иже явѣ вамъ творити познати. Яко не бываетъ единокупно день и нощь и особнѣ день. Всякъ въ своей разнствуетъ славѣ; како убо вы за едино смѣшаете тму съ свѣтомъ, честное съ сквернымъ, богомерзкаго кумира сочтати вождѣлесте Богопочитаемымъ іконамъ, яже лица суть изображающія самого небесъ и земли Творца, тожде и служителей его і угодниковъ Божіихъ; вы же за едино злосообразіе сіе сатанино, слѣпотствующими умы вашими почитаемое, хочете причтати единоравной сихъ чести; глаголете же и крещеніемъ

очистить сію бездушную шкаредь. Но сіе неудобное и противодѣйствующое есть всякаго разуму: како бо нечювственное сіе древо, ниже видѣнія, ни слышанія, ни осязание имущое, таковой тайны удостоити: крещенію бо согласуетъ соизволеніе. О немъ же и васъ молю: не буди вамъ сердца окаменѣнныя и нечувственныя крещенія, но преклоните чувствія ваша воспріять тайну спасенія вашего, и аще хощете единовѣрны съ нами быти, повинуйтеся наставленію нашему и нашимъ христіанскимъ ученіямъ, ничто же сами вѣдуще: како бо и жены ваша сами крестити глаголете, не имѣюще на се данныя вамъ благодати: не мнѣте бо яко единою водою очищается, но дѣйствующая невидимо благодать Святаго Духа, нашимъ подаваемая смиреніемъ, васъ освящаетъ и просвѣщаетъ. Отверзѣте убо, возлюбленніи, вся ваша прекословныя басни, яже посмѣваяся сатана уму вашему сія наноситъ козни; примите, молю васъ, единовѣріе и единомысліе съ нами, да будете единоутробные намъ братія и сынове Церкви Божія».—Обаче симъ толикимъ ученіемъ не у повинушася, но паче свирѣпы отъидоста посланники къ собранію своему.

м. Пріемше убо извѣстіе отъ посланныхъ, собраніе безумныхъ зѣло возмутися и противостаста проповѣди ваше, убійствомъ дышуще на ны, начаша поносити намъ и укоряху, яко вси отчаяхомся спасенія ихъ. Обаче, учитель не сумнѣвашеся, глаголаше нѣкимъ Божіимъ предувидѣніемъ вскорѣ узрѣти ихъ въ купели крещенія, яже и сбысться. Настоящу убо дню праздничну равноапостолнаго князя Владимера, пріиде къ учителю некто отъ собранія сихъ, почитаемый у нихъ старѣйшина, именемъ Помжукъ, иже любезнѣ присѣдящи проповѣди учителя, возжела крещенія и нача

молити учителя сподобить его крещенія. Учитель пріемши сего, учреди всякимъ благопріятствомъ и отпусти его къ собранію, да сію пріемшую свышше благодать и прочіимъ явитъ и привлечетъ ко спасенію душь ихъ. Егда же изыде къ собранію, и начатъ ихъ укоряти безумными: «Почто вы противистеся повелѣнію Цареву и отрицаетеся христіянскія вѣры: вѣдите вѣдуще, яко за непослушаніе прогнѣвается Богъ и Государь, и послетъ воя і всѣхъ насъ истребитъ въ конецъ и земля наша пуста будетъ. Повелѣніе бо Царево страшно і непослушающимъ его смерти достойны».—За что начаша і его укоряти. Онъ же паки къ нимъ: «Доколѣ благодать сію, спасеніе душь нашихъ... и присѣдимъ погибели древнихъ отецъ нашихъ, ничтоже вѣдуще: азъ убо пріемлю повелѣніе Государя моего и сіе полезное ученіе учителя».—И сими словы аки мечемъ разсѣче сопряженный сей союзъ и стать всѣмъ противо проповѣди. Мнози бо внемше рекшому, начаша приступати до единомыслія съ нимъ; іныи же не хотяху, молву въ народѣ возмутиша; елины бо глаголаху пріять крещеніе, шайтана же своего сожечъ не подаютъ, но на особномъ гдѣ мѣстѣ бросить сего, и къ нему впредь не ходить и не покланятися, о чемъ и учителя понуждаху; иныи же весма не хотяху креститися. И бысть весь день и нощь молва и прѣніе. Дню же паки возсіявшу, возсія и благодать въ сердцахъ невѣрнаго рода, и отъ Сего, иже рече ученикомъ своимъ: миръ вамъ, и бысть миръ, уста прѣніе и молва, но тишайшею кротостію пріиде все собраніе къ учителю, рекше: «Сотвори съ нами, еже хощеши, и чтилища и кумиры яко хощеши разоряй».

ві. Изшедши же учитель къ собранному народу, поучи я доволно, и предготовльши ко крещенію, начаша отрицалныя

молитвы. Сатана же не преста козней своихъ, но избра себѣ орудіе, злообразную себѣ ипостась собранію Нахрача Евплаева, иже малъ, чернъ, худъ, горбъ на персехъ и на плещахъ, той бо рече: «Блюдитеся, друзи, сего, егда начнутъ васъ тязати, не примуйте сего, то бо есть волшебство христіянское; таже егда будутъ вамъ стрящи власы, то вырѣзовати мутъ изъ васъ души».—Егда начаша священницы елеомъ помазовати, абіе народъ возмутися і вси убѣгоша во своя жилища, и едва возмогохомъ собрати народъ паки. По всемъ же томъ, егда начахомъ крестити, народъ весь предстоящій побѣже въ воду и сами погружахуся глаголюще: «Клади на мене крестъ, я уже крещенъ».—Мы же едва моленіемъ изведохомъ изъ воды народъ и чиновнѣ начахомъ крестити, и благодатію Божіею крестишася вси. При кончинѣ же крещенія паки діаволъ возмути раба своего, онаго Евплова, иже вземъ жезлъ прибѣже къ рекѣ, начатъ народъ отъ крещенія отгоняти; народъ же устремися на него і возложиша руцѣ бюще его, и прогнаша даже до селени. Егда же крещеніе окончися, присла къ намъ Евпловъ оный сына своего, глаголя: «Аще самъ мене архиерей окреститъ, то и азъ приму крещеніе».—Се же слышавши, мы, аще і немоществовахомъ зѣло, но забывши немощи, скоро отъ ладіи изыдохомъ, і во уготованномъ мѣстѣ начахомъ отрицательныя молитвы. Егда же приде сіе слово: иждени изъ него всякъ лукавый і нечистый духъ, гнѣздящійся въ сердцы его,—абіе возтрепета аки бѣсный, и начатъ главу отъ знаменія крестнаго обращати сѣмо і онамо, и мало не паде на землю, і воскрыча нелѣпо, і исторжеся отъ рукъ и убѣжа. Емше же его, вопросихомъ вины; онъ же рече нама, яко страхъ найде на мя, и болѣзнь пронзе ми сердце; мы же рекохомъ, яко отверзи страхъ сей,

но вѣруй несумнѣнно, яко здравъ будеши і никакой не ощутиши болѣзни,—и едва умоляхомъ его паки предстати отрицанію, но обаче тожде сотвори, не стерпѣ осиненія креста Господня, и нача воплити, исторгши ножъ на ны рече, яко болѣзнь ми пронзаетъ утробу и сердце. Народъ же слышавши сіе устремися, мняще яко въ дѣйствіяхъ и словехъ сихъ нѣкая поражающая и убивающая сила есть, обаче нѣцыи, имъ же во отрицаніяхъ ничто же приключися, глаголаше къ нему: «Не бойся, ничтоже постраждеши».

гі. По крещеніи же всѣмъ преставиша трапезу, прочіихъ съ началникомъ ихъ умоли учитель внійти въ судно—вкусити съ собою трапезы, предъядяше имъ, и по трапезѣ рече къ нимъ учитель: «Яко подобаетъ вамъ истребить отъ жилищь вашихъ сего сквернаго істыкана, да не будетъ скверное посредѣ собранія вашего, уже вы чисти есте». Многая же о семъ наипаче бысть распря, и овіи глаголаху: «Ни, да занесенъ будетъ въ пуста мѣста і непроходна».—Многу же бывшу между ими несогласію, доспѣхомъ нощи и тма покры землю. Тогда еще всезлобная тма, діяволъ нѣкій, имѣя своихъ рачителей, научи коварства сицеваго: ідола самаго, о его же пряхуся съ нами много, да не сожженъ будетъ, украдше подставиша інаго, а украденнаго отнесоша въ далное мѣсто, надѣющеся, не будетъ ли время, въ неже могутъ паки на свое нечестіе возвратитись. Посемъ соизволиша отдати идола подставленнаго за кустодію нашу, толко моляху насъ: «Да не предъ нашими, рече, очима сожженъ будетъ».—Егда же приспѣ время уже сожещи его, единъ отъ нашихъ удари того идола, яко ему пасти; тогда паки бысть вопль і роптаніе много, яко и оружіе взяти на ны, глаголюще: «Почто тако безчестите и ругаете нашего бога»,—и едва народъ укротися и от-

ступи отъ кумирни, взятаго же идола слезными проводяху очима, и глаголаху: «Пойди, боже нашь, палъ еси въ руки Русаковъ немилостивыхъ».—И тако сѣдши въ ладію со идоломъ и за рѣку преплывше, огнемъ сожгоша, послѣди и кумирню разсориша. Благополучно отплывше оттуду, всюду крещеніемъ просвѣщахомъ, великихъ обрѣтахомъ, и доспѣхомъ юртъ Катышевыхъ. Тамо приде къ намъ посланникъ отъ ихъ князя Сатыги, аки съ моленіемъ просяще, да скорѣе спѣшимъ до ихъ собранія: уже бо, рече, всѣ собрахомся для крещенія. Вещію же самою присла разсмотрѣти, многолюдно ли къ нимъ идемъ. Той бо Сатыга, князецъ Кондійскій, вся своя собраху люди, человѣкъ до шести сотъ вооруженныхъ, подущеніемъ нѣкоего махометанина, пришедшаго отъ Тоболска і имъ глаголюща: «Азъ, рече, самъ видѣхъ царьское повелѣніе во градѣ прибито, въ немъ же Государь повелѣваетъ, кто убіетъ архиерея, не будетъ за то ему казни».—И тымъ возмути народъ и научи Сатыгу, еже хитростію нань подвизати і ненадежныхъ нападъ всѣхъ смерти предати. Но запиная Богъ лукавымъ въ коварствѣ и откры ту лесть ихъ. Нѣцыи бо Вагуличи отъ того же полчища къ намъ пришедше і видѣвше наше къ себѣ благодѣяніе тайно извѣстиша: «Блюдитеся, рече, сеи есть хитрость нашего князя: той бо всецѣло умысли напасти васъ нечаянно и предати смерти».—Тогда въ насъ духъ аще бодръ, но плоть немоществующи устрашенна, хотѣхомъ бѣжати во свояси. Обратихомся ко совѣту, что сотворити не вѣдуще. Нѣкіи же отъ нашихъ рече: «Аще начнемъ бѣжати, то і сіи, иже крестишася, востанутъ на ны и побіютъ насъ; но воли Божіей предавшеся впредь идохомъ, идѣ же князецъ Сатыга съ народомъ бяше».—Сатыга же слышавъ, яко небоязненно грядемъ къ нему, остави народъ

собранный, самъ бѣжа идолу своему принести жертву, помощи просяше отъ бѣса на свое ухищреніе. И егда приидохомъ, узрѣхомъ народъ многъ, иже сотвориша кличь і вопль многъ, злословяще насъ и страшаще своимъ княземъ, і въ день суботный, въ часъ обѣдный, приде князь съ помощію бѣсовскою, начатъ многоразличныя о насъ коварства строити, но Богъ вся намъ его хитрости чрезъ ихъ же людей открываше. И бысть то чрезъ три дни, і видѣ народъ, яко ничто же князь ихъ козньми своими успѣваетъ, воста на князя глаголющи народъ: «Ты, рече, бѣсишися и хощеши брань сотворити съ Государемъ, и самъ, рече, погибнеши и насъ погубиши».—І вси его оставляше бѣжаша. Послѣжде и князь убѣжа во свое жилище, мы же побѣдное воспѣвше, иже осташа, начахомъ поучати о крещеніи, и ни мало сопротивльшеся, елицы же обрѣтохомъ—крестихомъ, и еще далѣе поидохомъ.

УКАЗАТЕЛЬ

Абалакъ, сынъ Мара—20.
Абызъ—77, 94.
Агличанское государство—16.
Адеръ, сынъ Мара—20.
Азія—13, 14, 41.
Аленъ, сынъ царя Кучума—44.
Алачевъ, Остяцкій княжикъ—73.
Алексѣй, человѣкъ Божій (празднованіе дня памяти его)—89.
Арктикусъ—8.
Атлымъ (юрты)—75.
Аюкины степи—14.
Аюшъ (идолъ)—66.

Байкалъ, море—14.
Башкиры—19.
Бейбулатъ, князь сѣбирскій—21.
Березовъ—15, 23, 70, 73, 96.
Богъ рыбъ, см. Старыкъ Обскій.
Божки домашніе, см. Гусь, Кондійскій кумиръ и Старыкъ Обскій.
Босфорусъ—23.
Бояръ, княжикъ Остяцкій—22.
Брацкіе Мужики—13.
Бурейковы юрты—77, 93.
Бухарскіе предѣлы (страна) — 17; Бухарія—21.
Бѣлка—9, 15.
Бѣлогорскія юрты—58, 74.
Бѣлый мѣсяцъ, см. Февраль.

Вавилонъ—47.
Ваглинская волость—88.
Вакуличи см. Вогулской народъ.
Варка, избраннѣйшіе ястіе—34, 35.
Вдова, см. Метемпсихозисъ.
Верхотурской камень—81.
Взоры (узоры)—39, 66...
Владымеръ св.—73, 104.
Вогулской народъ, Вогуличи—5, 18, 23, 81, 82, 84, 86, 87, 97, 98, 198.
Возмущеніе инородцевъ противъ миссіонеровъ—88.
Волга—21.
Волшебство (officium)—48, 49, 64.
Воплощеніе, см. Сынъ Божій.
Восполскія юрты—74.

Гагарынъ (Гагаринъ), Матв. Петр. князь, первый губернаторъ Сибири—1; его гербъ—2, 68, 70, 74, 95.
Горностай—9, 15.
Горы, см. Каменныя горы.
Гусь (богъ птицъ водныхъ)—55, 57.

Дивыи языки—18.
Донъ—2.
Дорыпрыношеніе скверныхъ жертвъ—48.
Древеса изъ нѣдръ земли (камен. уголь)—16.
Древо лиственичное... обыкоша боготворить—83.

Евреи—80.
Европія—13, 14, 17.
Египетъ—69
Единоравенство Остяковъ—40.
Елены—24, 37.
Елины (Еллины)—47.
Ермакъ нѣкій, Тимофѣевъ сынъ—21, 22, 44, 101.
Етигеръ, князь сибирскій—21.
Ефтіопы—29.

Женскому полу никакихъ именъ не валагаютъ—30.
Житіе Остяковъ—29.
Жрецы—48.

Заемныя писанія—32.
Звѣробоя, зеліе (звѣробой)—17.
Земледѣліе—38.
Злато—15.
Знаменія вм. подписей—33.

Индія — 63; Индійская земля — 69; Индійскій родъ—54.

Идолъ Ковайскій... здѣсь много почитаемъ выше — 84... См. Ковайскій кумиръ.
Ирдуак — ?
Иртышъ —19, 20, 21, 22, 27, 45, 56, 70, 8.., 93.
Исходъ Обскій (устье Оби)—92, 96.
Ишимъ р.—19, 26.
Ишдек—29.
[illegible]
Іоаннъ, см. Максимовичъ.
Іоаннъ Васильевичъ, царь Московскій—22.
Іустиніанъ Великій—61.
Кабала женъ и дѣтей—32.
Казимскія юрты—74.
Калмыки—18, 19, 27, 63; Калмыцкій родъ—64.
Каменъ—42.
Каменныя горы—17.
Камень—27, 75.
Камчатская страна—14, 24.
Карамаарскіе юрты—95.
Катаевы юрты—108.
Кедри (кедры)—18.
[illegible]
Китайская земля—69, Китайск. родъ—64; Китайскія отѣмы—15; Китайское государство—14, 17, 41, 60, 62, 63.
Кіевопечерская чудотворная лавра—61, 68.
Кіевъ—73.
Кіятка (грамота)—53, 4...
Конанта Остяцкіе, прирѣчные—50.
Козійскій монастырь—72.
Коканы пилмія 31, 38.
Коевъ лѣвій—17.
Колякъ—43; см. Калмыкъ.
Комендати (коменданты)—40.
Конда, Кондя —23, 28, 55, 84, 85, 87, 88, 99.
Кондійскій кумиръ—55, 58, 59, 84.
Кочтанцевы степи—14.
Крещеніе Вогуличей, см. Вокулечи.
Копичскія юрты—90.
Кротъ (бобръ)—47.
Кумиръ Шарковскій—50.
Кумирня съ пятью идолами
Куносвать р.—23.
Куносвать—96.
Кургаиы—26; см. Ронина.
Кутугти—69 и сайдуюш.; см. Мунгальскій законоучитель.
Кучумъ Мартылевъ, изъ Казачей Орды, первый нареченъ царемъ Сибирскимъ—21.
Лавры (чиновники духовные)—62.
Лаодицкій владыка—60.
Лапинъ—23, 96.
Латинскія имена въ пермскомъ и рѣчи—27, 28.
Ледяный океанъ—92, 96.
Лисицы черныя—14.
Лелъ, пиего (пѣвцы) отъ Вогуличъ—8.
Магметъ, сынъ Адера—20.
Магнитъ—17.
Мансіи вѣтъ, Іоа[illegible] бывшій архіепископъ Тобольскій—1, 68, 72, 74, 79, 86, 91....
Малый Аткамъ—95; см. Сухорукованія юрты.
Мамонта, мамонта (звѣра) кости—15, 16, 17.
Мангазея—13.
Мансуръ, Иванъ (воевода)—45.
Марсарвз (черная лисица)—41.
Мара, сынъ Ходыны—20.
Марія, двѣнадцатилѣтняя дѣвица (чудо ея изъ по принесеніи)—98.
[illegible] изображеніе—17.
Махомеданс—..
Мединъ (отъ почитанія)—53.
Метемпсихозисъ у Остяковъ (странный же, безумія и безстыдія исполненный обычай...)—46, 62.
Москва градъ—16.
Московскіе государи—22.
Московское государство—41.
Москуса (мускуса)—17.
Мугаеки Бранніе; см. Бранніе Мугаеки.
Мукеунъ, рыба зарадная—34.
Мунгалы—51.
Мунгальскія степи—14. Мунгальскій владычествующій законоучитель и [illegible]—62.
Мунгалы—63.
Нальмъ рыба; см. Кожаны.
Нареченіе новорожденныхъ—30; см. Русскія имена.
Нарымъ—23.
Нахрачеемъ юрты—99.
Нахранъ Емеліанъ—98, 100 (его моленіе передъ истуканомъ), 101, 105.
Нелма (нѣльма), рыба—56.
Нерчинскъ градъ—14.
Нитки: отъ кровины бо лѣпила ли тростію истягаютъ нити—33.
[illegible]—19.
Новгородскій Григорій—1, 8.
Новгуліе—51.. 65.
Ноемъ потопъ—16.
Обдора—23.
Обдорское селеніе—96.
Обдоръ—15, 96.
Остяцкіе [illegible]
Обь (Ісъ) р — [illegible] 20, 22, 23, 27, 94, [illegible], 41, 45, 56, 57, 72, 78, 80, 99.

Оленальный мхъ (индѣйе)—79.
Одежда изъ рыбьей кожи, см. Нагерь.
Онидій—39.
Океанъ ледистый — 15, 17; см. Ледистый океанъ.
Ока, князь—19.
Окамчинъ градъ—97.
Остяки, аки бы Остяки—28.
Островъ—95; см. Прохоровская волость.
Остяцкая страна, Остяцкій народъ—1, 5, 9, 18, 19, 22, 24, 25, 27, 28, 29, 32, 34, 37, 39, 45, 55, 58, 60, 69, 72, 83, 84, 85, 87, 89, 91, 94, 99, 101.
Пакелъ келейникъ—94.
Палестина (въ смыслѣ страны, сущ. варидат.)—16, 24.
Пама (пальма)—2.
Панкостинъ (Пачкофосъ), кудесникъ языкій—75.
Парчи шелковыя—15.
Пелымка р.—87.
Пелымъ (Пелымъ) градъ—81, 82, 83, 86, 87, 89, 90, 97.
Переговоры съ преосвященнымъ Іоанномъ—102....
Пермьское царѣніе—27.
Пермия Великая — 26, 27, 28; Пермъ—75; Пермяне—27, 28. Пермяки—74.
Пища—34.
Петръ, апостолъ—64.
Петръ I, императоръ—60, 61.
Пятаторъ—62.
Піръ р.—23.
Погребаніе умершихъ—45.
Поемы, стѣнная рыба—34.
Поклоненіе идоламъ—65....
Полковный, ледистый океанъ—8, 13.
Полуй р.—23.
Помякка, старѣйшина—104.
Проказа или неемы нечистость (неизлѣчимый нечистоты недугъ)—43.
Пресѣніе духъ, см. Метемпсихоза.
Прохоровская волость—95.
Пся (для ѣды)—37.
Пѣгая орда—18, 19, 27.
Ромша—26; см. Сосуды, Сребро.
Россіане—14, 28, 44, 63. Россійскіе монархи—13. Россійское государство—18.
Рукодѣліе обще всѣмъ едино, стрѣляніе зѣвра—33.
Русскія имена—30.
Рыбныя ловли—14, 15.
Рыбьи кости—24.
Самаровъ градъ—56.
Самоѣдцы — 18, Самоѣды — 19, 23, 24, 27.
Сейдакъ, князь—44.
Сатина, кондійскій [illegible] (кинезецъ)—85; Сатыта—108, 109.
Селента—14.
Сибирская антропогія—61, 68.
Сибирь, Сибирское государство, Сибирское царство, Сибирь, Сибѣрь—1, 4, 6, 8, 9, 10, 13, 18, 19, 20, 21, 22, 26, 44, 45, 60, 61, 62, 75.
Сдмонъ, волкъ—64.
Сій (Сій—ꙁꙋꙗ)—69.
Сіовъ—80.
Сладкія (прѣсныя) воды—18.
Слоновая кость—15.
Слюда чистая—17.
Собаки, см. Пся.
Соболи—14, 15.
Соленыя озера—15.
Сосна—23, 96.
Сосвинская волость—96.
Сосвинскій княжекъ—40.
Сосуды берестяны — 37; златые, вылитые въ розвицахъ и курганахъ—26; каменные избранные—15; фарфуровые—41.
Сребро — 15; сребра множество въ розвицахъ и курганахъ—26.
Старикъ Обскій, домашній божокъ (богъ рыбъ)—51, 56.... 71.
Стефанъ, св., Великія Перміи епископъ—26, 28, 75.
Студеный полносный кругъ—8, 14.
Супружество Остяковъ—42.
Сухоруковскія юрты—95.
Сыроѣдцы—28.
Табакъ китайскій—36.
Такла р.—81, 97.
Тагилъ р.—19.
Тайбакъ, Тайбукъ, сынъ Она—19, 20.
Тактуская земля—62.
Тасовская (Пасовая) губа—23, 96.
Тасъ р.—[illegible].
Татарцы—19, 27, 44, 51, 81, 97.
Татарскія языка—32.
Тахтанская волость—89.
Тобольскъ градъ; Тобольскъ, первый [illegible] Сибѣрскомъ — 13, 22, 23, 31, 42, 44, 70, 73, 90, 91, 93, 96, 97, 108.
Тоболъ р.—19, 22.
Тумень (Тюмень) градъ—20; Туменская обитель—91, 97.
Тунтусы—18.
Тура р.—18, 19, 20, 81, 97.
Турухань—13, Туруханскъ—15.
Улусы—40.
Уракъ, казанскій царь—20.
Урманко —94, 97.

Фараонъ—80.
Февраль, см. Цагань.
Филоѳей, митрополитъ Сибирскій (экспонъ Киевопечерскія чудотворныя мощи)—61, 67.
Фретумъ—23.

Хозяи, сынъ Тайбуди—20.
Холстъ крашенный (крашеный, см. [illegible]—[illegible].
Хонды, Хондымахъ, см. Кондыя.
Хрусталь самородный—17.

Цагаанъ снегъ бѣлый мѣсяцъ—85.
Цаты изъ олова—39.

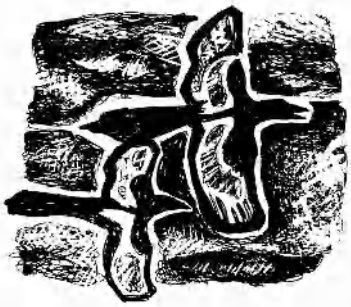
Чермесныя одежды—40.
Часовая (Чусовая) р.—21.
Черныя юрты—90.
Чингинъ, подвластный (подручный) Оза—19, 20.
Чудо съ новокрещенными младенцемъ—90 (см. Мирыя).
Чудцкіе народы—90.
Чюдцкій народъ—26; Чукой н.—46.
Чынгиднъ гракъ—20.

Шаръ, см. Таблекъ китайскій.
Шорноровскія (Шорскіе) юрты—50, 72, 74; см. Бумаръ.
Шубы, см. Кожаны.

Ыдыны [illegible]
Юрты—36, 5[illegible], 72, 74, 75, 77, 9[illegible], [illegible], 95, 99, 109.

Яилакъ шайтанчикъ—95.
Языки, см. Дивыи языки.
Якуты—13.
Якуцкъ—14.
Ясакъ—41.

Ѳедоръ, схимонахъ—1.



Описание

живущих Сибирской губернии
в Березовском уезде
иноверческих народов остяков
и самоедцов,
сочиненное студентом
Васильем Зуевым

Мужу, науками просвященному,
ученому и достохвальному в оных попечителю
Петру Симону Палласу,
медицины доктору, натуральной истории профессору, Санкт-Петербургской Академии наук, Вольного экономического общества, Римской императорской академии и Лондонского ученого собрания высокопочтенному члену,

Милостивому моему государю
от студента Василья Зуева
покорнейшее прошение.

За верх моего счастия почту, естьли сей первейший опыт моих трудов удостоен будет вашего приятия; но тем наиболее усугубите ко мне милость вашу, когда вы, все силы истощевая к приращению пользы Российскому отечеству, не оставите и сей мой малой труд поместить в число ваших исследований, почему и впредь не престану вашему ко всеобщей Российского отечества пользе рачению соответствовать, и наивящше стараться буду, чтоб быть достойным учеником такого мужа.

Глава I
Обитание народов

Самоедская земля, последняя часть к северу, сколь дикая в своем звании и состоянии, столь равным образом и дикими народами обитаема, из коих в Березовском уезде два рода почитаются, то есть остяки и самоедцы, но первые живут далее от берегу Северного моря и, расположась далеко вверх по берегам реки Оби, соединяются уже и с российскими народами; чем наперед можно узнать, что они, более обходясь с русскими, более приняли их обыкновений и поступок и не столь, напротив того, глупы и необходительны, как прочие. Оные хотя и имеют отчасти кочевное свое жилище, но от р. Оби мало отделяются, разве отходят в летнее время по другим речкам за промыслом рыбы, а в зимнее время в тундру за дикими зверьми. Однако все своего первого жилища не оставляют, где у их построены и избы деревянные на зиму, а летом живут в шалашах, по-тамошнему чумах. Напротив того, последние, ближайшие к северу самоедцы, коли можно назвать дикими зверьми, то в сходственности едва ошибиться можно, не имеют у себя узаконенного им жилища, к которому б по времени съезжались, как первые, но почти ежедневно на оленях перекочевывают с места на место, сколько для звериного промыслу и своего пропитания, столь зимою и для оленного своего скота на разные места переезжают, как о том ниже явствовать будет.

Глава II
О их языке

Язык у всех диких самоедцев одно наречие имеет, которое произносится очень глухо и неявственно; гово-

рят в нос с большою ужимкою, так что и слова хорошенько выслушать не можно; однако в некоторых словах многое сходство имеют с остяцким языком, которой произносится более гортанными литерами и гораздо явственнее, нежели последние. Но те самоедцы, которые отчасти около Обского устья за рыбным промыслом расположились, суть как междуумки сих двух народов, имеют почти совсем будто особливой язык и особливое обхождение, которое описывать в особливости, кажется, нет нужды, но можно и без того разуметь, что они, замешавшись между сих двух народов, обоих приняли обыкновения и поступки, ибо совсем сходны с самоедскими, сходны и с остяцкими; с самоядью поступают по-самоедски, а с остяками по-остяцки; однако смешение их везде явствует, так что остяк мало разумеет речей его, равным образом и самоедин мало толкует, и хотя они жен берут от остяков и самоедцов, но в том нет нимало затруднения, а понеже таковых немного имеется, то и совсем оставить можно[1]. Впрочем, и те, кои далеко друг от дружки отделяются, однако в рассуждении своей смежности в некоторых случаях не разнствуют между собою.

Глава III
Границы

Первых, т.е. остяков, уже не известно обитание и место по реке Оби и рекам, в нее впадающим, но самоедцы по всей тундре, подле берег[а] Северного океана лежащей, разъезжают и разделяются на две части Обскою губою: первая называется Закаменная, по левую сторону Обской губы лежащая, граничит с Пустозерским уездом, начав от вершины реки Соби чрез Камень до Карского залива, от которого по берегу Северного моря до самого устья Обской губы; Низовая же по правую оной сторону, от Тазовской губы по Туруханское ведомство границы, свои расположила.

[1] Здесь и далее эти цифры соответствуют порядковым номерам «Комментариев» (*Прим. изд.*).

Глава IV
О их происхождении и телосложении

Что же касается до их происхождения, то едва можно верить самоедскому заблуждшему разсуждению. Напротив того, как и русские производят, будто бы произошли от татар, когда славной разбойник Ермак, разоря Сибирь, рассеял весь род татарской по незнакомым сим местам, и хотя за верное полагают, аки бы Ермак был и ниже Березова*, однакож через толь немногое время нельзя верить, чтоб произошло новое идолопоклонство и совсем новой язык, в коем нималого остатку и сходства с татарией найтить бы нельзя было. И так хотя и совершенно за лучшее б их причесть к роду неведомых прежде бывших в тех местах народов[2], однако не без основания истории можно положить и самые их речи, о которых, правда, немногие и толкуют.

Перво, когда еще земля им казалась быть пустая, были в том краю родные два брата, из которых большой назывался Ваги, а малой Хазова[3], кои оба промышляли первое лето оленей, от чего и были довольны одеждою, на другой же год стали промышлять ежи, тогда были наги, что и принудило из их одному промышлять рыбу, а другому оленей, но когда по прошествии времени один другого звал к себе в товарищи, а обеим свое житье показалось мило, то в том друг дружке отказывали, отчего рассердясь малой брат назвал большого Ваги, от коего произошли ногуляки и сходственные остяки, а от того произошли самоядцы; однако каждой рассудить может, что сей хорошей нымысел, коему совершенно верить нельзя, а неотменно положить надо, что сии останки суть древних язычников. Впрочем, естьли сравнить их с другими народами в рассуждении их отдаленности, то за подлинно можно почесть особливым, не только в языке и поступках несходным, но и самое их телосложение доказывает род отдельной, ибо пусть остяки по смежности с ими сходны, как и другие дикие в севере живущие идолопоклонники, однако и тут, рассмотря сих двух хорошень-

* Но в сем мнении много они ошибаются, хотя бы то и правда, что был там какой-нибудь рассыльщик из ермаковой шайки, которого и вероятно, что они по тогдашнему страху почли за настоящего Ермака. О чем смотри Сибирскую историю Г. Миллера.

ко, можно легко знать, которой остяк или самоедин. Между остяками немного найти можно с лица пригожих; напротив того, все росту малого, так что и средних редко найтить можно, волосом же более светлорусые, а самоядцы по большей части волосом черные и чернорусые. Рот большой, губы толстые, нос к ноздрям широковатой, ноздри отворенные, обще же сходствуют между собою, что росту небольшого, лица смуглого, житья грубого; однако последние (самоедцы) гораздо пропорциональнее, красивее и здоровее (а особливо пол женской), мускуловаты, житьем гнусны, в обрядах очень сходственны.

Впрочем, как немногие о своем происхождении толкуют, так мало об их и разуметь можно, ибо я сам от некоторых слыхал, будто бы и русской был причтен в число третьего брата, коего и доныне называют Луце (коли не вымышлен перевод, что значит воин[4], а Луце нинзилие — воин сердитой), однако можно догадаться, что они тогда русских назвали воинами, когда при покорении их угнетали. Напротив того, что самоедцы по своему имени называют себя умнее (Хазова войгутта — мужик умной), а остяков глупее, но в том совершенно они ошибаются, ибо во всех поступках и в речах можно остяков предпочесть самоядцам, а может быть и потому, что сии ближе к русским и больше около их обращаются, нежели те, которые живут в отдаленности в неведомых тундряных местах.

Сей обузданной уже почти народ остяцкой почти всякие обиды сносит терпеливо, нежели те отдаленные, которые из малой вещицы по своему заблуждению рады драться, а в случае голодного времени и без причины на русского руки смело подымает. Впрочем же, хотя в своем звании дики и грубы, однако просты и милостивы, для себя скупы, а в случае для русских щедры, к вину оба сии народа, не выключая баб, девок и малых ребят, столь лакомы, что если бы у них довольно его было, то б мало из малых младенцев на свет выростало. Сговорчивы, заведших бунт орудием не склонишь, кроме ласкою. В разных промыслах трудолюбивы и в трудах прилежны, а особливо пол женской, для честного честны и ласковы, с соседами согласны, легкомысленны, странноприимчивы, в спорах уступчивы и при их дикости верны и справедливы. Напротив того, об остя-

ках нельзя того сказать, чтоб были столь дики и грубы, как самоядцы, но что просты, не ссорчивы, прилежны и согласны, в том ошибиться нельзя, и что смело с сим народом поступать можно, то докажет их обузданное снисходительство.

Глава V
О их платье и украшении

Платье, како у тех народов в употреблении, есть простое из разных ими промышляемых зверей, а не от русских покупаемое, кроме одного холста, да и то редкие, разве богатые из остяков, имеют, а прочие по большей части ходят нагие, как и женщины, в однех только тулупах. Мужское зимнее состоит внизу из малицы, которая делается из вешних[3] оленьих кож с рукавицами, длиною до колена, и надевается мешком вниз шерстью; верхнее платье, гус называемое, из зимней оленины или постели шьется таким же образом, но с головою[6], которой носят на малице. Внизу имеют штаны ровдужные и на ногах из тонкого неплюя[7] вниз шерстью, наподобие чулков чажи[8], а на них надевают из оленьих лап сшитые сапоги или пимы, у которых подошвы делают из оленьих щеток или пяток, доказывая к лучшему, что грубая и непорядочная пятная шерсть не скользит под ногою и бывает гораздо прочнее, нежели из лбов оленьих. Летом ходят нагие в однех только малицах, которые иные щеголи делают из лоскутков разных сукон и опушивают кундами из собачьей белой шкуры или песцовыми хвостами. На ногах летом имеют легкие ровдужные, наподобие пимов, неговаи[9], красною краскою или ржавою раскрашенные, у коих подошвы более из оленьих лбов бывают.

Еще ж у их бывает легкое платье, которое в случае и зимою и летом носят, называется парка, и шьется тем же подобием из оленьей телячьей кожи вверх шерстью, с рукавицами и головою и опушивается как около подолу, так и около головы белою собачиною. Таковая носится по рассуждению холода и одинакая и по малице, но сию последнюю я видел только у одних остяков, а у самоядцов нету.

Напротив того, женщины остяцкие носят по голому телу долгие тулупы[10], которые шьют по своему покрою простран-

ные, но чтоб пола с полою сходились, которые завязывает завязками и притом везде строго наблюдает, чтоб пола не распахнулась, чему все русские дивуются и совершенно за великого щастливца между проезжими россиянами тот признается, которой у присевшей в трудах остятки невзначай увидит стыд, заткнутой отлепом, которой делают из таловых стружек[11], мелко выструженных и после мягко вымытых. Летом ходят босые, а зимой в неговаях.

Что же касается до головного их убора, то сему, не знаю, кто б не мог в их жизни дивоваться. Волосы их и без того грубые и жесткие, как щетины, а они к тому ж их никогда не чешут и не знают, что то есть чесать волосы на свете. Мущины ото лба вокруг головы подбревают, а верхушку же оставляют с густыми волосами просто, и хотя они не пекутся о том, чтоб заплетать их в косы, однако волосы сами по косам сваливаются и на голове лежат, как крепкой войлошной парик, которой, рукою прокапывая, едва дощупывается тела. В таком состоянии возможно ли подумать, чтоб не было у их вшей множества, за подлинно я сам видал довольно между остяками и самоядцами, что бабы у мужиков ищут вшей не глазами, а ощупью, коих и едят без всякой брезгливости, но хотя при русских им было и стыдно, однако в ответ без всякого зазору сказали, что они де нас кусают, то мы равным образом и их должны кусать без милости. Бабы же, напротив того, головы хотя и не чешут, но долгие свои волосы заплетают в косы, которых две назаде связывают вместе, а некоторые богатые имеют будто повязку[12], у коей концы назаде долгие и расшиты разными медными фигурками, как коньками сделанными, рыбками и прочее, сверх которого обыкновенно все носят на голове покрывало, по-ихнему вокшем[13], которое никогда ни у бабы, ни у девки с головы не сходит, и во время прихожих людей и своих сродных, кроме одной матери, будто от стыда им закрывается; из молодых же, коли что-нибудь делает, то и совсем от сторонних лицом в угол отворотится.

Впрочем, и сие у остяток за неменьшее почитается украшение — выписывать наружность своего тела, из которых на руках я видал столь хитро выписанные фигуры, что дивиться тому надо, как они чрез то себя не могут испортить, ибо в местах около локтя опасных и на самых

жилах видно столь глубоко тыкано иглою, что сажа, которою они после иглы ранку замазывают, внутри разоплывшись, немалое синево причинила, но сие хотя я и спрашивал, но никто, мне кажется, не ответствовал справедливо, ибо иные говорили, будто бы сие у их вместо пускания крови служит. Можно бы тому и поверить, но у их вышивают и молодые, равным образом и те, кои в век свой болезни не ведали; напротив того, я почитаю, что каждому остяку более бы надобно было крови прибавить, нежели еще выпускать оной, притом же они, как скоро выколят те фигуры, то тотчас замазывают сажею, чтоб после уж пятно не стиралось, а что их у всех тот обычай писать на ногах и на руках, то совершенно должно почесть за украшение в своем роде. Мущины же хотя и имеют, но немного, и то для одного знаку, которой у их записывают при ясаке вместо имени. В ушах женщины носят серги долгие на ниточках, на которых навздеты многие разноколерные корольки, а мущины, все также почти имеют маленькие нитяные колечки.

Самоядцы, напротив того, хотя народ отменной и далеко отделенной, однако в одеянии мало разнствуют мущины, ибо имеют то же самое платье, как и остяки летом и зимою. Но о голове, хотя и не брегут равным образом, однако из их более щоголей выбрать можно, нежели из других. Головы хотя не чешут и хотя она также свалялась войлоком, но убрана на разные косы, кои до смерти его не развиваются. А пол женской часто оную чешут, убирают обыкновенно бабы на две косы, а девки на многие. Естьли же вдова выйдет за другова, то на виске оставляет для третьей косы растрепанные волосы в знак печали по первом муже. Ходят всегда с непокрытой головой, разве в дороге зимою надевают шапки, русским чебакам подобные. Серги в ушах короткие корольковые, платье же совсем от остяцкого отменное, а более, думаю, камчадальскому подобное. Хорошее, но одноманерное всегда, платье бывает из разных суконных лоскутков, на груди и на спине из неплюевой кожи. Сзади и спереди навешено несколько лоскутков из оленьих кож, также и сукон, кругом имеются по платью три кунды (опушки) из разных лучших зверей, спереди не застегиваются, но подпоясываются ремнем, и на брюхе, вместо заня-

зывания узлом, имеет большое железное кольцо, за которое другой конец ремня привязывает, впрочем, шуба сия не долгая и не пространная, но чтоб полы только сходились, а длиной пониже колена; внизу носят штаны ровдужные безо всякого затыкания, как у остяков, на ногах пимы либо неговаи.

Впрочем, зимой и летом носят шубы по голому телу. В шубе спит и в шубе от начала жизни даже до смерти пребывает. А мущины спят всегда нагие, в однех только штанах.

Глава VI
О их житии и экономии

Сколь дикой сей народ и гнусной в своем житии, хотя того и не можно заключить из краткого сего описания, однако здесь мною поступаемо было так, чтобы верить одному только слову, а не пространному того описанию, в которое я нимало [не] не старался. Нельзя тому поверить, что остяки руки никогда не умывали, но всегда с их рук или около чищения рыбы грязь смывается или мокрые о негодную спальную свою шубу обтираются, и хотя всякому брезгливому смотреть на такое житье будет странно, однако и принужден будет терпеть великодушно и удивляться их невежеству. В самых их жилищах нет никакой чистоты и порядку, нет никакой опрятности и, кажется, нет нимало го к тому рачения, ибо и хорошие уже ребята редко из юрты на двор выходят, а большие по крайней мере около юрты нужду свою и оправлять должны, будто бы так надо по ихному закону. Сие свинское житие каждому покажется невероятно, однако кто на их жилища хотя издали посмотрит, тот в верности сего описания не усумнится.

Остяки, во-первых, избирают места свои на зимнее время обыкновенно подле воды, где на сухих местах строят деревянные избы, которые бывают без крыши, а только на потолок насыпают земли, на котором вырублено четвероугольное окно небольшое, кое зимою для свету вместо слюды льдиною закрывается. Изба имеет совсем особливое строение и строится по большей части четвероугольно, за неимением толстого лесу и из тонкого окладывается как надо,

без перекладывания между бревнами моху, а некоторые такие ж юрты имеют в земле как выходы, в коих пространство разделено на столько семей[14], сколько живут в юрте, и хотя за множеством не широко место достается, однако каждая остятка со всем своим екипажем и детьми должна в узком том отделенном месте жаться, при своем огне сидеть и работать.

Из сего видно, что у их нет никакого убору и опрятности, но где что как положено, на том и валяются. В таких избах бывает семей три, четыре и пять семей вместе и естьли случатся младенцы, то каждая в своей норе пред собою имеет зыбку, в коей насыпано для мягкости под младенца истолченного гнилого дерева, на которое кладут и, одев малою шубою, увязывают крепко и качают, а другие ребята спят с отцом и с матерью рядом. Посреди всей избы имеется огнище, над которым варят себе пищу, кто когда захочет, как для себя, так и для собак, кои со щенятами в тех же юртах гнезда свои имеют под их спальными лавами. Добрые собаки никогда из юрт не выпускаются, а езжалые на дворе всегда около юрты прибывают, но когда остяку куда ехать понадобится, то всех сгоняет в избу и, тут накормя, запрягши, выезжает. Впрочем, и все собаки обыкновенно в юртах трескают, а из некоторых и спят тут же и костят без всякого после очищения, чего ради во всех оных юртах такой дух мерзкой, что долго сидеть верно никто не согласится, ибо тут же сушат и рыбу, которую зимой напромышляют, и ежели думают, что для собак летнего корму недостанет, то кости тут и поземы жарят, отчего вся юрта вверху так закоптела, что на потолке и тенетах сажа висит сосульками.

Во всех юртах обыкновенно такая чистота бывает, что от мочи и сору никогда не очищается, разве в жаркие дни сама высохнет.

Что же касается до ихней прочей поклажи, как оленьи кожи, постели и прочие зверёвые шкуры, те кладут в лабазы, в лесу построенные, без всякого прибору и от воровства опасения, а кожи оленьи около лабазу часто и так на весь год лежат на санках оставленные, иногда и в дальнем от юрт расстоянии.

Вся их экономия состоит в содержании оленного скота, но из остяков, кои живут около Обдорска, много таких най-

дется, которые ни одного оленя не имеют, а кои выше по Обе расселились, те об их и не думают, но по дороге от Березова до Тобольска содержат некоторые и лошадей, на которых подводы гоняют, а промыслов своих не оставляют.

Нужда их научает перенимать российские обычаи, но за что ни хватятся, то все видят от россиян дорого, а покупать не из чего, ибо все остяки, которые живут в отдалении от русских, мало имеют и понятия об деньгах, разве те, которые около Березова и выше находятся.

Некоторые из богатых остяков имеют у себя мыло, коим моются, и хотя за хорошее для выедания грязи признать можно, однако российское почитают за знатной гостинец. Ихное мыло весьма едкое и совершенно их рукам сродное, потому давняя грязь в тело так въелась, что и ядовитыми зельями в бане едва отмыть можно, и хотя они не каждой день тем моются, однако новую грязь скоро отъедает. Они делают сами из золы и жиру таким образом: перво в котел положат золы немалое количество, к которому прибавляют несколько жиру, так, чтоб не жидко было, и варят до тех пор, пока сгустеет и на дно сядет, как кисель, которой, разрезав частицами, завертывают в тряпички; а когда мыться надо, то, помоча немного клубок с зольным мылом, сок из его выжимает, коим трется, и хотя на первый случай оно марается, однако напоследок грязь так отъедает, что сие остяцкое изобретение должно почесть между лучшими вещами в их экономии. Но сие только богатые имеют или их князцы, а у которых немного жиру или, лучше сказать, которой не знает чистоту различить с нечистотою, тот истинно мало думает не только о мыле, но и о умывании рук не помышляет.

Платье обоих народов хотя гнусное, простое и никакого от праздничного не имеет отличия, но все одинакое, однако тем они себя щастливыми щитают, что не имеют дальнего в том затруднения и бедности, но всякой бедной, коли никак промыслить не может, носит его до тех пор, пока все на нем истлеет. Все сие достают они легко между собою или меною с богатыми, или служением, или самое легко находят средство обогатиться, коли есть где наняться в пастухи за оленями, однако таковым около своих мало удается исправиться, потому что своего мирского суда боятся, но естьли

такой недоброй совести попадет в русское стадо, то скоро, не боясь нимало будущего обвинения, хозяина разорит, а сам разбогатеет, ибо стада русских оленей ходят в тех тундрах, где и иноверческие пасутся, и хозяин только один раз в год приезжает пересчитать и перепятнать их, но пастух, куда б сколько не утратил, на все легко ответ сыскать может: или пропал без вести, или зверь изорвал, хотя и совершенно видно, что ушло на его собственные надобности, но уже того никоим образом отыскать нельзя, потому что там судьи и в важнейших делах русских с остяками не судят, а особливо с богатыми. Правда, хотя сему пастуху стадо пасти не без труда и не без беспокойствия достается, однако в рассуждении уже их к тому привычки, бедности и за то заплаты, можно почесть за малое, но он, не рассуждая того, что уже и так доволен, еще хочет жить навсегда богато и получить ту честь, как у их богатых почитают.

Трудолюбивый сей народ хотя ветреным своим умом и рассуждает, что там или инде место для его будет спокойнее, но истинно везде несносное их состояние, которое, однако, по привычке сносят нечувствительно. На месте хотя б всякой из их хотел быть спокойным, но разные промыслы, которые одне в его уме пребывают, понуждают его вступать во вся тяжкая, и по привычке своей ко всем трудностям уже не почитают себе оное тяжестью. Женщины же я не знаю, когда б они хотя час праздно сидели. Верно одеревенелые руки труды их докажут, во всем дому живет не как жена, но как служанка, да так между ими и почитаются. На месте иль в дороге, не включая того, что мужу во всем помогает, расстанавливает она чум, колет дрова, раскладывает огонь, варит есть, и муж до тех пор с санков не слезет, покудова все в чуму не будет управлено; тут его обсушивает, там обшивает, а он, переодевшись, пойдет опять за промыслом, куда надобно.

Варварские их с женами поступки еще более грубое состояние увеличивают, ибо где б то ни было, не говорит он с ею никогда ни слова, а хотя что и понадобится, то жена должна из одного только слова понимать его надобность. С промыслов что привезет, жена все убирает, и он ни во что не вступается, так что сколько б он ни привез битых оленей или чего другого, ободравши кожи, дает сам жене выделы-

вать, хотя б уже и без того на такую работу ей времени недоставало, но к таковой суровости еще прибавляет «скорее». И так во всем у их женской пол раболепствует и более, нежели у строгого господина рабу подлежало.

О выделывании кож

Выделывание кож обоих сих народов очень изрядно, тем наиболее, что мочи мало боится, которая в мех хотя и попадает, но по высупке кожу не коробит, а только требует вымять ее руками. Оное докажут тобольские купцы, которые невыделанные остяками кожи мало так увозят, только тем недостаточно, что в подбирании пушных мехов мало знают толку. Но какие бы ни были шкуры, выделывают одним образом: двумя обыкновенными у их инструментами, из которых один сделан как узкая коса, в длину дерева выставленная, по обоим концам дерева дырки, чрез кои продернута веревка, напереди привязывается к колу или надевается на ногу, а самой инструмент держит меж колен острием от себя, об которое последнюю мездру стирает, но сим же отделывают кожу наготово. А перво, когда к выделке еще приступают, то есть у их другая узенькая поскребалка, поперек в дерево вставленная, у коей концы выточены и загнуты оба в разные стороны, сим при первом случае соскребывают толстую мездру, а потом разжеванною икрою или варкою прыщут на кожу, чтоб отсырела, и после свернувши кладут на сутки, чтоб отмякла, а потом уже начнут вышеупомянутою посребалкою скрести дочиста, напоследок тут же в чуму сушат и мнут руками.

Но сие разумеется про те, коих кожа толста, как лосина или оленина, а коих кожа тонкая, те выскребаются ножом, а по смочке икрой или варкою мнутся они не на поскребалке, а руками, и поелику всякая кожа у их в чуму от начала даже до конца выделки вешается всегда в чуму, в котором всегда дым вверху бывает, а в погоду так и до полу, то и не дивно, что сии кожи, чрезвычайно напитавшись дымом, мало дожжа боятся. Кроме варения мыла, сия работа у обоих народов общая, как у остяков, так и самоедцов, да и во всей оной главе нет у них разности между собою, но во всем сходны, чего ради о самоедцах и писать особливо не осталось, кроме того, что упомянуть, что каж-

дой из самоедцов сколько-нибудь имеет своих собственных оленей, сам пасет, и разве богатые скудных к себе на помощь будто б в работные принимают за чрезвычайным еже множеством оленей и притом коли у его детей взрослых нет, то таковых работников нанимает, ибо у их оленей бывает у скуднейшего от десяти, у богатого стадо до трех тысяч еажалых и ему самому каждой поштерстно известных, но кроме сих, уже за множеством неизвестное ему число ненаезженных оленей по тундре в стадах просто шатаются[15].

Живут все зимой и летом в чумах на тундре, а изб никогда не имеют. Женщины равным образом жалки при их трудностях, как и другие, а что сии по степи каждый день в свой век переезжают, то уже выше изъяснено довольно, что их жития и экономии касается, то ни в чем не разнствуют, разве что самоедцы не имеют лабазов, где б класть свое зверёвое богатство[16], то они за собою с места на место перевозить трудности не почитают.

Итак, экономия сих народов наиболее состоит как в содержании оленей, так и в разных промыслах, о которых я намерен упомянуть каждое в особливом месте пространнее, а теперь приступаю к краткому изъяснению их промыслов, от коих они питаются.

Глава VII
О их промыслах

С молодых еще лет малые ребята давно привыкают нести всякую трудность, как видно из грубого их житья, которое их ни мало ни в каком случае не приводит в сожаление. Верно можно сказать, что сей народ рожден к понесению трудов несносных, и, действительно, естьли б они сызмала к тому не привыкали, то б отцам мало бы было надежды видеть сыновей больших себе помощников и к понесению трудов удивительных охотников. Лишь мальчик начнет мало иметь понятия, то мать или нянька не иным чем тешит, как бряцанием лупной тетивы, а когда ходить начнет, уже отец ему и лук готовит. Я, в проезд мой чрез остяцкие юрты, мало видел таких ребят, кои бы в простое вечернее [время] между игрою без лука шатались, но обыкновенно или по деревьям или во что-нибудь по земле стре-

ляют. Там городят езы[17] около своей юрты, там запоры, и кажется, будто бы их игрушки уже будущую жизнь предвещали. И совершенно естьли посмотреть на ез, чрез какую-нибудь реку сделанной, то нельзя видеть, чтоб когда-нибудь тут старики с важанами сидели, кроме малых ребят, а большие сами плавают по рекам или с неводами, или с кылыданами и переметами, где уж малого, иди не в силах, или не разумеет, посадить нельзя.

Во все лето остяки рыбу промышляют разными средствами и никуда не отлучаются, которую на весь год как про себя, так и для собак запасают довольно. Запас их состоит в обыкновенной всем пище. Поземы, варка, порс, ютта, рыбьи кости и проч., из которых последние запасают для корму собак. Но весь свой запас сырьем никогда не оставляют и чтоб не загнил, то оной или на ветру сушат или на огне поджаривают, как, например, поземы поджаренные едят во всю зиму, вместо хорошего кушанья с варкой, тем же гостей потчуют и все летнее время, когда остяк сыт, хотя и не столь к оному лаком, однако, напротив того, зимою и русские охотно вместо даров от их принимают. Летом же остяки потому сего зимнего запасу гнушаются, что видит сам себя уже довольна, и действительно каждой из их тогда как будто переменится, потому что русские беспрестанно тогда к им приезжают за рыбою, и вместо торгу или на вино, или на что иное меняют, того ради нередко и пьяны бывают, а при промыслах почти ежечасно едят сырую рыбу, еще лишь только из воды вытащенную, трепещущуюся с кровью трескают, отчего в тогдашнее время едва с ним заговориться можно, ибо рыбей сырой дух, как из роту, так и от его самого принуждает в разговорах от его или стоять далее или совсем отворотиться.

В то же самое время семейные мужики отходят иногда в тундру за диким оленем вместо гулянки, но сие, правда, редко случается, а особливо естьли рыбы привал бывает хорошей, а по большей части все отходят за разным зверем осенью, по первому насту, гонят лосей и оленей, от коих промыслу осень также провождают без малейшей скуки, ибо когда убьют оленя или сохатого, тотчас пойдут вести от промышленников о множестве иди недовольстве того зверя, однако хотя один зверь попадается промыш-

ленному, то он со всею роднею тотчас сделает праздник. Разнявши его, в юртах едят перво внутренные его части: почки, легкое и тому подобное, сырые в теплую кровь обмакивая, потом остальное или варит или завядивает на зиму и в дыму закапчивает, дарит своим приятелям сию новость, и сам ест с великим удовольствием, не редко и при жертвоприношении, о чем показано будет ниже. В зимнее же время хотя рыбной промысел из-подо льду и не оставляет, но о зверях тогда более думают, ибо рыбная ловля по большей части тогда бывает мордами, то сие осматривать могут и малые ребята, а большие и старики здоровые уходят иногда столь далеко в тундру на лыжах, что до самой глубокой зимы не возвращаются. По рекам промышляют соболей и белок, в чистых тундрах песцов и лисиц, и что ему попадется, но больших зверей тогда хотя и не упускает, но целого вести с собою тяжестно, то, сняв с его кожу, мясо закапывает в глубокой снег, за которым после на оленях приезжает.

Горестно сие кажется состояние приводит иногда в сожаление и в большее удивление, когда, начав смотреть на такого промышленника, на котором платье чуть трепещется, на голых ногах чажи с пимами, идет на лыжах по снегу в сильную погоду, тянет за собой с добычей или пустую с запасом нарточку, ничего при себе не имеет, кроме кремня и огнива; лук, стрелы, табак курить и нюхать — суть настоящие его дорожные припасы, и без коих ему обойтись не можно, а особливо табак, на котором вся его лежит надежда. Однако никогда еще не слыхано, чтоб кто-нибудь из их замерзал и в сильные зимние морозы, разве позноби́т что на лице, то хотя и неудивительно, потому что ходят всегда лицем открытым, но и оное приключается разве тому, которой, вышед первой раз на промысел, морозу испужался и начал лице кутать, тем его и испортил. И хотя совершенно признаться можно, что такому дорожному, всегда на стуже и лишней одежды не имеющему сумнительно, чтоб огонь так много под деревом сидящему остяку мог подать помощи, и хотя они все случай изыскивают к разгорячению своей крови, много курят в себя табаку, много нюхают и после ноздри отлепом затыкают, но при всей свирепости тамошнего климата сие всяк сичтет за маловажное, а верно

сказать могу, что они в самой крови имеют большую особливость, как сырое и притом парное, зимою мералое, в довольствии хотя каждой час употребляемое вместо лакомства, кушанье докажет, а притом ихные труды и суета наибольшим тому служат средством, как выше показано, что и самые богачи лености вовсе не ненавидят.

Всегдашнее упражнение делает их во всем проворными, но крови в их, за верное полагаю, немногое количество, так что ни сухость тела в крепком сложении, ни бессилие, но скрытые силы тому свидетели, и редкие в их век болезни, кроме подагры, с цынгою смешанной, и расслабления от предестной охотки — ясные суть доказатели. Мне самому случилось пробовать их пульсы, которые под рукою столь сильно бились, что естьли б положить на напрягшуюся жилу нечувствительную тяжесть хлопчатой бумаги, то б легко то глазом приметить можно было, несмотря на то, сколь их кожа в самом существе толстая и жесткая.

И хотя оне нимало не стараются о применении своего гнусного жития и беспокойствия, однако самою натурою в здравии больше пребывают, нежели российские служивые.

При таковых зимних и летних упражнениях обские сии идолопоклонники не думают много о большем запасе, но сколько ему в год изловить чего удастся, на большее не негодует, ибо знает, что ему в голодное время не привыкать есть всякого зверя, не выключая и падины, а когда им и случится оное, то он не почитает впредь наукою, чтоб лучше исправлялся, но думает, что в его жизни ето в последний раз случилось, несмотря на то, что у русских много задолжает, а платить чем, на будущее уповает. Правда, им всегда удается заплатить долг чисто, ежели только ему хочется, потому что рыбы летом так много промышляют, что больших налимов около юрт валяются ужасные кучи, на которых сытые собаки и не смотрят, но гниет сия рыба около юрт, видно, для одного им приятного благовония.

С начала первой весны прилетает туда великое множество разной птицы, которую они днем и ночью промышляют кысканами и перевесами, из коих в щастливой год хорошей промышленник однех уток тысеч до двух напромышляет, выключая других гусей и лебедей и проч. Однако всю оную отдает русским или за долг или на муку меняет.

Итак, видя таковое довольство той страны, возможно ли подумать, чтоб остяк когда был голоден, но ветреное их состояние не допущает до того, чтоб он когда-нибудь о житии своем подумал или чтоб установил такой порядок своей экономии, которая есть совсем прерывна.

Самоедцы, на голых тундрах живущие, как хищные звери, дивно уже ни о чем не думают, как только о своих промыслах зверевых, коих там более находится, нежели рыбы, ибо, переезжая с места на место, или диких оленей ловят и стреляют, или где кляпцы[15] для песцов настонавливает, или около речек некогда и рыбу промышляет, а в летнее время и ленную птицу или неводами, или с собакой промышляют, которое все служит ему пищею без запасения на дальнее время, но на сколько дней ему с фамилиею достанет, без скупости довольствуется, ибо ему кажется, что надежда его не обманет, да и правда, что каждодневные разъезды не оголаживают и тех, кои на пустом месте около самого окианского берегу случатся, потому что всегда на берегу находит какую-нибудь падину, из моря выкинутую, а притом находят и белых медведей, и прочих зверей, коих никогда бить не оставляют. Самые богатые самоедцы некогда стоят на одном месте и считают за спокойствие, что несколько времени проведет в рыбных промыслах, а стада оленей и зверевые промыслы препоручит сыновьям, в довольное же зверями время не только сам выходит, но и баб и малых ребят песцов из нор выкапывать заставляет, о чем ниже показано будет.

Впрочем, и сие упомянуть здесь не пристойно, что все богатые у их люди, чем богаче, тем скупее, так что хоть у народа и в особливом почтении находится, однако стороннему человеку никоим образом такого узнать нельзя, ибо вся его гнусная позитура и презренная важность доказывают его недостойным такого богатства и чести, которое иногда состоит из бессчетного множества оленей.

Вся их экономия более зависит от оленного скота, и хотя при таком он довольстве и чрезмерно скупо сам с собою и прочими поступает, не жалуется на свое изобилие, а что гнусно ходит и живет, тем веселит сам себя.

Глава VIII
О пище и питии

Уже сил моих недостает к уверению читателя порочить вовсе гнусное сих диких народов состояние, которое не в одном их житии состоит, но и в самой пище, от которой вся жизнь человеческая зависит; мне нельзя того изобразить довольно, здорова ли им употребляемая, обыкновенная их пища, или последовать той пословице, что «привычка рождает новую натуру». Привычка хотя и сделала их совсем особливым людей родом, однако редкие между ими болезни доказывают, что ихная пища им здорова, разве сия грубость другими самой натуры предохранительными средствами награждается, как то всегдашнее упражнение, труды, разные движения и притом всегдашней открытой воздух, их ни к каким здравия переменам не допущает.

Всю их пищу можно видеть из нижеследующего описания, которая сколь ни груба, однако не только у остяков и самоедцов, но и у дорожных русских в знатном употреблении. Состоит по большей части из рыбы, которая на разные манеры приуготовляется и разные от того имяна получает, во-первых: поземы делаются из боков рыбьих, не захватывая брюшка и спинки, срезываются кожи с телом без костей, кои после рассекаются поперег на рубешки и потом на шестах вывешивают и сушат, а когда высохнут, то поджаривают на огне, чтоб не сгнили и не заплесневали, и, наконец, связывают в связки, называемые беремя, в каких до двадцати десятков поземов обыкновенно бывает. Сие есть то же самое, что камчадалы и по реке Енисею называют юколою. Брюшка же и спинки рыбьи, в коих больше жиру имеется, по отделении от костей немного на ветру подсушивают и притом, чтоб призакисли, потом прячут в котлах, размешивая лопаткой, покудова закраснеет, и как испряжется, то простудя складывают в берестяные лукошка или оленьи брюшины[15], и сие называется варка.

Делают также поземы и из мелких рыбок таким же образом, как и первые, но их толкут в нарочно сошитые из осетровых кож кули, что и называется ютта.

Порсу делают из чебаков и мелких сорог, коих распластывают совсем на-двое и высуша толкут с костями так

мелко, как муку. От первых же припасов кости равным образом не без употребления остаются, но их также сушат и зажаривают, как и поземы, для себя и для собак.

Из прочих же внутренних частей рыбьих, как из кишек всякой белой рыбы, варят остяки жир таким образом: перво, вынув из рыбы все черева, кладут в котел, водою наполненный, которой непокрытой стоит у их в чуму до тех пор, пока кишки протухнув жир из себя выпустят, которой поверх воды и плавает, а кишки на дне остаются, после снимают на воде плавающей жир кеулем или мелким уполовником и кладут в другой котел, потом варят на огне до тех пор, пока начнет хлопать и стрелять, что значит поспело. Около Тобольска так хорошо жир варить не умеют от незнания времени, когда ему поспеть надо, потому всегда бывает горек.

Из красной же рыбы везигу хотя и достают, однако варят редко, которая также стрельбою своею поспелою узнается, но по большей части едят сырую, не касаясь до ее ножем, инача худой промысел той рыбы по своему суеверию заключают. Головной хрящ не за последнее кушанье у их почитается, варят его и сырой едят, только при всяком разнимании прямо ножем по голове не разрезывают, но накось; иначе нещастливой промысел заключают.

Клей из осетров варят карлуками в котле до тех пор, пока всплывает наверх, а после горячей в холодной воде закаливают, оной уже совсем за готовой почитается и им все легкое клеить можно; но другой есть такой, которой по вынятии распяливают и на ветру сушат и которой, в случае надобности, еще варить должно.

Напротив того, самоедцы, кроме сего клею, еще делают из рогов оленьих, кои растолча кладут в котел и наливают воды не полон, которой кипит до тех пор, что останется только одна гуща, на которую еще наливают, что выкипело, и так до трех и четырех раз варят так, что останется на дне один густой кисель, наподобие крахмалу, коим и клеят по сказкам еще крепче, нежели осетровым клеем.

Во время недостатка прочих клеев варят также и из оленьей крови, которая, кипев долгое время, загустеет.

Теперь осталось выяснить, из каких рыб поземы и варка бывают, то всякая крупная белая рыба на поземы и вар-

ку употребляются, но самые лучшие из муксунов бывают. Поземы часто едят одне охотно, но для гостей вместе с варкою поставляют, потому что первые сухие — вместо хлеба, последняя же, жирная, вместо масла употребляется, а в случае недостатка в поземах и ютта случается. Порсу едят просто сухую. Горячего употребляют мало, а рыбу свежую варят иногда летом и зимою, и то для приезжих, где остатки уже достаются хозяевам, между тем не редко оне употребляют бурдук, которой состоит из одной воды, к коей прикладывают для навары варки немного или костей рыбьих, и как начнет кипеть, то подмешивают муки и хлебают большими ложками, или по-тамошнему кеулями.

Напротив того, большее их употребление сырой рыбы едва дозволяет лишние изготовлять кушанья, да и правда, что их состояние не требует учиться ни варить, ни стряпать, ибо летом и зимою, коли есть рыба, то едят с удивительною жадностью, летом трепещущую, обрезывая до костей большими ремнями, обмачивая в кровь, взяв один конец в зубы, а ножем из-под низу отрезывают наотмашь подле губ самых, зимою ж мерзлую стружат ломтями и так трескают с великим аппетитом. А когда им рыбы сварить случится, то оную откладывают на особливой лоток, где, разведши немного рассолу, берут руками и, обмочив кусок с рукою в рассол, ест и облизывает пальцы, и сие можно почесть у их за каждодневное умывание, потому что в горячем рассоле грязь от рук скорей отопревает, и он языком обтирает.

Уху же хлебают теми большими кеулями или уполовниками, столь крепко прижимая зубами, что такие толстые ложки едва им достают на год, ибо каждой ложку свою так скоблет, что от употребления у новой через неделю морщины появятся.

Когда бьют оленей, то ни одна часть сего зверя даром не пропадает, ибо самые рога, весною мохнатые, у оленя отбивают и, ободрав с их кожу, опалив на огне шерсть, едят сырую вместо студени. Кости ножные разламывают тут же, и мозг теплой достают с приятностию. Напротив того, и на прочих костях самой тонкой перепонки не оставляют, голову же никогда не варят, а всегда мозг сырой едят[20]. Прочие части мясные варят в котлах, и хотя из одного котла нали-

вают в ночовки, однако все не едят вместе, а каждая семья на особливой, и притом жена с мужем никогда вместе есть не смеет, а всегда после что останется.

Кроме сего, едят также охотно и всякого зверя, не выключая падину зверёву и птичью, не только свежую, но в голодное время и у червей отнимают. Медведей, волков[21], лисиц, песцов, белок и проч. никогда не отметают, почему совершенно их можно почесть жадными, ибо и самые богатые, у коих есть что есть, однако сию редкую диковинку вместо лакомства употребляют.

Питья иного, кроме воды, не знают, но удивления достойно, что оне, разъезжая по тундрам, пьют всякую, где б какая не случилась, воду без брезгливости и без всякой в здравии перемены.

Но часто случается и то, что оне, стоя зимою на безводных местах для оленного корму, тают снег для питья и пищи, которой, однако, с равною же пользою употребляют.

Глава IX
О их болезнях

Сие, общее у обоих народов, пищи употребление, уже более мне не дозволяет касаться ихным разностям, но какие б от таковой пищи болезни происходили, можно верить, что молодые у их люди никогда почти не немогут, а разве под старость приключается расслабление во всем теле, то можно почесть от лишних его в молодости трудов, а не от пищи и потому кажется, что в сем случае каждой остяк избегает болезни; в противном случае, от малой немощи, естьли он оставит труды и телодвижение и дастся постели, то наитягчайшие приключаются припадки, которые обыкновенно во гроб их вгоняют. Я не слыхивал, чтоб между сими народами кто умер без долговременной немощи, а о скоропостижной смерти, которая больше между березовскими жителями бывает, и не ведают. Обыкновенные у их болезни всем известны: в молодых детях оспа с горячкою, которая хотя и редко случается, однако когда попадает к им в юрты, то по неосторожности редко и старики от оной освобождаются, но многие есть такие, которые до смерти сей болезни не знают. Лихорадке, равным образом, более

малые ребята подвержены, нежели пожилые. Старикам и ленивцам досталось расслабление, коей сопричастны подагра и цынготная. Напротив того, и французская болезнь им нередко бывает знакома и хотя ото всех болезней они никаких средств к излечению не ведают и не изыскивают, однако те, кои сею последнею щегольскою любуются, по довольном уже страдании издыхают спокойно с тем больше удивлением, что от их к другим она не переходит, хотя и без всякой осторожности с такими здоровые поступают.

Впрочем, и все болезни или, прервав жизнь болящего, оканчиваются или сами собою отстают. Сему можно поверить, что остяки и самоедцы, презирающие мысли болезненные, более спасаются, нежели русские, которые о всякой болезни с опасностию много думать привыкли.

Одно у их есть мучительное лекарство или от лому ил от некоторой напухлой инфляммации — прижигать болящее место чагою или березовою накипью, которую, зажегши, кладут на здоровое тело (по-остяцки называется вошь). Она везде там кладется, пережженная в золу, в табак для крепости, но через то табак получает дух не очень приятной, но поелику начало или корень, как сказать, той болезни горящею чагою не скоро найти можно, то иное изыскивают таким образом: кладут оной уголь на больное место естьли жжет, то не в том месте и начало, от которого болезнь происходит. Таким образом перекладывают с мест на место до тех пор, покудова найдут, где телу жару сильного не будет слышно, тут оставляют уголь на теле долго время и, хотя ему чувствительно, однако, терпит, а чаг горит на том месте до тех пор, покудова прожжет кожу и, догорев до здорового мяса, отпрыгнет, тогда больной получает здравие.

Напоследок во всяких опасных случаях от обжорства чилибухою невзначай или и от случайного запору пьют жир рыбей ковшами, отчего у их служит в оба конца вместо рвотного и проносного.

Но сие лекарство более бывает между русскими березовскими жителями, где лекаря совсем нету, в прочих ж болезнях остяки слушают наставления также и от русских баб, которые сами на утре не помнят, что вчера предписывали.

Глава X
О их законе

Закон у всякого народа свой есть, но между всеми прочими, разным образом дикими народами, более имеется порядку, нежели заблуждения, какое между сими беспутными остяками и самоедью происходит, ибо, естьли можно сказать, то у всякого человека почти свой закон в его чуму особливой. Заблуждению их и незаконству довольно надивиться нельзя, хотя они и по примеру предков своих поступают, однако не искореняется глупость прежних установлений, но умножается дурачество; сие в пример представить можно без всякой опасности, что предки их от идолопоклонников ли произошли или от каких чуждых народов, разные веры имеющих, неведомо. Но идолопоклонники в своей мере всегда порядок имеют непрерывной, а сии, хотя и таким же столбам поклоняются и бесчувственным вещам, однако, вдобавок пусчего их заблуждения кланяются и тому, что у их было прежде во употреблении, чего прежде гнушались, тому напоследок умильные отдают почтения. Просто сказать, что у их закону нету, а имеют только остатки идолопоклонства, которые напоследок и вовсе искоренятся. Почитают и хвалят заблудшее о столбовых своих богах разсуждение. Греху и добродетели, не знаю, что б они приписывали. Идолу своему, инно мало-мало человеку подобному, инно и совсем не сообразующему, кланяются, почитают и в случае нужды просят его со умилением. Хорошо, коли так сделается, естьли же не по вкусу просящего, то чем бедной болван провинился пред хозяином, что стоял в углу, молчал, смотрел и смеялся его дурачеству, чрез что получил себе наказание, что он его рубит, бьет, увечит и всячески мучит за то, что не подал ему помощи.

Часто такие вещи, которые оне у русских не дешевою ценою покупают, как коробки, ящики, ножи и прочие мелочи, имеют быть в числе богов ихных. Я сам знаю, что коробка, железом обложенная, которая несколько лет была в держке у хозяина, та ему крепостью своею полюбилась, и он ее обоготворил за то: обвесил ее разными лоскутками, перепоясал многими поясами, снабдил многими кольцами, перстнями и разными снарядами украсил, поставя в пере-

дний угол, содержит в божеском почтении[22]. Щастлив тот столяр, которой коробкою своею бога сделал. Щастлив и продавец, что продажею угодил шайтану, взяв хорошие за то деньги.

Иначе поклоняются горам, коих или ужасаются или какую отменность видят от прочих, таким отдают почтение из луков стрельбою в какое-нибудь, также особливое, дерево, равным образом и деревьям также служат. Однако вящее богослужение приказывает им иметь каких-нибудь болванов, коих они делают не только в образ богов, но и после умерших некаких ворожеев или богатых, или какими особливыми делами прославившихся, поставляют в знак памяти и просят каждого о том же, в чем его ходатаем почитают, и таковых они полагают себе за заступников.

В каждому чуму имеется рукотворенной бог в образ человека, маленькой, сделанной инде коробка, инде палочка или дубинка, а инде и кляпышек или клин деревянной. Всех их богов описывать много да и притом же они имени не имеют, так и нужды в том мало.

Домашней бог, или болван, имеет большую себе почесть, ибо стоит в переднем углу, пред собою имеет ящик, куда обещанные ему кладут подарки; каждой день от кушанья помазываются его губы, а между прочим имеет при себе большой рог с табаком, чтоб нюхал и отлеп (таловые мягкие стружки), чтоб затыкал ноздри и утирался. Оной табак, какая бы нужда ни приспела, хозяин не смеет взять, ниже напойки, боясь, чтоб не раздражить своего заступника. Русские, приехав к им в чум, часто делают, что у шайтана, высыпав ночью, когда все спят, табак, тихонько оставляют рог пустой, что служит у их поутру к немалому в суеверии подкреплению и удивлению, как, дескать, шайтан нынешнею ночью так много табаку вынюхал, — конечно, куда-нибудь за промыслом отлучался.

Все в чуму, не выключая баб и девок, каждой имеет своего собственного болвана, а иногда два и три, коих каждодневно, по обычаю своему, тешат.

Впрочем, хотя они никаких священных чинов и не имеют и праздников не знают, но при всяком жертвоприношении служат только шаманы или ворожеи, которые хитростью своею глупой сей народ обманывают; они, по боль-

шей части, и уставщики их веры и закона, другие — богатые люди, ибо во всяких случаях, что один начнет делать из ихных почтенных, то и все прочие ему последуют.

Божков своих происшествие полагают от предков и, хотя их обожают, однако власти над светом никакой не приписывают, а изображают одного вышшего над оными таким же болваном, как и прочие.

Почитаемый во всем роде остяцком бог и славной изо всех идол установлен в Воксарковых юртах, около семидесяти верст ниже Обдорска. Стоит в лесу, куда от русских и дорога скрыта, опасаясь, чтоб не обокрали, тут ему наибольшее почтение и жертвоприношение бывает ото всех, некогда и нарочно приезжающих. Имеются два болвана в образ человека: один мущина, другой женщина, сколько возможно, по остяцкому обыкновению, великолепно убраны со всем остяцким одеянием. Стоят в лесу, в маленьких, нарочно сделанных теремках, одеты в суконные малицы, всякими литыми оловянными, медными, железными фигурками снабженные, в пимах, и на голове венцы серебряные, вкруг их накладено довольно всяких домовых вещей, как чашек, ложек, ножей, рог с табаком безотлучно бывает и прочее.

Примечено, что мущины мужскому болвану, а женщины женскому кланяются, служат и всеми силами равным образом украшают, и в особливое время жертву без мужского полу приносят, где также и служит ворожейка, а не мущина. Вокруг их развешены на лесинах оленьи постели, которые после жертвоприношения ему в подарок на деревьях оставляют; дерево же, к которому болван приставлен, обвешивают разными сукнами, китайками и другими материями, а наверху обвивают жестью и привязывают маленькой колокольчик, которой во время ветру позванивает, по лесине же развешены инде небольшие лука со стрелами и прочее.

Сие болваново место остяки несказанно берегут, чтоб проезжие как бы не покрали, ибо прежде у их бывало, и во многих местах такие богатые идолы по лесам расставленные, и многими богатыми вещами одаренные, бывали и деревья стоящие, равным образом обогащенные, и в лесу оставляемые, но узнав, что русские до таких вещей, на-

прясно тлеющих, лакомы, то ныне делают иначе. Из того дерева сделают большой чурбан, которой нарядят хорошими сукнами и однорядками, снабдят всякою посудою и так привозят на то место и по принесении жертвы опять увозят обратно.

Болваны, после умерших, не незнатных в своем роде стариков, имеют также себе почтение, ибо где он жил, сыновья его сажают вместе обедать, откладывают ему особливо и просят, чтоб покушал. Сие продолжается чрез целой год. Напротив того, и жена, естьли мужа любила, а он умер, то сделает себе в знак памяти болвана, потчует его и всячески довольствует, и с собою на постелю спать кладет, но сие показано будет ниже.

Напротив того, все места, кои в лесу богам отведены, как дачи, или по протокам, или урочищам и горам, в таком святом у их почтении пребывают, что не только ничего не берут, но и травки сорвать не смеют, ибо, по их мнению, надо неотменно того шайтана озлобить, если чему-нибудь в его дачах коснуться, чего ради ниже дерева рубят, ниже из реки воды против того места пьют по тех пор, пока пределы его границ проедут с такою осторожностью, чтоб и близко под берег не подъехать и веслом до земли не коснуться. Оное столь крепко наблюдают, что как бы ни захотел пить и что ему ни сули, однако пить не будет. Часто бывает, естьли у шайтана пределы проезжать далеко, то запасают с собою воду, и как бы его нужда ни приспичела, однако не выйдет на берег, разве проплыв шайтанские границы.

Все места, где такие славные шаманства производились, долго между потомками еще почитаются, но разве уже совсем знаки того места уничтожатся, нередко у их и места также переменяются при жизни еще славного тадыба, что бывает по некоторым особливым примечаниям, ибо случается, что в некоторых хороших местах увидят много птиц и зверей, такое почитают богам приятным, напротив того, естьли увидят орла, несколько лет на одном дереве гнездо вьющего, такое дерево, равным образом и место, своим шайтанам посвящают, а орла так берегут, что за великую себе обиду почитают, естьли узнают, кто отважился разорить гнездо его.

Часто бывает, что весь остяцкой народ в великой страх и печаль предается, а особливо тогда, когда какой-нибудь

полномочной проедет и против их установлений что-нибудь сделает, тогда они долгое время будто бы вне себя ходят, не зная, как умилостивить своих шайтанов, ибо оне все единодушно думают, что русской от их оплошности узнал о их законе и то сделал, то неотменно и полагают, что какое-нибудь отмщение от богов им воспоследует. Сие натурально рассудить можно, что и просвещенные люди от многой думы довольной вред себе получают, а сии в то время так бесятся, что истинно ни о чем не мыслят, как только опасность себе представляют, а особливо их богомерзкие шаманы в тогдашнее время то и дело им сны свои толкуют. Иногда жертву приносить и шаманить советуют, иногда разные происки изыскивают к их большему утеснению думы, ведая, что ему за каждое жертвоприношение и шаманство каждой должен платить по возможности, и знает, что ему последнейший из остяков не даст меньше одного оленя.

Таким образом, в таковое время немалая погибель бывает оленям и немалая корысть помянутым обманщикам случается, ибо богатой, будучи со всех сторон такими плутами уверен, уже вдался в печаль большую, чего ради не рад уже становится всему своему имению, не жалеет целого стада оленей поставить пред шайтана на разные мучительные кары, не жалеет поднести наилучших зверей своему шайтану на умилостивление, не щадит себя, также и дарит ворожея, желая от его выслушать доброго предвестия, однако по тех пор желаемого не получает, покудова не исполнится шаманская ненасытная утроба.

Глава XI
О их тадыбах, или шаманах

Теперь приступаю я к их шаманам, или ворожеям, по-самоедски — тадыбам, кои у остяков в такой тайности содержатся, что хотя и спросишь у его про шамана, но он не только имени его не скажет, но и от искусства его отпирается. Сии обманщики хитростью своею заслуживают у их некоторое почтение, а каким образом они в шаманы производятся, того совершенно сказать не умею, слыхал только, будто бы от частого толкования снов они признаются от народа, однако сего недовольно, ибо без какой-нибудь на-

уки от прежних ворожеев и без употребления бубна не может он к такому страшному по их делу приступить на первой случай и предсказаниями своими ответствовать на вопрос при шаманстве стоящего народа, но должно думать, что отец или мать, не хотя открыть своих обманов пред глупым народом, обучают сыновей своих, утверждая их в истинную; однако мы хотя и почитаем их невежество обманом, но они, верно, не от хитрости, но от заблуждения это делают и сами тому ж не верят. Они ни малой отмены ни в житии, ни в поведении, ни в чем не имеют и не разнствуют от простого остяка, а только что титул носят шамана, которой все народы издревле почитают. Напротив того, все шаманы одними только мнениями отличны, потому что завсегда на лице своем носят удивительную важность, чрезвычайно много думают обо всем, почему и кажутся они будто холерики; обо всем толкуют с великим уважением и, напротив того, сие знак вящшего его достоинства — бешенство и пуглиность, которыми они так одарены, что нельзя думать, чтоб сие была правда. Я не знаю, чему его между ими приписать надо: слабости ли их состояния, или легковерию, или вовсе глупости. Правда, за лучшее признаю причислить оное к роду болезни, но тем невероятно кажется, что вдруг в здоровом человеке сделается такая перемена, которая нередко до худых следствиев доводит; и хотя весь народ, как видно, от природы пуглив, но сии шаманы уже неудобоверимо пугаются самой маленькой безделки, а особливо тогда, когда его рассердишь, тогда он несказанно бесится, скачет, валяется, ухает, бьет и что б ему в руки не попало, всем готов уязвить предстоящего. Самое начало их пуглиности, когда дразнить начинают. Свист лишь только услышит, тотчас из лица выступит, побледнеет и начнет мешаться; потом, естьли на его дунешь, тоже последует, а после, ежели ему хотя чурку покажешь, то ему ненедомо чем покажется, которой он со всяким поспешением убегает, обороняется и всячески страшится. Я знаю одну бабу, которая не бесславная колдовка, и во многом правду угадывает, только у их не шаманит за старостию. Она столь пуглива, что не только дальнего свисту, но и ветру, в щель со свистом дующего, боится. Сие, неотменно должно почесть, происходит от отягощенных их разными мнительными иде-

ями голов, которые иначе были бы пусты, естьли бы разными страшилищами не были наполнены.

Ворожит она, смотря на огонь, на воздух, на солнце и прочее, но каким образом, того ниже самым цельным вином и спросить не можно. Другого видел я на р. Енисее самоедина молодого, в Селякине зимовье, которой больше показал страсти своего помешательства, ибо когда ему покажут палец, то он боится, представляя, будто бы его палкой бить хотят. Сие из того разуметь можно было, что он хватается за его обеими руками и после сам укрывался, потом по долговременном чрез толмача уговоре, чтоб ничего не боялся, надел я на его руку черную замшеную перчатку и сам уговаривал. Он перво смотрел на ее пристально, а потом так взбесился, что естьли б подле лежащей топор попался ему в руки, то б верно не спастись бы нам было: он ревел изо всего горла, бросался во все стороны, искал, чем бы обороняться, трясет всею рукою, чтоб сама перчатка свалилась, а другою рукою и прикоснуться не смеет, представляя себе, что его не моя рука, а медвежья лапа, чего ради с страхом принуждены его схватить и перчатку сдернуть, тогда он мало-помалу образумелся[23].

Таким образом, весь оной род людей по своему малоумию так пужлив, что в сем одном имеет немалую отличность от прочих диких народов, однако простые, еще несколько отважнее, кроме богатых и пужливейших шаманов. Русские, а особливо незнающие в шутках от своей братьи, подбиваются испужать какого остяка или самоедина, нередко такую веселость с большим уроном терпят, так что естьли не успеют разбежаться или его схватить, многие от его ножа горестно погибают. Напротив того, и испужавшемуся, естьли противники не попались, то он, тайно, с злобою взошед в юрту, позабыв своих сродников, отца, мать, жену или кто попался, всех бьет или колет, ежели в скорости не схватают. В таком случае, коли схватают, образумлевают его опять паленинoю, то есть тотчас отрежут лоскут от оленьей постели с шерстью зажгут и дадут ему понюхать, тем он здрав становится.

Равным образом их шаманства происходят с великим бешенством, скачкою, ломанием и со всем кажется мучительным образом.

Оные их шаманства бывают более от видения снов особливых, когда ворожей во сне видит что-нибудь страшное или удивительное, тогда созовет соседей из ближних юрт на предсказание, или и из простых также кто что увидит во сне, то и спрашивает своего шамана. Таковым вопрошающим волхвования отправляют таким образом: ворожей или волхв связавшись бросается на землю и делает разные своей харей чудобразия, ломается и, при великом в чуму огне, коверкается с плачевным разговором и ожидает пришествия диявола, которой будто бы на вопросы от его ответствует о предбудущем и будто показывает ему место, где лучшей зверей промысел будет, также и во враждебных делах подает способы к избежанию напастей, а между тем ожидающие нетерпеливо ответов стоят с непрестанным криком, стуком в котлы и в доски и прочим шумом около его, до тех пор, пока над им синей туман или дым явится и обстоящих разгонит (но он действительно и без того весь в дыму стоит, потому что, где он ломается, тут во все время огонь дымом курится), а шаман, подымаясь, то и дело бросается во все стороны будто угорелой, через что они больше часа без памяти и без чувства бывают, а очнувшись, вопрошающим держат хитрые ответы, что только вздумает, то и бредит, рассказывает им все, как он видел дьявола и что с ним происходило, и совершенно, что его пустая голова и в спокойствии мало о добром помышляет, а в таких беспокойствах может быть какими мечтаниями и заражается, но сие всякой благоразумной человек рассудить может, что сущей обман и самое заблуждение и что оные плуты шаманы для бездельного приобретения сами себя ломают и мечутся так, что после ослабеет и приходит в беспамятство, но чтобы дьявол мог ему что-нибудь сказать о предбудущем, не токмо закону христианскому, но и разуму человеческому противно, так никто не токмо верит, да и за истину поставлять не может; только то подлинно, что оные шаманы, как хитрые и догадливые люди и в обстоятельствах дела о многом догадаться и некоторые следствия предсказать могут однеми только догадками, но опасаясь, чтоб оне в вралях не остались, то ответы свои сказывают так, что из их надобно только заключать, а естьли что не точно сделается, то они свои слова толкуют в иную сторону и бедных людей верить заставляют.

Я в мою езду между простыми остяками и самоедцами никого не находил столь любопытных, столь к вопросам прилежащих, как сих шаманов, которые обо всем выспрашивали меня, что до их, кажется, и не касалось, а сами о своем ничего не рассказывают, а хотя что и скажет, да и то нехотя, а от больших вопросов всячески убегает.

Самоедское тадыбетво не имеет узаконенного времени, когда б оному праздновать надлежало, но оне, согласясь, как вздумают, так и позовут своего шамана. Уже небезизвестно, что помянутым шаманам каждой день снится, по которым снам они и толкуют, как ему захочется. Иногда же и один, кто вздумает, зовет, один за посещение и отдаривает, а естьли все звали, то все и дарят по возможности. И так званой такой тадыб, или ворожей, приходит в чум богатого самоедина в обыкновенном самоедском платье, гусе и малице, а между тем с собой приносит бубен и платье, которое он в действии надевает, садится, пришед, посереди чума на одной стороне. Между тем, знающие будущую ворожбу, смотреть кто хочет, сходятся вкруг его по обеим сторонам чума, в то самое время раскладывают в чуму большой огонь и сушат бубен, чтоб был звончае, а он, между прочим, одевается в платье суконное или ровдужное, к коему вокруг пришиты разные лоскутки суконные или кожаные, к рукавам и на спине привешаны железные цепи, чтоб был гром, когда он ломаться будет, и так, когда он оденется, то все самоедцы, кои тут есть, закричат сильно в один голос с протяжкою: «Гой!» — а потом долгое время перекликаются между собою порознь: «Гой!.. Гой!.. Гой!.. Гой!.. Гой!..». Тогда ворожей, сидя на своем месте, перво озирается диким образом, поглядывая на все стороны, поводит глазами, вверх и вниз смотрит, потом берет бубен в руки и перво колотит тихо, сделанною нарочно к тому палкою, обшитою оленьей лапой, или по тамошнему кысом, сидя на том же месте, где сидел и прежде, потом колотит шибчае, а напоследок изо всей силы и, вскоча с своего места, скачет по чуму и ломается, брося бубен в сторону, долгое время так бесится, при большом огне, в дыму, отчего такая в нем сделается перемена, что иной обессилевши падает на землю и так рассказывает, пев то, что ему во сне снилось, и что он из того заключает к уверению председящих.

Другие же есть такие, которые в таких случаях делают невероятные действия, и хотя совсем непонятные человеческому разуму, однако же, уверясь словам и самых самоедцов, и русских людей, кои некогда слыхали и видали, осмеливаюсь предложить не к возмущению гисторию, но к слову слышанное, неудобоверимсе и совсем непонятное дело, но во всей тамошней стране за правду полагаемое и несомнительное: среди самого шаманства и шаманов бешенства, некоторые только из шаманов просят нож, коим колются сами или другому дают себя колоть, которой немалой величины, впустя по самой черен, вытаскивает без всякого кровавого знаку на ноже. Знаю я сам, что шаманы в то время не толсто одеваются, но каким образом избегает ножевой язвы, держа нож против самого брюха, очень сомнительно. Другие ж*, перевязав шею веревкой, концы дают двум посторонним человекам, чтобы тянули изо всей силы и голову б оттерли, которая по сказкам самоедцов и отвалится в котел, нарочно подставленной, но по прошествии несколько времени тадыб здрав востает и с головою[24]. Невозможное дело.

Правда, хотя сие без знания обмана кажется и невозможно, но должно почесть, что неотменно в сем деле есть какое-нибудь их искусство или и сущей глупым зрителям обман. Недаром все оные шаманы таятся русских людей, чтоб не усмотрели их хитрости. Правда, что сие и не все шаманы представляют, но я слыхал про многих и ведаю, что у меня в провожатых от Обдорска до Северного окиана такой самоедской шаман был, который всему етому был искусен, но прочими самоедцами так утаен был, что по отпуск его не мог ни от кого наведаться, кроме сторонних, про его искусство, однако хотя б и во время его у меня бытия спознал про его шаманство, но прочие б все о незнании свои головы за его положить поручились.

Но мы возвратимся к прежнему своему делу о продолжении их шаманства. Когда он, очнувшись, поет при вели-

* В числе провожатых чтиз тундру до Северного окиана я имел такого тадыба, который сему был искусен, и хотя я знал, что они русским таких фокусов не открывают, однако и он, спознав, что я единственно за таким делом послан, посторей от меня отпросился назад, а я, не зная про его искусство, отпустил обратно. Он назывался Локс.

ком жаре, в дыму, испущая страшной из себя пот, то другой, подле его сидящий, повторяя его речи, подпевает тут же, и так далее продолжается без всякого особливого окончания. Но когда петь перестанет, то все по своим чумам расходятся, подаря своего тадыба по возможности. Из говоренных речей всяк свое мнение в заключение будущаго прилагает.

Сие у их употребляется во всяком особливом случае, но богослужение их, хотя и соответствует разным образом безумию, однако производится иным образом, но нередко и с шаманством.

При жертвоприношении употребляют оне все, что им мило, то своему болвану и посвящают, иногда живые рыбы приносят и, положа пред мнимым своим богом на землю, кланяются (подобным образом, как приходит и к воеводам) и просят о неоставлении, а потом, тут же сваря, сами съедят, а ему жиром помажут губы, либо дадут ему в подарок какую-нибудь новую завеску, коею его обернут.

Другие приводят оленей и, поставя живого пред болвана, свяжут ему ноги. Тогда жрец или шаман кричит во всю голову, объявляя желание жертву приносящего, а прочие поют. Между тем, один, зашед наперед, натянув лук со стрелою, держит напротив зверя до тех пор, пока жрец не даст ему знать ударом палкою в голову того зверя, а третей рогатиной уткнет в брюхо, и когда убьют, то, взявши за хвост, обтащат три раза около того болвана, коему олень в жертву приносится. После того, выжав кровь из оленьего сердца в особливую посуду, покропляют свои шалаши, а остатками мажут губы своему болвану. Кожу оного зверя с головою, ногами и хвостом для украшения повесят на дерево, подле божка стоящее, а мясо, тут же сваря, съедят с великою радостью и непрестанным пением дьявольских* песен. Напоследок опять от вареного кушанья жиром болвановы губы помажут, а что не съедят, то возьмут домой и раздают по часточке своим приятелям и потчивают жен, от коего жертвоприношения иногда и домашней болван остальным жиром губы свои улучит помазать. По окончании обеда все начнут махать

* Песен никаких они не имеют, а кому что на ум пришло, то и лепечет[24].

палками и кричать во все горло, что кому на ум взошло, а сие значит провожание того божишка, где и кланяются ему вслед и благодарят, что благоволит к им на обед пожаловать.

При таких провожаниях делают оне разные действия: инде стреляют по три стрелы каждой, инно далее пение свое продолжают, но зачинщики всего — их шаманы и богатые люди, ибо что он только начнет делать, то и все подхватят.

Славное когда бывает у их жертвоприношение при многолюдном отовсюду съехавшихся собрании, тогда удивительное и жалостное бывает скотское падение, ибо при такой их ревности к болвану один другого превзойтить старается, желая пред всеми доказать свою усердность к проклятому изображению. Жалости более достойной, сей зверь олень, не ведущей будущего мучения, смиренно идет на жертву бесчувственному болвану, отдая жизнь свою глупости хозяйской, и действительно удивления достойно, что свет еще таковых кар не ведает, каковые глупые сии народы над животными умнейшими себя производят, ибо в бешенстве своем пред божишком не знает уж он, что делает: колет оленей всех в задоре, сколько ни пригнал с собою, и разве только под себя в санках оставит двух или трех. Желая перещеголять свою братью и доказать ревность к мнимому своему богу, всякие изыскивает кары и мучение: бьет, стреляет из лука отвсюду; колет же не так, как добрые люди, но со всех четырех сторон обвостренными кольями пропинают. Сие у их наивящше почитается, потому что олень, и сзади и спереди пропнутый, смирно преклоняет в изнеможении пред болваном колена, к их пущему заблудшему мнению, что, дескать, нашему болвану и олени покорны.

Других приводят к такому реки месту, где б был или омут, или бык, или какое б быстротою особливое место. Тут, навязав на шею оленю большой камень, кидают в воду и тем жертву свершают.

При частых таковых многолюдных жертвоприношениях можно сказать, что не столько в ясах рухляди собирается, сколько на приклад и пагубное действие пропадает, ибо, я думаю, каждый бедняк должен хотя раз по своей вере

чем-нибудь жертвовать своему болвану, а сие верно знаю, что в ясак он лучше худых два зверя положит, нежели одного доброго, которого своему богу посвящает, а богатым одного или двух зверей убить очень постыдно; того ради, по крайне[й] мере должен убить десяток или, при таком множестве народа, не стыдно будет и два или три заколоть. Между тем, каждый кроме того дарит болвана самыми лучшими зверёвыми шкурами, как добрыми лисицами, песцами, россомахами, соболями, бобрами и прочее, не рассуждая того, что лисица стоит многого числа денег, но бессмысленно на ветер отдается; и совершенно давно бы все тамошние ниже Березова леса белели б чистейшими оленинами, естьли б русскими хищниками число их не умалялось и ветром и дождем не изгарали.

Ежели убьют они медведя, то бывает опять особливое действие; перво, сняв с его кожу, повесят подле болвана — мнимого своего бога — на высоком дереве, творят ей великое почтение, просят прощения в убийстве, принося извинение и разные выговоры, что они в том не виноваты, ибо де железо, коим ты убит, мы не ковали, но стрелу оперили, и не их, а чужих птиц перье, которое в стреле так быстрое летение причинило, а просим прощение в том только, что стрелу, натянув, пустили. Понеже боятся, думая, что душа оного медведя им великий вред учинит, ежели с ею заблаговременно не помирятся.

Из сего видно, что оне во всех зверях душам быть почитают, но есть ли подлинно, по их мнению, и в прочих мелких животных о том речи заводить не случилось. Медведя же боятся и отдают ему душа, столь усердное почтение потому, что дерет их нередко. Но естьли бы в их стране слоны водились, то б они всех их за богов почитали.

В болезнях же равным образом поступают с оленями: смотря на долготу немощи, столько и убивают, но нередко при опасности болезни богатые и по десяти вдруг в жертву приносят. Приведенного оленя поставят перед чумовыми дверьми, сквозь которые протянут веревку, однем концом за ногу оленя привязанную, другим же за руку больного. Между тем больной, лежа в чуму, а прочие вне чума просят своего заступника — болвана, часто указывая на небо, чтоб он вылечил в немощи находящегося. Но как больной,

в чуму лежащей, нарочно или невзначай лишь только дернет за веревку, тотчас и давят оленя, а после варят и едят, кожу себе берут, голову, одну кость с рогами, на кол втыкают, а больному болящее место помазывают кровью и жиром и между тем обыкновенно лоб. Но естьли больной нечаянно за веревку дернет, то сие наивящше почитают, думая, что в тот час убить оленя самому богу так изволилось.

О присягах самоедских

Теперь при ихном заблуждении не непристойно кажется объявить и самые их клятвы и присягу, каким образом и с какими притом договорами они присягают, но чтоб клятву отличить от присяги, то упомяну здесь, что они хотя и всем, что только глазами видят, клянутся, однако их, так сказать, божбе не очень верить можно, ибо нередко при крайностях не оставляет он ни самого огня, ни неба, ни воды, ни воздуха, ничего иного, чем ни побожился, но еще обманет, и сие случается только в долгах или торгу с русскими, а в важных делах, как в воровстве, в верности и в прочем, заведены у их присяги, которые при сем прилагаются и на ихном диалекте и на русской язык переведенные, а хотя они некогда и против присяги бунтовать думают, то оное не должно почитать нарушением, а верно по какой-нибудь причине, либо увидят какую обиду от русских, коей давно избегнуть не могут, то от нетерпеливости и бунт заводят, который ни самим оружием утолить нельзя, кроме одной ласки, либо от какой-нибудь ложной вести, для их неспособной, которую пронесет между ими какой-нибудь бездельник. Однако напоследок более тому и достается, кто оное между ими выдумал, ибо оне уже тогда не стоят за своего товарища, когда узнают, что он ложь им предсказывал.

Когда они пред воеводою государю должны учинить присягу, то сведут их в одно место, а за множеством делят их на разные круги, положат пред ими топор, коим рубили медведя, и дают каждому с ножа съесть кусок хлеба и притом должны говорить сими словами:

C'hu malhana mam Parawadan elibjüd j̈ambana sowa sj̊unaéna ni — j̊engü charènt siĕk epsü, sowa ir madangu mang

jöljchewy aiwamir ni saldangù, apsananda chunjo chaëptschü nibyna ani amhari serkana sérta sjum taiwapsù, tjuki émnja hylowy worga sjum taaptaï, tjuki howurta njanju sjo ernja núlgèi, tjuki tupka aiwami soppat, char sjum mottidéngu.

Перевод:

Естьли я моему государю до конца жизни моей верен не буду, но волею отступлю и верность нарушу, надлежащего ясака не заплачу, сам куда уйду или иным образом винно себя учиню, то да растерзает меня сей медведь, сим хлебом, которой ем, да подавлюся и чтоб мне сей топор голову отсек, а ножем мне бы зарезаться.

Другой род присяги почти сему подобен, но разве для некоторого отличия в словах упомянуть здесь не непристойно, ибо сие зависит от толмача, которой им при присяге что велит говорить или делать, то они и слушают, но перед началом второй сей присяги расстилают медвежью кожу, а их около ее поставят всех на колени и посланной за присягою человек над головами их держит обнаженную саблю, а другой на ноже держит пред ими кусок хлеба, а сам говорит речи, которые они должны повторять каждой, а проговоря, каждому дает с ножа есть кусок хлеба, зубами велит кусать медведя и между тем, в знак сущей верности каждой ущипывает шерсти. Речи же говорят следующие:

Téda tjuki emnja Parawada budyri chaipjaidi sjan mjan sérkana sittè jinzeléide, amgari tabadangùda, mibyna chna chud aidaptangùda sainortschi èbta ijndykana misi sjantsch, sertaidi, parawada aiwamir pongana saldaide, budyri pongana sowansèr jilèldi, teda mamy manw dat, amhari mandanguda nibyna ni enselè ngun, tjuki palyna aiwa saptangùda char sit motridengùda, njan sjóna nichaidangù, pinsida worga sidy omtada.

Перевод:

Теперь в том государыне вы присягаете, во всяком деле будете ей послушны, что повелит или куда пошлет, хотя и на войну, живота своего не щадя, исправляйте, государев ясак каждогодно платите, между собою живите согласно, теперь из говоренных мною речей что преступное учините или не будете послушны, етою шпагою вам головы отсекут, ножем себя заколете, хлебом подавитесь, страшной медведь вас съест.

Естьли между ими сделается какая ссора, то выбирают посредственников и, буде по сказкам обоих еще решить нельзя, то велят одному из их учинить следующую присягу: перво поведут его к божку и от неправой клятвы увещевают, представляя ему страшные примеры, потом дадут нож, коим он болвану нос отрезать, и топор, коим он божка порубить должен, говоря:

Chu mahana man tjukì purdorpyhsyna sjakan chaì pjangu, taïbì joltjchembòj man pyleù jodam, tupkana ajami jandana taaptangù, worga poderana sjum omtai, sjan mjan ja'hsida ser man nja'nda tutta.

Перевод:

Естьли я в сем споре неправо клянися, то хочу равномерно нос мой потерять и топором изрублен быть, и чтоб меня медведь съел в лесу, и всяко бы бессчастие на меня пришло.

Сию же клятву употребляют и свидетели, чему крепко и верят, и естьли кто неправо оным клялся, то, конечно, какое-нибудь наказание вскоре последует. И действительно, сей народ в таких случаях столь справедлив, что при ихной дикости можно их в сем почесть вернейшими, ибо он после такой присяги и во время оной весьма всего боится, почему и надежно, что нещастие воспоследует от угрызения неправой совести, и он неправо присягнуть не смеет. Впрочем, в небольших ссорах и обидах разбирательство имеют их князцы, а о других важных делах просят выше.

Что ж касается до князцов их, то оные никакого ни окладу, ни особливого почтения не имеют, кроме тех, которые жалованные грамотами от государей, да и те один только титул князца на себе имеют, а питаются всяк своими промыслами, по смерти же оных правление жалованных достается по наследству сыновьям тем, кои ясашными усмотрены будут и удостоены к тому способными, а у которого наследников не осталось, то выбирают между собою лучших и умных людей, но богатые по большей части у их в особливом пребывают почтении, почему и можно всех их назвать как старшинами, ибо всегда его множеством народа всячески встречают, многим числом, будто холопи, за им ходят, а пьяного водят под руки и носят за им, что подарочное или оставленное.

Глава XII
Об обычаях и поступках

Что касается до их обычаев и поступок, то нельзя сказать, чтоб у обоих народов не были одинакие, ибо как всегда пребывают и остяки и самоедцы между собою в согласии и всегда почти друг друга посещают, а особливо в зимнее время и мену между собою производят, как самоедцы меняют оленей и рухлядь на съестные припасы, то из оного заключить можно, что во всем у них сходственность немалая, кроме самых вероломных поведений, да и то не в лишнем отличестве. Обычаем, что они грубы, в поступках примчивы и просты, сие обоим народам сходственное, а что оне для хорошего человека с подобострастием не жалеют лучшего, обоим сродно. Одним словом сказать, что из их ни один не имеет пред другими преимущества и исполняют по своему поведению с большею только искренностию, ибо когда к ему из хороших людей кто приедет, то желает его угостить ревностно и для того велит тотчас убить хорошего оленя и сварить только для его язык, мозг и грудинку и несколько кусков сала, что почитается у их за лучшее кушанье и знак достойного гостя. После же обеда дарит его по возможности, желая доказать свою услугу и благодарность за посещение.

Но бабы остяцкие или девки никогда почти не кажутся и никогда почти видеть их не можно, потому что, лишь только появится новой в чуму человек, то тотчас, закрыв лицо вокшемом, отворачивается лицом к стене и что надо делает, а нередко случается, что и из чума совсем в другой чум уходят, и остается одна старуха, но сие у их не значит ревность мужнюю, но самой стыд женского пола, которой у обоих народов ни за что почти в свете не почитается.

Напротив того, о самоедках того сказать нельзя, ибо те никогда голов своих не покрывают и хотя в таком же презрении у мужчин пребывают, однако как мало проезжих у себя видят, так мало и стыдятся. Между собою они равным образом ни малого приятства, ни учтивства не знают, да и не сродны к тому, не знают оне, как шапки скидываются. Приехав к другому в чум, никак не здоровается, а садится прямо, где нашел место пусто. Хозяин же,

зная своего друга, уже знает, что его потчивать надо, но потчивание их уже известно. Зимой поставят варку с поземами или мерзлой рыбы, летом свежей сырой, или что сварит в котле, тем и потчует. Недавно еще, как они приняли от русских снимать шапки пред хорошими людьми и говорить по-остяцки — визя (здорово и прощай, все одно)[26], по-самоедски — дорово[27], которое слово, видно, совершенно русское, и они его при свидании и провожании гостя также употребляют, но понеже своего собственного не имеют, то между собою и не здороваются, а только с русскими так поступают.

Глава XIII
О увеселениях

Увеселений имеют между собой очень мало, а особливо самоедцы, и я почти совсем не слыхивал, может быть потому, что они, как народ кочевной, редко во множестве бывают, но, будучи на Енисее, слышал, что самоедские увеселения точно как и некоторые камчадальские, но в сем не могу ручаться; имеет ли по правую сторону Тазовской губы к реке Енисею живущая Самоядь некоторую отличность от обских самоедцов или нет, верно не знаю, того ради и увеселения здесь упоминаются не обских, а енисейских самоедцов, которые, стоя когда-нибудь во множестве при одном урочище, производят разные веселости, или просто сказать, кто что вздумает, тем и веселятся; иногда зачастую имеют увеселение в скачке, разбежавшись от меты по три раза, кто скакнет далее, также и борются, но сие и у обских остяков в моде.

Пляшут хотя и особливым образом от остяков, но с ураками[28] и тавгами[29] очень сходственно. Пляска их состоит не во многих разностях телодвижения, но каково одна пара делает, таким же образом пляшут и последние, хотя б какое множество их ни было. Самоедин, взяв бабу левою рукою за правую, ноги свои одна за другой наперед высовывает. Сам выговаривая полным ртом громко: «гой!», потом с ужимкою сквозь зубы в нос: «ги»... протяженно, потом опять громко: «гой!», а напоследок, забирая в себя дух, всхрапывает, и так далее. Сие не значит у их вместо песни, но будто бы для показания такты; баба же, напро-

тив того, подле его стоящая, стоя на одном месте, с приседанием выворачивает ноги и сама только всхрапывает при окончании каждого колена. И так за одною парою собирается и множество; тогда бегают кругом, держась руками друг за дружку иногда чрез целой день, желая одна пара переплясать другую****.

Напротив того, березовских остяков пляска гораздо удивительнее, мучительнее и смешнее, которые сими своими веселостями желают только представить самое дело, а не вымышленное, или пересмеять кого стараются, как видно из ихних песен, о коих ниже упомянуто будет.

Пляска ихная не до иного чего касается, как или до самых ихных промыслов, как они на оных поступают, или что увидят странное и смешное, то в пляске изобразить стараются с некоторыми лишними удивительными телодвижениями, коих словами и изобразить нельзя. Перво представляют пляскою, как промышляют лося. Пляшут по инструменту, домброю называемому, она же называется и шангальтоп и нарысьюг[30]; игрок старается изобразить самое качество и действие зверя, т.е. как он бежит, рысью или скаком, как стоит и прочее, а плясок тщится представить своим телодвижением, киванием головою, ломается, стоя на одном месте, руками и ногами, и головою стараться должен изобразить живо. И так мне самому случилось видеть то изображение на домбре и пляске, когда промышленник намернется гонить лося. Перво игрок играет по всем пяти струнам, изображая, как он бежит рысью, а плясок по такте топает для ясного изображения, потом, по игре, плясок изображает, как лось, остановясь, оглядывается на все стороны и смотрит, далеко ли от его человек, за ним гонящийся, находится, и так, несколько представляя бегов и оглядов назад, играет игрок с представлением плясока, как его из лука убить хочет и как убьет, то промышленник возвращается назад по веселой песни с радостию и веселою песнею, пляскою, но когда же зверь у его уйдет, то ясно изображает возвращение свое с великою печалию и гневом.

**** Как сама натура научает любовным хитростям, то и сии дикие народы знают как к любви приступать должно. Говорят, что во время пляски, когда движет у ее руку, то и узнает свое щастье.

Еще видел я игру на домбре и пляску, представляющую промышленника, идущего на соболиные промыслы, тащущего за собою нарточку, и так, идучи он через лес, представляет вышеписанными движениями, как у его нарточка за пень задела, как, отворотя, опять идет и напоследок, нашед следы соболиные, как щупает пальцом, узнавая следы оного, свежие ли они или старые, и, увидя, что свежие, как доходит до самого соболя и каким образом добывает, из дупла выгоняет, стреляет и прочее, получа же за труды соболя — с радостию, а не получа — с горестию представляя, возвращается[31].

Сие говорено было о зверях, до их веселых промыслов касающихся, но которые промыслы у их со страхом и отчаянием бывают, тех они не представляют. Я сколько их плясок ни видывал, однако нигде не случалось видеть, ниже слышать, кто б выиграл или б представил промысел медведей.

Есть у их равным образом и птичьи пляски, которые таким же подобием представлять стараются, чтоб трафить в самую живность, так например, журавля изображает, согнувшись и надев на себя долгое платье или полог, взяв в руки костыль, сделанной наподобие головы журавлиной с носом и долгою шеею, делает, повертывая ее на все стороны, т.е. как он оглядывается, как спит, как сидит сгорбясь, чешется, клюет, ходит, поет и прочее. Так, другую пляску представляет в образе мышелова или ястреба, ищущего мыши, и перво представляет руками и головою, как он летает по полям плавно, потом как вверх и вниз подымается и опускается, когда же найдет мышь, как трепещет над ею, с немалым писком протянув ноги, бодростию своею сложения оказывая охоту схватить оную, но когда мышь укроется, как он около того места летает и опять следит, а напоследок плясок вдруг падает на землю, распустя руки, представляя, как мышелов пымал мышь, распустя крылья, и она под им пищит, потом изображает полет мышелова с мышью и как станет оную трескать.

Хотя уже довольно примеров показано их пляски, однако нельзя не упомянуть и на смешные и такие увеселения, которые или касаются до своей братьи — остяков другого роду, или до русских, но я здесь приложу только одну, касающуюся до русских баб, коих они пересмехают, как

оне на реке рубашки полощут, ибо оне в своем житии и не знают, что такое есть на свете мытье рубахи, потому им сие и кажется не за малое удивление; и так, лишь только игра началася, плясок, тотчас взяв палку и навеся на ее всяких тряпок или что попало, кладет себе на плечо, будто бы коромысло, приходит на реку, разбирает рубахи, стирает, колотит другой палкой наместо валька, выжимает, потом вдруг останавливается и слушает: где-то, дескать, на гудке играют (зная, что русские бабы до музыки охотницы). Нет, ослушалась. Опять мыть начинает, потом вдругорядь услыхавши, любуется и тотчас тут же будто запляшет и так поскорее. Наконец, платье вымыть торопится, чтоб поспеть, дескать, по голосу, где так хорошо играют. Таким образом и бежит туда скоро и на дороге, будто по нестерпеливости, остановится и попляшет и так далее; тем оканчивают.

И так все их роды плясок за смешные почесть можно. Хотя оне и не выдуманные, а, можно сказать, натуральные, однако, не без трудности производятся. Ломание членов [в] таковых представлениях, можно сказать, мучительное, однако они не только болезнию сею не скучают, но еще кроме сносных ломовых позитур и лишне отваживаются ломать свой стан так, что от лишнего истечения поту напоследок в слабость все члены приходят.

Ломается, кажется, для того, чтоб его удальство и искусство смеючись похвалили; и действительно, в то одно и стараются, чтоб, изобразив, как можно живее, не отставая от такты, привесть зрителей в смех и некоторое удивление.

Бабьих плясок я не видывал, но слыхал, что оне таким же образом веселятся.

Что ж касается до песен, то правда, что они, видно, к выкладкам оных или не склонны, или не умеют, а часто слыхал у пьяных остяков и самоедцов, которые все поют то, что ему на ум узбредет, или что ему случилось, или что говорить хочет. Много я видал пьяных, которые, сошедшись, друг с другом песнями переговаривали все, что им надобно, а когда один в степи едет, то поет про степь, или про воздух, или про погоду, или что ему вздумается, без всякого складу, только голосом, куда хочет, поваживает, но и насмешества также в песнях у их или над своим братом, или и над соседами не не бывает.

В весенние свободные часы имеют они также и сказки, про которых я слыхал только мало, однако заключить можно, что их сказки явное в себе хвастовство и невозможность заключают, ибо естьли они в своих баснях коснутся до другого кого, то не иное стараются, как опорочить и тем самым примером себя превозвысить наиневозможнейше. Дикому и трусливому сему народу не иное что к ободрению себя служит, как небывалая победа в ссорах и драках, как рассказывают оне в своих сказах:

«Один-де был остяк, собою весьма сильной, которой поехал свататься и по несогласию мнимого своего тестя сделалась у их ссора, он один тут побил несколько тысяч человек, но, еще будучи тем недоволен, улетел в другое место и там побил столько же».

И так далее рассказывают по большей части о побоищах, разве несколько прикрася гисторическими словами, но что до второго моего предложения касается, то, кажется, нельзя не верить, потому что в городе Березове я слыхал и от многих русских, которые не к сказке, но к самой правде причисляли. Мнимая невозможность принудила меня сие повествование написать между сказками, хотя бы ему здесь и не должно иметь места. Вся невозможность состоит в расстоянии места, которое остяк, как сказывают, будто б переезжал от Обдорска, еще прежде их покорения, до самого Кондийского монастыря в одне сутки, на однех оленях, кажется невероятное дело, ибо от Обдорска до Березова хотя немерные версты, однако неотменно триста положить надо, а от Березова до монастыря — сто девяносто, то легко в сей правде усумниться можно, чтоб одне олени так много в сутки могли выбежать; однако верить можно потому, что я сам знаю такой особливой род оленей, которые немного и весьма редко в больших стадах случаются, притом же небезизвестно, что сей зверь, кроме всего, весьма легок, и я сам, на переменных, от Обдорска до Березова немного более суток выбежал.

Они же рассказывают таким образом: сие небезизвестно, что все дикие народы прежде покорения ни в чем ином, как в однех женах наиболее ссорились и воевали, то и вероятно, что у их прежде ужасные, как слышно, были кровопродития между собою, как и ныне есть остатки тех мест,

где славные побоища бывали, или на котором месте что особливое в тогдашнее время сделалось; те места собственные себе имена и поныне имеют. Тогда не было ни монастыря, ни Березова, а были одне чумы, которых стояло в местах по коленам инде множество, и так сей низовой остяк поехал вверх за невестой и, к монастырскому месту приехав, украл надобную себе девку и выехал обратно с девкой на однех оленях в одне сутки. Сие повествование носится между ими и поныне, и бывшее по сему тогда кровопролитие доказывает, что оное было справедливо, а я потому написал в сказках, что они сами между сказками употребляют.

Между прочим, в проезде самоеды меня уверяли и сказывали за самую истину, будто бы праотцам их около Чукоцкого носу попадались особливые люди, которых они (пыегооурта) носоедами называют, и говорят, будто бы они ловили живых людей и, разбив нос, кровь сосали и прочее, однако сему верить неможно.

Глава XIV
О сватанье и свадьбах

Сколь в презрении женской пол у остяков и самоедцов пребывает, того довольно изобразить неможно, а смею сказать, что у их женщины живут не как люди, но как надобной скот, без коего он обойтиться не может. Бедные бабы весь свой век в беспрестанных трудах препровождают, не зная ни отдыху, ни праздника, всячески ему угождает, все его состояние лежит на ей одной, а он с ей и говорить никогда не хочет. Грубость их поступок с женами довольно меня уверила, когда я находился около двух месяцев между самоедцами (смешное примечание: не знают оне никогда с женами целоваться, не знает никаких лобзаниев и ничего не ведают, как лучше в свете с прелестным полом обходятся). В дороге иль на месте в чуму мужик сидит, лежит или что делает, она ему во всем служить должна, не как жена, но как купленная служанка. Пусчай сего оспорить нельзя по их дикости, но в таких обстоятельствах хотя бы он ей говорил поласковее, а то нет у их любезнее слова по-остяцки или по-самоедски — нейру (баба). Приятнее бы было женке служить из сего имени, когда бы от его хотя б это

часче слыхала, а то, не сказав ничего, сам смотрит на небо иль на землю, а сам говорит о своей надобности, и она должна догадываться, что ей говорит о том-то. Правда, хотя вообще у сих народов женский пол по век имян себе не имеет, но, однако, за щастие себе почитает, естьли б он ее называл хотя полчеловеком, а человеком они только себя называют, как по-остяцки, Tahe[32], по-самоедски Chazowa, что значит мужик, или человек, и они хотя все имена имеют, однако поимянно друг дружку не кличут, а все оным именем. Так, напротив того, и бабы не называют мужиков именем, а по большей части вышеписанным названием.

В общем их житии мало стыда найдется и почти совсем нету. Мужчины обыкновенно сидят у огня нагие. Бабы остяцкие равным образом, часто при чужих людях, садятся в присятку у огня и, подняв подол за колено, без зазору греется, которое бесстыдное житие только выше Березова водится, но и у татарок не не в моде. Тем сей народ похвален, что любви мало разумеют, не избирают они жен себе красавиц, не смотрят на женские нежности, которых нету, а берут всяк по рассуждению своего состояния. Правда, хотя оне не не охотники, да и не ревнивы, одну жену иметь ему стыдно, и не почитает себя довольным, того ради берут многих, естьли только его состояние дозволит; но я мало видал таких, кои бы обыкновенно больше трех или четырех имели; на каждой должен он свататься, за каждую платить калым, не выключая ближней родни своей, ибо остяку или самоедину вольно брать братнюю жену, мачеху[33], сноху и прочее. В Войкарских юртах есть остяк, который двух сестер в супружестве имеет, и я не знаю, кто бы в остяцком роде был его на промыслах щастливее. Так свататься не только между ими, кажется, сходно, но и не бесприбыльно; только немногие так имеют, может быть, потому, что немногие столько приданого отдать могут, сколько за двух дочерей отдать надобно, хотя у их и то обыкновение, что естьли за первую отдал калыму столько-то, за другую сестру уже половину платить должен.

И так, рассматривая обоих сих народов, мало можно найти разности, а особливо в том, что я верно знаю, кажется, немного между собою различествуют, разве есть некоторая отмена в прочих порядках, кои мне неведомы. Здесь

намерен я описать ихные сватовства и свадьбы и хотя бы можно мне было по ихному между собою сходству написать в одном месте, однако я предложу и ту и другую порознь, через что могу уверить читателя, сколько они в обыкновениях своих между собою разнствуют.

У остяков за грех почитается взять себе в жены из того же роду, коего фамилиею сам прозывается, которая по мущинам у их счисляется, а не по женщинам, а естьли женщина вышла в другой род, родила дочерь, а в первом роде родился парень, то уже законные супружники, и так, не касаясь до племени своей фамилии, выбирает себе невесту из другова роду, хотя б двоюродную сестру свою, но когда иначе прозывается, то свататься и жениться на ей нет запрещения, того ради собрав к себе равных молодцов в поезд из ближней родни и выбрав сватчего, приезжает в те чумы, где живет отец избранной его невесты, входит прямо в юрту со всеми поезжанами; между тем, хозяин, видя такое собрание и зная у себя дочь, уже должен догадаться, за чем приехали, чего ради, не спрашивая причины их приезда, что случилось — тем потчует; когда же приехавшие наелись, выходят в другую избу и оттуда посылают сватчего, о требовании согласия и о договоре о калыме, тут довольные труды сватчему бывают, ибо, подобно торгу, тесть требует много, зять дает мало, и так сватчей то и дело из чума в чум переходит. Наконец, когда договорятся, жених, по прошествии несколька времени, отдает часть своего калыма (редкие есть такие, кои бы вдруг весь отдали, потому что между богатыми много и на ту и на другую сторону добра переходит, и редкая богатая девка уходит за калым кроме прочей рухлядя во ста оленях) и наказывает ему, чтоб на следующую ночь и место, где спать, и невеста б была готова. Когда согласятся, то в ту ночь и приходит зять к тестю и ложится тут, где ему укажут; после же приходит к ему и невеста, с коею перво для стыда лежат под разными шубами, а когда все уснут, то под одну переходят и так спят во всю ночь; а поутру смотрит мать, какова пришла дочка ее, естьли благополучная, то сейчас просит с зятя однорядку и оленя, он отказать не должен; естьли же не благополучна, то зять с матери требует то же.

Для славы благополучной невесты мать постелю, на которой молодые спали, изрезывает на мелкие части и разбрасывает во все стороны. После сего, покудова жених не заплатит полного калыма, по тех пор не может увести невесту в чум свой; однако, по милости отцовой бывает, что увозит ее со всем приданым и не заплативши всего, то отец, пождав несколько годов, приехавшую случаем в гости дочь свою удерживает у себя, чрез что принуждает зятя, чтоб он весь отдал.

Вышедшая такая невеста в век свой стыдится тестя, а жених тещи чего ради в первые годы после свадьбы ходит при теще в шапке до тех пор, покудова не сделает ребенка, и естьли она попадется на дороге, то, отворотясь, нахлобучивает шапку, чтоб он ее и она его не видела.

Взятую за калым невесту остяк не смеет ни за какую большую вину бить без соизволения своего тестя, ибо злобная жена тотчас уйдет к отцу своему и там нажалуется, говоря, что более с им жить не желаю, того ради раздраженной отец, естьли есть что, то тотчас бросает зятю своему взятый калым, а дочь берет к себе и отдает за другого.

Самоедин, напротив того, задумав жениться, выбирает ровную себе во всем невесту, не по красоте лица или славе, но по достатку, коим он с ей и она с им ровняться могут, и так приискивает свата, коему уже известная за труды награда — дать оленя. Собрав несколько человек из ближней своей родни, наряжается ехать в те чумы, где живет избранная его невеста. Приехав, останавливаются у чумов, не входя в избу; поставя все санки рядом, сидят каждой на своих санях, а жених посылает сватчего к будущему своему тестю о требовании совета в отдаче своей дочери за приехавшего самоедина, на что вскорости либо отказ, либо благословление получает. Естьли отказ, то с неудовольствием уезжают, что бывает немалою причиною их недружества, но сие редко случается. Естьли же невестин отец согласится, то тотчас имеет сват с им уговариваться и о калыме, что очень долго продолжается к немалой на дворе сидящим скуке, ибо отец невестин требует много, а жениху столько жаль отдать, и так сватчей перехаживает то и дело от одного к другому, перенося вести или договоры. Договоры у их обыкновенно бывают в том, чего у тестя мало или и совсем нету,

того от зятя и требует, как обыкновенно разные цветные однорядки, котлы медные и железные, сети, зипуны и олени. Уговорясь же, определяют время, когда все оное тестю получить, а невесту отдать должно. В сем случае сколь скучно бывает зятю отдавать будущему своему тестю то, что он требовал, столь, равным образом, будет весело обирать тестя во время приданого с двойною себе прибылью, потому что тестю взятое от зятя одному завладеть неможно, но он, отложа себе большую часть, прочее по всей родне разделить должен.

Пришло уже то время, чтоб калым заплатить зятю, которой, отдавши, приезжает в гости, где и потчует его тесть оленным мясом и между тем перепеваются друг с другом. Тесть припевает зятю, чтоб любил дочь его, а зять припевает тестю, чтоб содержал его в милости и было б между ими согласие. Между тем говорят и о приданом; как скоро тесть исправится, ибо обыкновенно тесть должен и жениху и невесте спить по паре, и когда исправится, то жених приезжает с какою-нибудь чужою бабою по невесту; получает в то время отдарки от тех, кои в его калыме участие имели, что получа, берет свою невесту, сажает на санки, кои привязывает к санкам приезжей бабы, а прочие с приданым, сколько б их ни было, привязывает к саням невесты, из коих первые трои или четверы с разною кладью должен тесть покрыть сукном хорошим, а прочие хорошими и чистыми постелями. Сам жених едет назаде, а по приезде домой невеста должна послать постелю для мужа и для себя, и хотя муж с женою ложатся на одну постелю, однако не совокупляются иногда по месяцу и по два, а когда сойдутся, то уже девство наблюдать жениху осталось, и естьли придет чувственная, то должен дать тестю оленя или два, а в противном случае столько же требует с тестя.

По прошествии несколька времени невеста приезжает к отцу своему в гости и живет у его сколько времени пожелает, а муж также к ей каждую ночь ездит и спит вместе, легши при свете под разные шубы и на разные постели, а когда все уснут, то и под одну сбиваются. Поживши у отца довольное время, уезжает домой и между тем получает от его новые подарки, и так сколько бы раз в году она у отца ни побывала, отец всегда дарить ей должен, чего ради мало

от мужа и занимает, разве как только живет с им, а пьет, ест и носит отцовское, а не мужнее.

В противном случае, когда развод бывает, тогда оне считаются, что с которой стороны истрачено, так и расплачиваются друг с другом, или ежели жена умрет вскорости после свадьбы, то так же поступают между собою, а естьли муж жену любил крепко, то и по скорой ее смерти калым с тестя взыскивать не внимается.

Впрочем, все сие говорено про богатых, а бедной с бедным о бедности в калыме и рассуждают, чего ради один с другого лишнего и требовать боится.

В житии своем самоедка живет замужем, как невольница, не видит себе от мужа большой ласки, ниже какой приятности, кроме любовной той ночи, пред которой он жене своей днем всячески угождать старается. Ночью же обыкновенно на боку лежа Венере жертву приносят. Из таковых жрецов многие есть молодцы такие, что почту, скорее кобеля гоняют, как и между остяками слыхал, и не про немногих. По возвращении из венерина храма жертвенные сосуды не очищают, но во время обыкновенных женских нужд окуриваются дымом, перешагивая чрез огонь несколько раз или, положа на горящее уголье струй бобровой или шерсти, тем очищается, отчего хорошенькие самоедки все почти издрябли.

Глава XV
О женских нуждах

Женские нужды я разумею натуральное месячное кровотечение, которое, я слыхал, у их мало бывает и не порядочно, ибо иногда в четвертую, и прежде, и в пятую, и в шестую неделю происходят. Рубах из их мало носят, а по большей части ходят нагие в тулупах, того ради неотменно должно тулупу замараться; но остятки выдумали изрядное средство носить пояс, по-иному вороп называемой, которой, закупорив перво свое сокровище отлепом или таловыми мелкими вымятыми стружками, подвязывает с исподе и вкруг поясницы. Когда же почувствует, что довольно накопилось, то тотчас на стороне ототкнет и выпустит, но помянутые отлеповые стружки никогда не не бывают, хотя бы

не было и кровотечения, но оне от натуры так уже всегда иметь привыкли.

Напротив того, самоедки, хотя также ходят нагие, и как сшито платье, так его не скидывает, покудова на ей не истлеет, носят штаны ровдужные, в коих и родят и во время сих нужд накладывают отлепу, которой после выкидывают, естьли замарался, и кладут свежей, но затыкать не знают.

От сих кровей откуриваются они вышеупомянутым образом. Окуривают также и платье, которое в то время на себе имеют. Мущина же не только после родов с ей два месяца не спит, но и во время кровей не пьет, не ест с ею, ниже что в руки от ее принимает. Она же в таком состоянии не должна ничего есть от вновь промышленного, но довольствуется прежним запасом. Никогда также взрослые девки и бабы не должны есть от оленьей головы, кроме малых девушек, которые месячного кровотечения не имеют.

Сего не довольно, что женской пол натуральные сии нужды сносит великодушно, но у их, кроме сего, еще она должна стыдиться, будучи обязана их заблуждением. Народ не только не уважает сии женские трудности, но еще и за поганой, так сказать, род считают. Бедная самоедка не только каждой день сама себя, но и все, что в руках имела или на чем сидела, должна окуривать. В дороге, перво лишь только приедет на место, расстановя чум, прежде всего должна сама окуриться, потом за вещи принимается, которые в чум внести надо. Каждую вещь должна окурить особливо, должна окурить санки, на которых ехала, напоследок — что у саношных передков было привязано (обыкновенно мужская и женская обувь привязывается), не должна отвязывать сверху, но из-под потягу, за что олени тянут. Также не должна чуть кругом обходить, но только до половины ходить смеет, равным образом с одной стороны на другую, коли иттить понадобится, то или весь обоз обойти должна или проползти под потяг.

Остяки и самоедцы, равным образом как и прочие дикие народы, сколько ни охотники к делам любовным, однако родится между ими немного. Редко я видел таких остяков, кои бы больше трех или четырех человек у себя в живе имели, а в жизни много, что десять и очень редко бывает.

Сему самая истинная та причина, что оне живут очень гнусно и не разделяют от старика нежного младенца, кормят его почти тем же и тою же самою пищею, какую сами употребляют. От молока же матери до пяти лет и далее не отнимают, покудова сам не отстанет.

Глава XVI
О рождении

Родов сих народов, хотя и не видывал, однако слыхал довольно, что оне, дивиться надо, как легко родить могут. Самоедки обыкновенно в штаны выпущают, место закапывают в землю в глухом месте, где б ни зверю, ни человеку ходить нельзя было. Остятки, напротив того, место с отлепом, которым обтираются, кладут в коробок и притом прикладывают тут звено какой-нибудь рыбы или мяса, и так подвешивают на дерево. Удивления достойное, но неудобоверимое почти дело я слышал про одного енисейского остяка[25], скитающегося везде за пищею по тундрам с женою. Бедной остяк, но варвар, не имеет у себя оленей, шатается по тундре, которой день что промыслит, тот день и сыт бывает. Имеет при себе нарточку с разною мелочью; жена оную тянет, он сзади мало-мало пособляет; жена брюхатая, пришло время родить, надо остяку остановиться на одном месте, дожидаться того времени, как женская болезнь окончится, следовательно, терпеть голод, потому что запасу никакого нету, как выше сказано; хотя, может быть, у его имелось столько жалости не как для жены, как для новорожденного дитяти остановиться, но голод его гонит следовать неотменно далее и промышлять себе пищи. Бедная остятка, лишь только родила в нарте запряженная, взяла дитя свое, окутав шубою, положила на нарту; остяк же, видя изнеможение жены своей, сварил клею и немалой величины дал ей выпить с тем намерением, чтоб удержать известное после родов течение крови, и так, тот же почти час, опять поехали далее.

Нельзя же, напротив того, почесть сей случай у их вовсе нечувствительным и им бесстрашным, как видно из ихнего исповедывания грехов, которые родильница должна при всех рассказывать пред родами. Баба, которая в тог-

дашнем времени при самоедке ходит, хотя всячески стращает, чтоб пристрастнее во всем призналась, одного нельзя думать, чтоб, кроме угрозных ее речей, не было и таких примеров, коих бы она совершенно боялась, чего ради самоедка во всем, при всех, предстоящих на родах, кается и притом, естьли с кем блядовала, должна сказать имянно, естьли же из ближайшей родни, то имя умалчивает, чрез что дает знать, что тот был ближней свойственник. Лишь только младенец родился, какая бы баба ни приблизилась, взяла тотчас нож, нарочно к тому случаю получше изготовленной, отрезала пупок, отдавши оной с местом другой бабе спрятать в укромное место, а младенца, перевязав пупок жилой, отдает его мужу, которой, потрепавши да полюбовавшись, отдает другому сродичу и так далее все таким новорожденным любуются, не зная во всем самоедском роде уроков.

После сего делают ему люльку наподобие коробки, у которой по бокам есть петли, к голове сделано повыше вместо сголовья, а в ногах ровно, как в ящике. В люльку насыпают гнилого толченого дерева для мягкости, на которое кладут младенца, а после, закутав его маленькою шубою, увязывают ремнем сквозь помянутые боковые петли и так его носят или под пазухой или за плечами.

Новорожденному младенцу не дают никакого имяни до пяти лет его возраста, а когда пять лет свершится, то дают ему ребячье имя, коим он до пятнадцати лет называется, а по прошествии сих пятнадцати лет родители дают уже ему настоящее имя или по сходству какого-нибудь давно умершего сродника, или по силе, или по сложению, сходству с животными, проворству, прилежанию к промыслам, трудолюбию, щастию и прочее, как из следующих самоедских имен видеть можно кои переведены на российский язык.

Chan—charu — Сани листвянищные; Nerme — Пролубь; Laatscha — Кочка земляная; Lacùr — Неровная земля или кочковатая; Haimale —Ломаная нога; Palyma — Шпажной обух; Chalýna ≍ Mal' — oba — Рукавица глухая без напалка; Peéttama — Ладонная спина metacarpus; Mo — Сук; Wana — Корень у дерева; Chalewuhái — Мартышечья нога; Chaidjû — Дикой; Waipti' — Бешеной; Hylpàd — Исподней мешек; Pazù — Женское естество; Eptuhàï — Гусиная нога;

Maja — Косноязычной; Enhytschè — Кривинькой; Panu tahai — Изодранная шуба; Udaşi — Безрукой; Haisì — Безногой; Podorà — Лес; Lana — Говори; Lamhài — Широкая лыжа; Mottjû — Тупой; Worcomà — Обделенной; Saıwyzì — Безглазой; Sjaùtta — Нельма; Myrtschì — Ветреной; Pojû — Ольха.

Такие имена дают родители пятнадцатилетним своим сыновьям, но богатые, в дружестве между собою, занимают также имена друг у дружки после умерших сродников; в противном же случае, естьли без соизволения друга своего даст сыну своему чужого сродника имя, то не только бывает великая ссора, но и до смертоубийства нередко доходит.

Впрочем, женской пол, уже прежде сказано, что имен по век свой не имеет, того ради более об их и распространяться не для чего.

Младенческих похорон не видывал, но русские и самоедцы многажды меня уверяли, что похороняются так же, как и большие, выключая только лишние обряды, которые над большим покойником со излишеством производятся.

Глава XVII
О погребении

Мертвые тела тамошних народов есть первой и надежной корм тамошних зверей, потому что по всей тундре похороняются, и самоедцы не имеют определенного нарочного к тому кладбища; и в дороге, естьли умер, при пространном болоте, то вывозят его на сухое место, а естьли на способном умер месте, то далее не отвозят, а тут же и оставляют[36].

Остяки, напротив того, как уже народ опоселившейся на одних границах, имеют нарочные кладбища, кои халасями называют, и хоть также мало пекутся о телах умерших, чтоб схоронить их от зверей, гробы вырывающих, однако кладут бережливее самоедцов. Могу ли сказать, что оне головами кладут на северную сторону, верно не знаю, но которые гробы я видал, те все мне так казались.

Остяки и самоедцы мертвых тел долго не держат, и так, естьли остяк умер поутру, то в полдни его и похоронят, сделают тотчас могилу неглубокую, меньше аршина, может быть, потому что мералая земля далее рыть не дозво-

ляет. Мертвого одевают в лучшее его платье, как летом в однорядки, парку, малицу и неговаи, а зимою в известное также зимнее платье; подле его кладут все то, что ему на сем свете в жизни было надобно в дорогу отправляющемуся, как постелю, нож, топор, рог с табаком и прочее, все, кроме кремня и огнивы, кои делают деревянные. Покудова все оное исправляют, мертвой лежит в чуму своем, куда сходятся мущины и женщины, оплакивая его с великим воплем и терзанием. Женщины с женщинами сидят в своем месте, закрыв лице обыкновенно вокшемом, а мущины ходят около его и плачут между тем делают ему гроб из лодки; обрубив нос и корму, кладут его и несут на руках все, сколько бы их не случилось. Принесши на обыкновенное свое кладбище, которое бывает на пригорке, кладут его с большим воплем, быв притом одне только мущины, а естьли умерла женщина, то одне женщины и бывают, кроме одного или двух мущин, которые выкапывают могилу. За упокойным ведут самых лучших и любимейших его оленей с санями и во всем убранстве, коих, приведши на могилу, лишь только закопают мертвого, тотчас привяжут у каждого оленя на заднюю ногу по веревке, за которую один или двое тянут, а четверо, обвостря большие колья, оленей со всех четырех сторон насквозь протыкают; что служит вместо поминок и жертвы по покойном. По богатом бьют еще более оленей; надев петли на шею и на ноги, растягивают и, приведши его в слабость, ударяют стягом вдоль спины по хребту и тем умерщвляют. Всех убитых оленей над могилой оставляют, убор с их и с санков кладут в теремок, сделанной над мертвым из прутьев, а санки сверху опрокидают. Между тем, для поминовения, в стороне от могилы варят есть и, наевшись, остатки, принесши домой, разносят по чумам, чтоб поминали, не употребляя притом имени умершего.

После сего всегда почти бывают поминки, когда кто из родников его помянуть захочет, кои отправляются таким же образом, как и выше сего сказано.

Самоедцы, напротив того, умершего своего, как и остяки, не обмыв, одевают во все платье, сколько на его надеть можно, а что не полезет, то вкруг его окладывают просто. Кладут его, протянув руки, надевши на голову котел, об-

вертывают постелями или чумовою крышкою и обвязывают веревками. После сего, опасаясь дверьми вынести мертвого (думая, что естьли дверьми вынесешь, то он вскорости уведет других за собой), вытаскивают из-под чума, подняв крышку, за голову и, положа на санки, отвозят или в то место, где похороняют, или где лучше сами изберут, или где сам при жизни наказывал. Привезши на такое место, естьли летом, то копают неглубокую могилу, так, чтоб мертвец с землею мог сравняться, которую, после заложив дощечками или прутьем, засыпают землею; естьли же зимою, то делают на том месте небольшой обрубец в длину человека, в которой, положа мертвого, закладывают прутнягом. Тут же кладут и все, что он имел в жизни, рассуждая, что на том свете оное ему будет надобно; того ради кладут лук, стрелы, нож, топор, табак, трубку, котел, чашки, ложки, и прочее. Оленей же тех, на коих привезли мертвого, задавливают над могилой и во всем их снаряде оставляют. Между тем, у богатых приводят и тех, на которых мертвой в жизни своей промышлял диких зверей, коих всех, задавленных, зимою в снег закапывают, а летом мохом и прутьем окладывают, будучи в том мнении, что ему на том свете было б на чем промышлять и ездить.

Между тем, старают, где б поскорей сыскать поближе ворожея для отпеву, и естьли в близости нету, то ездят и далеко нарочно, которой, приехав, начинает перво колотить в бубен и между тем припевает, чтоб на каких он был промыслах, те были б сродникам его счастливее; потом поет, уговаривая его, чтоб оставшихся после сродников оставил с покоем и за собою б не уводил вскорости.

После чего делают ему обыкновенные поминки, но оставшийся муж или жена не должна есть с другими поминающими из одной посуды, покудова не окурится бобровою струею или шерстью и не обмоется водою.

Сродникам его, естьли случится обозом ехать хоть чрез десять лет мимо того места, где положен его родни покойник, то естьли вспомнит, должен, убив оленя, помянуть его, т.е. сварить и съесть со всею своею артелью, а голову с рогами, воткнув на кол, поставить на то место.

Имена умерших купно с телами пропадают, потому, когда кто умрет, то другой и в разговорах его имени поми-

нать не должен, а говорить об нем околицею, иначе у их знак великого недруга, кто помянет имя покойного. Не забывается же оно потому, что оно дается уже дальним сродникам — правнукам и другого колена[37].

Сродник умершего человека, желая оказать печаль свою не только по смерти, но и при его болезни, не подвязывает ног и не подпоясывается, чем пред всеми жалость свою доказывает по больном своем сроднике. Сие и у остяков также в обыкновении.

Глава XVIII
О рыболовстве

Рыболовство — первое у остяков и самоедцов пропитание — заключает в себе большую часть их жития и экономии, потому что он, сыамала уже привыкнув к сим промыслам, под старость и отстать не хочет и совершенно, что великое множество зверей, хотя в их жилищах, шатающеся, так их не оголодит и не приведет в нужду, как один недостаток рыбы. Оленные мужики, которые стадам своим не знают щету, равным образом жалуются на голод во время недостатку рыбы, как и бедные, кои и рады бы убить оленя, да нету. А богатой сносит тот же голод, претерпевает нужду, жалуется на недостаток, а оленей своих бить жалеет. Богатые там те и называются, у коих оленей множество. Они совершенно особливого рода, потому что в их обитает особливой род скупости. И так экономию их можно раздели[ть] так, что рыболовство их пропитание, а олени богатство заключают.

Начало оного рыболовства происходит в июне месяце; как река Обь вскроется, тогда всякая рыба идет вверх по Оби из морских губ и заливов и заходит во всякие речки, уже в Оби впадающие и совершенно, что в полую воду; когда Обь великое пространство понимает, нельзя на ей промышлять никакими образами, кроме малых речек, проток и озер, но где таковых способных мест нету, там выдумали остяки особливое средство, т.е. под осень выбрав такое место, где на прок рыбу ловить можно, хотя бы оно было и каменистое, но лишь бы высокое, то накосо между лежащими на поднятых берегах каменьями вколачивают глад-

ие небольшие колья, чтоб тащущаяся по дну сеть за каменья не задевала, а по кольям катилася; таким образом выскивают сеть в целости с рыбою.

Летом же и зимою рыболовство производят по всем рыбным рекам, как по Оби, Сосве (над которою стоит город Березов), Казенне, Сыгве, Полую (над коим стоит Обдорский острог), Собе, Щучьей, Хайе, Надыму, Тазу, Пуру, Войарской и прочим малым речкам и озерам разными, издревле употребляемыми к тому хитростями.

Рыба, какая в той стране имеется, значит ниже сего с самоедским, остяцким и вогульским названием:

По-русски	По-самоедски	По-остяцки	По-вогульски
Осетр	Ena	Joch	Schabÿ
Стерлядь	Chyrà	Kyr	Karaĭ
Мукун	Sjämburga	mächsun	—
Щокур	Härtsaha	tochöher	—
Пыжьян	Pälkur	Pyrzschjan Pöreul	—
Сырок	PAĬ	Joroch	—
Таймень	NehaĬ	ain	—
Хариюз	Tum	—	—
Омыль	Sjäugchalle	—	—
Кунжа	как и таймень	называется	—
Чир	Ihÿchalle	Kegehull	—
Селдь	—	—	Enÿ Schèm
Нелма	Sjäudt	Unsch	—
Налим	Nälje	Panne	—
Щука	Pyrè	Sort	—
Язь	Lÿzù	Nede	—
Сорога	—	—	—
Ерш	—	L r	—
Окунь	—	Chondzychönhull	Sÿmir
Карась	Touchalle	Mylemchull	—

Вся выше помянутая рыба всходит вверх очень далеко, кроме сих трех: омуля, чира и кунжи, кои при море в реках и озерах остаются. Плавают обыкновенно стадами; подымаясь вверх, приплывают в Березов в июне, а в сентябре назад сверху возвращаются в те же морские губы и заливы, покудова некоторые из помянутых рек замирать не станут. Причины, отчего реки замирают, из тамошних жителей еще никто не разумеет; только известно, что замирают по большей части такие, кои не каменистые, как и самая река Обь,

которая с около лежащими реками замирает с половины генваря месяца, а Полуй, Надым, Таз и Пур в ноябре. Прочие же — Собь, Щучья и Хайя не замирают, потому что, я сам известен, реки каменные, из которых в Хайе вода столь светла, что в омутах, думаю, сажень около двух малых рыбок можно видеть, как оне гуляют. В Щучьей же, напротив того, вода очень мутна, но среди самого лета столь холодна, что человеку четверти часа посидеть в ей не можно.

В первых, то есть в Оби с около лежащими реками вода мертва бывает по тех пор, покудова весною с гор не будет стекать свежая, в какое время вся стая рыбы, которая на низ уйтить не успела, пребывает у самых берегов и устьев малых речек и ключей, кои живостью из гор наполнены. В таковых местах тогда удивительное рыбы множество бывает, так что на малой воде друг дружку давит, а рыболовы ничем иным, как сетками, будто готовую, загребают. Чтож касается до икры помянутых рыб, то примечено, что щуки выметывают оную в мае и июня в начале, выбрав за способные места в небыстрых реках, озерах и заливах; щокур и пыжьян осенью, в ноябре, в способнейших для себя местах рек, довольной камень имеющих. Икра же небезизвестно, что в осетре и стерляди бывает черная, в щокуре и налиме — желтая, в пыжьяне, язе и щуке — красная.

Теперь не неприлично, кажется, объявить и самую величину тамошних рыб, как осетры бывают от трех до десяти четвертей, стерляди в три четверти и менее, налим от одной до пяти, муксун от двух до трех, щокур также, пыжьян от одной до двух, щука и налим от одной до пяти, омыль от трех вершков до трех четвертей, кунжа от двух до четырех четвертей, чир от двух до трех четвертей, сырок от двух до восьми вершков, язь также, ерш от одного до пяти вершков.

Всю оную рыбу здешний народ с пользою употребляет, в пищу изготовляя; русские как самую рыбу, так и икру солением, а везигу сушением, зимою же сырую едят охотно, так, как и летом. А ясашные народы, остяки и самоедцы, по неимению соли, следуют застарелому своему обычаю: из тела рыбьего, снятого с боков, делают поземы, из спинок и брюшков варят варку, кости же сушат, а напоследок изтолокши, в случае голода сами, а не то вареные со щербой дают есть собакам.

Налимы, напротив того, на низу в таком множестве ловятся, что народы их за презренную рыбу считают, того ради никак их не заготовляют, а берут только из их одну максу для варения жиру, а прочее кидают собакам, да и собаки их не едят. Я видел налимов превеликие кучи, около юрт набросанные, которые в жаркие дни гнили, отчего далеко от юрт воздух смрадом наполнили.

Клей вынимают из осетра и стерляди. Распоров брюхо и ополоскав его в воде, немного подсушив, снимают сверху жирную перепонку, а после варят в котле до тех пор, покудова наверх сплывет, что значит поспелой, и закаливают в холодной воде, а потом сушат карлуками и лепешками, но самой лучшей бывает осетровой, а из других рыб не вынимают.

Что же касается до жиру, то у здешних обывателей можно почесть за самую нужнейшую вещь по всей стране к северу, ибо не только употреблением его в пищу довольствуются, но и в варении мыла очень пригоден, в делании из лосиных и оленьих кож юфтей, замши и белой ровдуги, да и в домах, за неимением свеч и сала, для свету пользуются оным. Вынимается из осетровых и стерляжьих брюшков и молок, налимьей максы, из муксуновых, щокуровых, сырковых, нелемчих, язевых, омылевых, и чировых кишок, но самой лучшей бывает налимий и всем прочим предпочитается.

Не излишнее почитаю предложить читателям и о цене в Березове, на продажу обыкновенной: осетрины пуд 40 копеек и дешевле, муксун, нельма, пыжьян, щокур и сырок по 25 коп. пуд и менее, а временем, за малым промыслом, неотменно и дороже быть должно; клею фунт от 15 до 28 коп.; везига из одного осетра — по копейке, жиру от 50 коп. до одного рубля пуд.

Теперь приступаю я к самому рыболовству, как какую рыбу, каким образом и какими притом средствами промышляют, из коих первой обыкновенной и всем известной невод у всех почти остяков и самоедей в употреблении, от июня до сентября ходит беспрерывно, как и кылыдан — сеть, сделанная наподобие мешка, шириною сажени в полторы, более и менее, длиною же в сажень, у которой нижнее основание жердь, к коей отверстие сети пришито, и для

тяжести на половине жерди привязан камень, чтоб жердь шла по дну; к камню привязана веревка и продета сквозь кольцо, у верхней половины отверстия имеющееся, коею (веревкою) он, едучи в лодке, всю сеть за собою тянет. Вверху у сети, на четверть от кольца, привязывается другая тоненькая веревочка, которую он в руке держит меж пальцев на слабке, чтоб все ему было чувствительно и так, когда рыба, взошед в кылыдан, торнется в сеть, то промышленник, помощию маленькой веревочки, почувствует, что в сеть взошла рыба, тотчас опущает из рук оную, а к жерди привязанную толстую веревку вытаскивает из воды с сетью, чего ради опусченная тоненькая веревочка не препядствует сети тяжестью воды опуститься кольцом по толстой веревке до самой жерди, чем сеть сверху рыбу прикрывает и не пущает вон выйти. И так сими двумя средствами промышляют осетров, нелем, налимов, муксунов и щокуров.

Летние бережники делаются обыкновенно запором; когда рыба вверх идет, от берегу сажени на три и более, у коего на стороне в глубь привязана морда, отверстием своим вниз реки стоящая, от оной морды вниз по реке делаются небольшие пряслa, коих при конце стоит другая морда, и так, естьли рыба, идучи вверх, в запор упрется, то по стене сходит на глубь реки и ежели не попадет в первую морду, то обошед, в другую неотменно попасть должна, в той надежде, что тут пройти можно. Промышляют летними бережниками в июле, августе и сентябре, а зимними, таким же образом сделанными, от октября чрез всю зиму даже до апреля месяца.

Когда же рыба зайдет в соры или протоки для своей пищи, то делают запоры, у коих хозяин сколько хочет делает воротец, куда проходить рыбе, но в самых воротах становит или морду или важан для осетров, сети так называемые, сделанные мешком таким же образом, как кылыдан, только с тою разностию, что с оным сидит на одном месте, которое он заранее изготовляет над воротцами, чтоб ему сидя ловить было ловчее, а прочее совсем на то похожее, ибо основание важана также на палке, к коей к средине привязан для тяжести камень, к той же палке к средине привязана другая, которую промышленник держит в руках, уперши нижним концом в землю, чтоб важан не снесло водою, а

верхняя половина важана к сему колу привязана веревочкой, а нить, по которой взошедшую рыбу узнать бы было можно, привязана к пупику важана; и так лишь только взойдет рыба, то нить зашевелится, и рыболов помощию шеста вытаскивает нить с рыбой. Сие происходит, когда рыба из соров назад возвращается, т.е. в августе, сентябре и октябре месяцах. В таких же запорах у воротец становят также пуши, такие же, как морды, у коих жерло очень широко, а там что дале, то уже, и длиною бывает иногда сажен около двух печатных. И так, зашедши рыба в воротцы, водою уже забивается в узкой рукав, которой концом привязан к воткнутому большому колу, коим после и вытаскивается. Оными по большей части в полую воду промышляют.

Вары называются запоры, которые городятся чрез всю реку, чтоб рыбе нигде проходу не было, кроме одного окна на запоре, к коему привязывается также морда или помянутый пуш.

Обской ез делается чрез всю реку стоячим лесом, какой делают на заливах и других реках. Оной хозяин также насколько хочет, настолько разделяет присел. И так всякая рыба, не имея проходу, пойдет по оному искать места, где б пройти ей было можно; однако, пришед обратно к пряслу, видя, что вода туда протекает свободно, проходит и она в ворота, и напоследок в морду попадает, откуда рыбак уже вытаскивает чрез нарочно сделанное на боку окошечко. Оное бывает от октября до генваря месяца. Земляные, напротив того, запоры делают с самого начала весны таким же образом и стоят с полою водою, которою запирают в поле и выпускают в октябре и ноябре месяцах.

Переметами промышляют однех только осетров в июле, в августе и сентябре месяцах, хотя, правда, и налимы и большие нельмы попадаются. Сие не дивно, что всякая рыба во всякие снасти за своим множеством попадает, хотя бы были и осетровые, но часто и малой муксун за тое ж уду хватает. Простая сия снасть перемет остякам столь много приносит прибыли, что можно почесть лучше всех промыслов прочих мог бы остяк обогатиться, естьли б оная рыба по настоящей цене там продавалась. В сорок копеек и менее пуд осетрины продается, уже от русских березовских

жителей, которые от остяков целыми осетрами или за долг, или за несколько листков табаку, или за несколько чарок вина получают. Из сего всяк заключить может, сколь велико в Оби рыбы множество и что тамошние народы в довольное время самым лучшим куском гнушаются, а в голодное время и костей не покидают.

Гладкое бревешко, к коему навязаны друг подле дружки на долгиньких веревочках удочки, коих и по 12 бывает, а каждую удочку наживляют для приманки из мелких рыбок маленькими кусочками, за которые осетр, схватя, на уду попадает, а промышленник переметы раза по четыре и по пяти осматривает, и для того инде осетров снимает, инде наживу иль новую накладывает, иль стару оправляет. Нередко случается, что на каждой уде по осетру вынимают, но редко, что пуст возвращается. Язевые и стерляжьи бывают переметы, только те с начала весны стоят вплоть до осени.

В реках около Березова, Сосве, Казенне, Сыгве и по другим местам осенью, в сентябре месяце, ездит по одному и по два человека в небольших и легких лодках и зажигают бересту на долгих шестах, которые держат перед носом тоя лодки. Рыба тогда к берегам обыкновенно на мелких местах между каменщиком становится, то по светлости того огня колют острогами налимов, щокуров и пыжьянов.

Сосва река такая, в коей красной рыбы не бывает или, по крайней мере, редко заходит и в самую водополь, хотя она также в Обь впадает. Того ради по всей оной реке простыми средствами промышляют и легкими, как например, маленькими запорами, в коих также становят морды; но поелику тут по большей части бывает белая рыба, то летом более сетьми и добывают; но во время мертвой в реках воды, когда рыба у свежунов, с гор текущих прибавляется, как выше показано, то делают досченые запоры два ряда против свежуна, меж коими насыпают земли и крепко утаптывают, а по сторонам привязывают морды, куда рыба попадает. Сие случается в марте, по большей части в то самое время, когда уже вода начнет освежевываться и рыба от берегов в реку отходить станет.

По рекам же, речкам и озерам ниже Обдорска и около моря, как в реках Войкарской, Щучьей и Хайе, по укреп-

лении льдов делают небольшие шалаши над пролубками, в кои опусчают нарочно сделанные для приманы деревянные рыбки, маленькие на тоненьких веревочках с камешками и, как к оным манщикам подойдет рыба, то колют острогами щук и прочее. А у небольших запоров опускают на дно с каменьем белые доски, и кои на те доски всплывут, тех колют острогами ж.

Самоедцы в летнее время в реках Тазу и Пуру также и в окололежащих при море озерах и других малых речках промышляют неводами; и у кого нет сетей конопляных, то делают из талового лыка, а веревки плетут из мелкого колотаго талу и таким образом ловят в сентябре и октябре. Они называются лчеицы, длиною сажен по 40, и становят их на небольших речках и озерах, около моря в тундреных местах лежащих: в полую воду и по подледью ловят пыжьянов и кунжей, так, как ниже Мангазеи пущальницами.

Прочие остяцкие рыбные промыслы самоедам, думаю, не неизвестны. Того ради они в случае нужды, или вместо забавы тем подобными ловить также рыбу не не стараются.

Глава XIX
О звероловстве

Зверей около Березова и далее к Северному океану по тундрам годом имеется очень довольно; но прежде, нежели я приступлю к самым промыслам звериным, должен упомянуть остяцкое суеверное примечание, которого они иногда желают, иногда всеми силами избыть стараются. Ввечеру, когда остяк на промысел наряжается, то очень желает, чтоб ему чихнулось, почему он уже верно счастливому поутру промыслу быть надеется; естьли же утром, против его чаяния, ему чихать захочется, то он не знает, как бы ему оного избегнуть, крепится всячески, суется во все стороны, но когда не удержится, горестно взохает, сказав: «Ах, зверь у меня пропал». Чихотку также свою разделяет на разные роды: естьли чихнет тихонько, то мало о том тужит; естьли же шибко, то, почитая, что зверь у ево был хорошей, так досадует, что тот день из юрты вон не выходит.

Звери, какие там бывают, суть: медведи черные, которые, однако, все согласно говорят, что не тамошние природ-

ные, а заблудшие, почему их мало там и бывает; волки серые в великом множестве зимой и летом шатаются по тундрам и много губят оленей; лоси, россомахи, бобры по рекам только около Березова, выдры, соболи, белки и изредка бурундуки, лисицы, песцы везде во тундрам около моря и на самом окиане, горностаи и изредка ласки и множество оленей.

Медведей ловят скрадом, стреляют из луков стрелами и из винтовок пулями. Когда же найдут его в берлоге, то вход оных закладывают лесом и засовывают на двух деревьях железные костыли, кои за верхние концы держат, чтобы его не выпустить на волю, а между тем сверху той же берлоги прорубывают большую дыру, чрез которую колют его копьями; также на тропах ставят настороженные луки, от коих проведут по тропе тонкую нитку, за которую задев, медведь передними ногами получает себе стрелу в самую грудь навстречу; когда же давит рогатого скота, то над падежом строют лабазы, с коих в его стреляют.

Впрочем, все сии средства не тамошних народов, а такие, кои в России употребляют, да и медведей ниже Березова, где русских нет, мало видают.

Волков отравляют заквашенною чилибухою в мясе или рыбе. Промышляют настороженными капканами, коих к нитке привязывают мяса или рыбы, так что лишь только волк дотянет за нитку, то захватывает его капканом либо за лоб, либо за нос. Ловят так же, как и медведей, становя луки на тропах со стрелами, потом ловят кляпцами, кои более становят на тех местах, где волки бьют оленей.

Лосей промышляют зимою, гоняя по толстому снегу, а весною по насту собаками; и как он, утомясь, останавливаться станет, то человек близко к ему подходит и стреляет из лука. Весною же и осенью зарубают засеки и становят настороженные луки.

Рысей промышляют луками над падежом.

Россомахи в тамошнем уезде бывают черные и с белыми боками, коих ловят так, как волков, одинаково. Бобры бывают карие и рыжие, от их же кошлоки называемые, молодые, т.е. однолетки, живут в воде при небольших речках и озерах, в норах, из речек проведенных в материк до самого гнезда, над которым вверх прорывает маленькую

норку для прохождения свежего воздуха. Промышленники ходят зимою искать оных с собаками, которые, нашед по духу его жилище, промышленник делает со всех сторон в воде запоры, чтоб ему никуда уйтить было неможно. Притом устье норы загораживает кольем, а сверху разрубает помянутую норку топорами и пешнями и, разрубив, привязывает собаку за задние ноги и пущает в нору, которая, задавив бобра в норе, хозяин тащит ее за ноги, а она тащит бобра из норы; в противном же случае, естьли собака бобра в норе не застанет, то промышленник у запору делает пролубь, в которую бобр для воздуху принужден бывает выскочить, и он тут его хватает крюком. Еще ж их ловят в полую воду по рекам во время утренней и вечерней зори, плавая в лодках и, нашед его на берегу, стреляют из луков фальшивыми стрелами, к коим привязано слабо на долгой веревочке с зазуброю копейцо, которое, попав в его, с дерева спускается, и он с им уходит в воду, а дерево плавает на веревочке; и так промышленник, приплыв к плавающей наверху стрелке от ее по веревочке находит и бобра, куда он скрылся.

Выдры большие и малые, шерстью карие и рыжие, находятся по малым речкам, где больше полых мест и ржавцов, где оне на берега выходят; тут на следах промышленники становят настороженные луки, когда же от воды далеко отойдет, то достигают собаками и на лыжах и бьют палками.

Соболей промышляют по тонкому снегу собаками, на дереве стрельбою из луков, в норах и в дуплах обметывают сеть; также из дуплей выкуривают дымом.

Лисицы находятся седые, чернобурые, красные и белодушки, коих промышляют; сделав из снегу бугорок, приманивает, сперва разбросав в разные стороны рыбьих костей, и как лисенок повадится к тому месту, то он впредь закапывает кости в самой бугорок и примечает, как он есть их станет, стоя или лежа; таким образом на боку от того бугорка выкопает ямку и становит самострельной лук, которой после опять заваливает снегом, чтоб не видно было.

Весною же, когда лисицы щенятся в норах, то промышленники те норы разрывают и берут малых щенят, коих кормят у себя дома, покудова хорошая шерсть выростет.

Сверх того довят также кляпцами, капканами, слобцами, луками на тропах и отравою.

Песцы бывают двоякие: одне голубые, другие летом бурые, а зимой белые; водятся в тундреных и поморских местах, около ручьев на небольших бугриках, в норах, множество отнорков имеющих, кои, нашед, промышленник слушает перво, есть ли в ей зверь или нету; когда же не приметит, то деревом или рукою тотчас поскребет над норою, сие песец, услыхавши, думая, что другой зверь лезет в его нору, тотчас подаст голос, что промышленной, услыша, становит тут черкан[38], в которой песец при выходе из норы попадает. Летом же мужики и бабы копают норы из оленьих рогов нарочно сделанными лопатками и, докопавшись до зверя, берут за хвост и бьют головою о землю, напоследок промышляют так же, как волков или лисиц.

Белок осенью по тонкому снегу следят собаками, и когда собака найдет на дерево, то стреляют тупыми стрелами или тамарами и из винтовок пульками; также промышляют плашками с наживою мясною или рыбьею.

Бурундуки серые с черно-желтыми полосками бывают длиною не более трех вершков; промышляют так, как и белку.

Оленей промышляют разными образами: 1) Гоняют по толстому снегу в лесах на лыжах и стреляют из луков и винтовок. 2) В тундряных местах увидя самоедцы довольно диких оленей, выбирают на высоких горах плоские холмики, на которых становят своих езжалых оленей на ветреную сторону, а от оных оленей начинает ставить к шестам нарочно привязанные на долгиньких веревочках гусиные крылья, по-ихнему лапки[40] называемые, кои на ветреной стороне расстанавливают друг от дружки сажени по четыре и по пяти, а далее и по десяти и до тех пор устанавливает, покудова увидит, что олени по ветру дух человеческой обонять могут; потом с другую сторону против ветреную сторону становит такие же лапки от саней, уступя сажен на пятьдесят, до тех пор, пока уже против самых оленей поровняется, ибо тогда он не боится, что ветр нанесет человечей дух на оленей, а олени, собирая мох, того и не видят, да и правда, что олени менее глазами видят, нежели как духом обоняют. И так постановя лапки с одну

сторону, ложатся несколько человек в снежные шанцы не в очень дальнем расстоянии от санков, а по другую сторону скрываются стрельцы с луками и винтовками, кои и называются у них особливым именем — варданы. Между тем, несколько человек заезжают в даль, чтоб оттуда погнать оленей к санкам прямо между расстановленных лапок. И так олени бегут тою проталиною, видя с обеих сторон страх от лапок, ветром веющих наносимой. Бегут прямо на санки к неезжалым оленям, а скрывшиеся в шанцах люди встают и чем попало машут, кричат и всячески пужают, чтоб с своей стороны отогнать на другую к варданам, которые приблизившихся оленей сколько можно стреляют и побивают. 3) Еще ж бывает, что оне, приметя стадо оленей, выбирают какую-нибудь горную сопку, которую обстанавливают кругом своим обозом и на шестах вывешивают платье и все, чем бы олень мог пугаться. А между тем, сделав пространной проход на гору, с обеих сторон опять расстанавливают лапки и несколько человек сзади заганивают оленей в оной проход на гору и, когда вбегут оне, то оной проход задергивают еще санми, чтоб назад нигде не могли выбежать. И так олени, видя себе отовсюду страх от развешенного платья и веющего крылья, бегут вкруг холма той сопки, а стрельцы между тем в их стреляют, так что редко случается, чтоб хотя один из их выбежал, но всех побивают, сколько б захвачено ни было. 4) Летом, когда бывает сильной комар и пауты, то олени выбирают прохладные ключи, где б им ложиться было можно, и тут стрельцы стреляют скрадом из луков и ружей. 5) В сентябре и октябре месяцах промышленник, увидя стада диких оленей, берет с собою из своих нарочно к тому обученных оленей пяток, при коих находятся также и телята двухгодовые и годовые; из тех пяти оленей одного пущает наперед на долгой веревке сажен в 20, а конец привязывает за пояс, других ведет он по сторонам также на веревке, по два оленя на стороне, за пояс же привязанные, которые один за другим идут порядочно; и правда, оне столь привычны, что ежели мало разрознившись, не так пойдут, то не допущая до того, чтоб он еще веревкой поправил, но только лишь взглянет, то олень, догадавшись, что не так идет, как хозяину надобно, сам поправляется, а промыш-

ленник идет, наклонясь между ими даже до самого табуна диких оленей и, приблизившись к оным, стреляет из луков и ружей. Осенью, когда олени гонятся, то промышленники по одному и по два человека ездят на оной промысел диких оленей, выбрав с собою крепкого и сильного кормового хара[56] или некладенного оленя и, наехав табун, оставляет санки, а хару, навязав петлю на рога, укрепя подле самого рогов корня и расправя по рогам, где надо привязав худенькими ниточками, чтоб после порвались, а петля б прежде времени не спустилась. И так подводит своего оленя к табуну, и он, увидав стадо, побежит к оному, а оттуда выбегает такой же хар, и они, сразившись, начнут бостися и до тех пор бодутся, пока один другова не осилит; однако дикой олень во время борьбы срывает петлю с кормового на свои рога, и когда побежден вздумает бежать, то кормовой хар тотчас свои рога утыкает в землю и его сдерживает и не пускает, а между тем промышленник, набежав, убивает дикого.

В стадах, по тамошним тундрам, диких оленей бывает от десяти до двухсот, но прежде сего незадолго видали такой табун, в коем более трехсот положить надо.

Олень — зверь столь пужливой, что в тундре иль в лесу от треску малого под его же ногою изломавшегося деревца и от веющего лесу пужается, чего ради в таком случае бежит по лесу прочь сильною рысью, задние ноги закидывая за передние так, что иногда по мере примечено по аршину меж копытами расстояния; рыщет, подняв короткой свой хвост кверху, заломя голову, положа прекрасные большие свои рога на спину, спереди представляет вид неприменного иноходца, а сзади на его смотреть — так, как разбитую клячу, которая, отбив у себя ноги, бежит раскорякой. И так испужавшись, бежит далеко и долго по тундре бегает, но столь опять любопытен, что не преминет после, чтоб ему не прибежать к тому ж месту и не посмотреть, чего он испужался. Иногда таким образом раза по два и по три прочь убегает и опять на то же место прибегает для свидетельства, а между тем, покудова он по тундре от страху бегает, промышленник перебирается на то место, куда оленю прибежать должно, где он его прибежавшего застреливает из лука или из винтовки.

Самоедцы, когда промыслят дикого оленя, то перво всего отрежут ему уши и на том месте, где сняли с его кожу, кидают в знак благодарности тому зверю и для счастливейшего впредь промысла. Голову и ноги с мозгом едят сырые. Глаза закапывают в землю в такое укромное место, где б ни бабы, ни взрослые девки не шатались. Иначе, естьли баба перейдет, то у их за грех и великое несчастие в промыслах почитается[42].

Средствами, какими зверей ловят, суть разные, из коих первые, слобцы, делаются следующим образом: с двух сторон делают огородец улочкою ширины меньше полуаршина, а поперег улочки вершка на три вышиною от земли делается поперечинка, которая ниже в колье с обеих сторон установляется; сверху накладывают плоское бревно, задним концем на коле утвержденное, передним же насторажиавается, будучи поднято кверху, лежит на спине, в развилину первого кола ущемленной, которая однем концом поддерживает бревно под поперечину, в бревно утвержденную; к другому же концу спины привязана насторожка, верхним кончиком в кол упертая, а нижним за первую меж кольев невысоко от земли на лже установленную поперечинку, чтоб бревно прежде времени не спустилось, за которой кладется прутье и другая примана, а как зверь или птица взошед заденет за поперечинку и из места ее выщибет, то насторожка соскакивает, а бревно, опустившись, придавляет добычу. Оным ловят зайцов, лисиц и тетерь.

Куронсес[43] делается на столбиках, в землю врытых, вышиною от земли на пол-аршина, чтоб во время погоды его не занесло снегом. На столбиках стелют доски длиною в сажень ручную, а шириною в пол-аршина, по бокам также огораживают дощечками шириной в четверть. Сверху делается такой же гнет бревенной, у коего исподняя сторона обтесана в пласт; задней конец оного утвержден на столбике. На половине пола кладется нажива из сухих рыбьих костей или мяса, а на наживу кладутся две круглые палочки или скалки длиною вершка по два, а толщиною в палец. На оные палочки кладут небольшую дощечку, с нижней стороны опупистую, на которую становят сторожек не толстой, длиною в пол-аршина и менее; на оном сторожке устанавливается гнет, и как зверь войдет в куронсес и, нашед

наживу, станет доставать, тогда палочки из-под опупистой дощечки покатятся, сторожек выпадет, а гнетом придавит. Попадается в куронсес всякой пушной зверь, как: волки, лисицы, россомахи и песцы.

Плашки или пасть, известное средство, коим в России мышей промышляют, но та только разность, что здесь на белок и соболей становят таковые. Внизу кладется доска, а сверху другая, кои обе содержатся на одном коле; над оными сделаны рели, покою подобные, коих к верхней перекладине привязывается сторожек, которой верхним своим концом поддерживает верхнюю доску, а нижним задевается за зарубку тоненькой дощечки, такою же длиною, как и самые доски, привязанною к тому ж колу, на котором помянутые доски утверждены; под тоненькую дощечку кладется нажива, которую, когда зверь трескать будет и чуть лишь пошевелит дощечку, то оная упадет, сторожек выскакивает, а верхняя доска зверя придавит.

Засека делается, как городьба из кольев, а между ими оставляется проход, в коем становятся либо луки, либо утверждает вверху кольев петлю и оную расширяет, а как зверь в оной проход пойдет, то либо в петлю попадает, либо, задев за спинку, натянутой лук спускает и стрелу прямо себе в грудь получает. В таковые засеки заходят олени, лоси и медведи.

Морские звери, кои самоедцам только известны, суть белые медведи коих жительство оне неправильно в воде полагают, но он только себе там пищу добывает и по воде плавает и ныряет, а часто его и по берегам промышляют. Около Мангазеи и Туруханского монастыря, что на Енисее, такое их множество, что в ином месте столько не сыщется черных, сколько там по рекам и по тундрам, от моря отдаленным, их промышляют; там оне очень смирны и с коровами так, как дворовый скот, вместе ходит. Причину тому мне сказывали, будто бы им есть запрещение от святых мощей Василия Мангазейского, чтоб скот не губили. Самоедцы их промышляют, нарочно разъезжая по берегам Северного океана, но когда и невзначай близко наехать случится, то кидается он на человека, естьли же далеко, то убегает; напротив того, когда увидит в лодке плывущего, то и издалека за человеком гонится, желая как бы лодку опрокинуть. На сухом пути по его непо-

воротливости легко промышляют иногда скрадом из ружей и из луков стрелами.

Моржи хотя не более трех сажен ручных бывают, однако по сказкам промышленников изо всех морских зверей суть величайшие. В верхней челюсти имеет два зуба, четверти в три, посредством которых он выпалзывает на берег или на лед, где спящего его или отдыхающего колют носками, имеющими на конце немалые зазубрины. Ног он не имеет, а только одне ласты; и на берег же выпалзывает, закинув назад шею, и, утвердя в лед или в берег большие свои зубы, так вытаскивается. Когда его найдут таким образом спящего, то промышленники подкрадываются с носками, на долгих ремнях привязанными, коих другой конец привязывает к пню или колу, в землю утвержденному[44]; и когда носок в моржа воткнут, то он, испужавшись, совсем пустится в море и, дошедши до глубины какого места обессиливает, откуда его опять на берег вытаскивают и добивают.

Зайцы морские, нерпы или тюлени разных родов находятся, из которых большие самые не более двух аршин бывают. Шерсть малая, пестрая и серая, стреляют у приглубых и гористых мест около моря, морских губ и рек, подкравшись, из луков стрелами, а иных и так находят, погодою из моря выкинутых. Зимою же, когда реки льдом покроются, то оные звери проделывают пролубки, из коих на вольной воздух выходят, а промышленники подле оной пролубки кладут небольшую доску, а с другой стороны сами в сне[г] неподалеку от оной зарываются; и когда тюлень выйдет из пролуби, то оне доскою на долгом ремне задерживают пролубь и тут его бьют палкой или ножем колют.

Белуга[45] зверь или рыба, у самоедцов в немалом сомнении, однако оне более за зверя считают, нежели за рыбу, доказывая зверёвым подобные ее части: голова продолговатая, глаза малые, круглые выпуклые, ушей нету, а только одне дырки, шеи нету же, туловище поперег толще, к голове покатее и к хвосту гораздо тонее, кожа толщиною человечей подобна, беловатая, слизкая, перьев нигде нету, на груди имеются две ласты, жиром наполненные, в коих имеются пять косточек, извне означены пятью будто ноготками, к груди тоньше — в человечью руку, а наружу шире —

лопаткой наподобие ладони; под брюхом имеется детородный уд, от которого не в отдаленности имеются две титьки, как коровье вымя, молоко белое, детородный уд длиною вершков более десяти, а толщиною в руку пониже локтя, собою острой, как у быка, мясной, без кости; хвост хрящевой, плашмя, не как у рыб, но как у рака, которой она, подгибая под себя, воду назад попирает и так плавает. На затылке имеется дыра, в которую набравшую в себя воду вон выбрасывает вверх сажени на три, зубы ровные, клыков нету, мясо черное, как уголь. Дети ее родятся кожею чернее против матки, рот невелик кажется, но когда зевнет, то обширностью своею удивляет самоедцов. Жир ее очень чист и прозрачен, как масло. Оную, когда увидят зашедшую в залив, по большей части в июле месяце, то самоедцы, собравшись от 50 до 100 человек, выезжают на устье того залива и гонят оную до самого тупика на мелкие места, где колют ее копьями.

Киты в промысле у самоедцов никогда не бывают, но только сильною погодою на берегах выкинутых из моря, мертвых находят.

Глава XX
О птицеловстве

Пти[ц]еловство начинает быть в начале самой вешней оттепели, когда снег растаивать начинает по водопольным местам, где к скорейшему растаеванию снега сыплют также и золу; и лишь только вода на таких озерках окажется, то и птица прилетает всякая. Подле такого озерка делают нарочно снежной шанец или станок, у которого на все стороны имеются окошечки, из коих стрельцы стреляют из винтовок пулями, с которую бы сторону птица не прилетела. К большему приману птицы имеют оные промышленники запасенные уже чучелы, кои становят на воды и к коим птица больше скопляется. Удивительно, что птица, гуси или лебеди, лишь только сядут подле таких манщиков, то тотчас начинают с ими драться. И естьли ей однажды спастись от сего обману случилось, то впредь разве в другие средства попадется, а к сим манщикам никогда уже близко не подойдет. Наиболее стреляют

на таких местах крупную птицу — гусей и лебедей, а прочих разве по нужде.

И так покудова оттепели бывают, охотники промышляют только сим вышеписанным образом, но когда воды уже гораздо больше располятся, то и птица, покудова не улетит на гнезда, водится на одном месте до самой глубокой весны, пользуясь озерною водою, перелетая с одного озера на другое. В таком случае охотники от одного до другого озера вырубают лес пространно перспективою, коею бы утки и проч[ие] с озер[а] на озеро способнее перелетали; таким образом, налету в сумерках разстонавливают сеть, которую распяленную на высоких шестах за тетивы хозяин держит на слабке, и лишь только птица, одна или много, в сеть торнется, то сеть опусчается, и она запутывается. Таковые сети называются перевесы, и вместо того, чтоб говорить — промышлять перевесами, говорят: сидеть перевесом.

Другое средство, во всем сему подобное, называется кыскан — такая же сеть, но с тою только разностию, что оною и в ясные дни промышлять можно, как и ниже сего явствует, ибо вся сеть лежит на земли на кольцах раздернутая, и когда птица полетит, то он, со стороны видя, что уже близко находится, того ради вздергивает кыскан; и птица, не успев так скоро вверх подняться, вся в его попадается. Между тем, лишь только еще торнется, то кыскан весь по кольца сбегает в кучу; того ради и во время множества попавшихся птиц не могут так скоро кыскан прорвать и вон вылететь, но когда же случится, что все пролетят поверх кыскана, то в запас неподалеку становят чучелы, и в таком случае остяки столь искусны в бересту кликать по-гусиному, что никоим образом распознать нельзя. Того ради лишь только пролетят, то он и начнет в бересту кликать, а гуси, услыхавши гусиной голос, опущаются ниже к манщикам, как к товарищам, и, плавая издалека, опять в кыскан попадают.

Около Самаровского яму наиболее промышляют понжами, сетьми так называемыми, которые длиною бывают сажен в 20, а шириною в две. Оную расстилают на песку, где гуси более садятся, а человек скрывается в стороне в нарочно сделанном к тому огородце, держа в руках веревки, на которые сеть с обеих сторон надета, а после не в отдаленнос-

ти укреплена в кол, и как гуси на сеть сядут или найдут, то промышленник дернет за веревку, и сеть вся в мешок сбирается, а гуси в ей запутываются.

Впрочем, можно сказать, что птицы во все лето бывает здесь такое множество, что большая часть Березовского уезда запасом оных довольствуется чрез год целой. Прав[да], что хотя из крупных птиц, гусей и лебедей не столь много засолить случится, потому, что в одно только начало весны и промышляют, однако уток столько много на каждого достается, что и на другой год вон выкинуть останется.

Разных родов хотя и немного, однако стада бывают великие, как доказывает удивительное множество прилетающих и отлетающих гусей и лебедей и ужасная по водам чернь уток и разных прочих птиц. Из всех родов бывают, выключая гусей и лебедей, казарки, чагвои, турпаны, сынги, чернеди, соксуны, полухи, гоголи, свищи, савки, чирки двух родов, селезни, крохали, лутки и прочие, в пищу употребляемые птицы.

Прочие: сукалены, турухтаны, стерки[45], журавли, а гагары разве невзначай попадутся, а нарочного старания к промыслам таких птиц никто не прилагает.

Глава XXI
О состоянии всей тамошней страны, погоде, травах, северных сияниях и светлости

Что касается до состояния всей тамошней страны, то думаю, каждому небезызвестны неспокойного севера перемены. Правда, хотя и в самом деле город Березов можно положить в северном градусе, как самое место доказывает, однако погоды по своему непостоянству так часто переменяются, что иногда не в свое время случается великая стужа, иногда среди глубокой зимы мосты от оттепели до земли оголяются. Прошлого 1771 года лето столь было жарко в городе и жителям несносно, что не только самые старики не помнят такого рода, но и молодым было для памяти, затем, что оне последних своих огородных овощей, коих и без того родится там мало, принуждены были лишиться. Наивящшие же жары были под осень в августе и сентябре месяцах, а после вдруг север столь проворно поворотился с

своею стужею, что в средине октября и реки становиться начали. Меня в сие лето в Березове не случилось, а был в дороге к Северному океану и для того не мог жаловаться на сии несносные, как мне сказывали, жары, а находился в числе почти тех знобких людей, кои и зимою из шубы не выходят. Хотя у меня было и лето, однако я не скидывал ее, кроме пяти дней, в которые от северного жару пот в себе почувствовал.

Травы хотя и родятся около Березова, и лесов всяких довольно, то тонкость их и малость доказывают особливость тамошнего климата. Триста верст считается от Березова вниз по реке Оби до Обдорского городка, где уже лес ни к какому строению не годится, а при впадении реки в Обскую губу уже и никакого нет, кроме талу. Самое последнее дерево к северу растет лиственница, которая около двухсот [верст] в северо-западную сторону на реке Щучьей кончится, откуда начинаются уже чистые тундры и на мокрых местах ничего не видно, кроме моху и разного рода тальника вышиною менее аршина. Травы, напротив того, ниже Обдорска около реки и на мокрых только местах имеются, а на тундрах ничего, кроме сухих холмиков, на которых мелкие всякие особливые растут травки, да и те недолго, ибо естьли слишком непостоянной год выдастся, то не цветут более трех ден, так, как мне сказывали тамошние жители. Один, дескать, день выростает, другой цветет, а в третей пропадает. Да и правда, что естьли северной ветер потянет, то уже редкие травы в целости останутся, во-первых, что холоден, во-вторых, что и перестает нескоро. В июле месяце я имел от северного ветра такие морозы, что не только поля все заиндевели, но и у меня в чуму вода в лотке замерзала, что очень служит доказательством холода северного ветра.

Что ж касается до животных, то во всей тундре, кроме оленей, лисиц и песцов, зимою не найдется, а прочие, кои любят потеплее, те сюда, ближе к Березову, и водятся. Из домашних же одне коровы, кои в Обдорске живут до пяти лет немногие, а лошади ниже Березова отнюдь быть не могут. Были охотники, что на [с]удах в Обдорск лошадей завозить пробовали, но и году не пользовались своим вымыслом. Свиней и овец березовские богатые некоторые содер-

жат по малому числу, да и то не надолго, ибо оне там плодятся худо; корму для их мало, потому что и хозяева довольствуются привозным запасом с купли; притом же должно их всегда содержать взаперте, иначе через час и костей на найдешь, как собаки растащут с своею игрою. Здесь, кажется, не непристойно упомянуть и об обычае тамошних собак, коих там премножество, потому что зимою оне вместо лошадей служат и в дальние дороги и в лес по дрова. Оне когда голодные во время недостатку рыбы (как и остяки от сего более голод претерпевают), то так смирны, что не подумает и залаить, а когда сыты, то то и дело, что играют. Того ради и со скотом перво играют, а потом всего растерзают, коли стбить никого не прилучится. Каждой день небывалым там людям наведут чрезвычайную скуку своим воем, которой по всему городу раздается таким образом: сойдутся собаки три или более, перво подерутся, потом начнут выть, что услыша прочие собаки то ж подымут; и так во всем городе сделается такой вой, что из конца в конец переходит, будто караульные перекликаются, стоя на караулах, крича: «С богом! Ночь начинаем». В кошках я особливости не приметил, но бывают всякие, как белые с черными и рыжими пятнами, серые, черные и совсем белые, кои водятся также и в Обдорске.

Петухов и куриц для яиц содержат, некоторые только с великою от собак осторожностию.

Тараканов и сверчков во всем Березовском уезде нету, а начинаются оные от Самарского яму, что больше 400 верст выше от Березова. Клопов у русских довольно, блох мало, а у остяков много, также и вшей. У самоедов, напротив того, блох нету, а вшей со излишеством.

Вся сия сторона, хотя болотами преизбильна и на болотах устроена, однако лягушек нигде не видно, как и змей, а редко видеть случается однех ящериц, которые только одному Березову известны.

Впрочем, сколь скудная сия страна во всю зиму, так что описать нельзя, столь, напротив того, весело в ей жить, начиная от весны до самой осени, так что изобразить неможно, по той причине, что зимою там почти свету нету, а бывают они около Николы не более трех или четырех часов, в кои при свете писать можно. Летом же, напротив того, и днем и

ночью такая светлость, что не только читать и писать можно, но между ранним вечером и ночью почти различия нету, и без привычки на первой случай уснуть нельзя. Самое солнце в Обдорске не более часу из глаз скрывается, и то за одну высокую сопку закатается, из-за которой видеть его нельзя, иначе во всю ночь катится по горизонту, как превеликая кадка, на которую прямыми глазами смотреть можно; и светлость его немало не препятствует себя видеть; наконец, и места хотя в самом деле негодные, но при таком ночном сиянии кажутся весьма приятными.

Кто желает сими приятностями наслаждаться, то пусчай сам туда съездит, тогда увидит и мне поверит, сколь прелестное летнее тамошней страны состояние.

Северные сияния там не в большом почтении и не за великую особливость считают, потому что там и зимой и летом часто случаются, а особливо под осень. Простые северные сияния очень неудивительны, но которые с немалым треском и большим шумом зимою случаются, те часто приводят зрителей в удивление, ужас и предугадание. Тотчас после таких пойдут у их переговоры, перенятые от русских невидальцов, и всяк предбудущее по своему разуму заключает, но таковым заключениям здесь места нету, а для курьезности приложу одне мнения тамошних господ физиков, отчего оне происходят. Иные говорят, что солнце в море купается, и оттого свет оказывается и скрывается, а треск значит, когда оно о воду ударяется. Иные сказывают, что море горит в то время, и от его волнования происходит сей стук и движение колумнов.

Так наши остяки свою физику толкуют.

Об оленях

Богатство северных жителей, как остяков и самоядцов, не называется богатством иметь разные достатки, но у них тот и богат бывает, кто сегодня сыт, а завтра голоден не будет. Правда, есть из них такие, которые имеют и амбары, разными зверьми наполненные, но оными только от ясака и от ненравия отплачиваются, а о запасе на содержание всей своей экономии редкие помышляют. Летом, когда рыбы довольно, ловит ее с небрежением, а берет из великой кучи однажды вытянутой ту, которая выше всех скачет, и запасает столько, чтобы ему только до весны за неделю стало, не думая о будущей ловле следующего году, каково де удастся. Прошедшей 1770 год столь им был скучен, что каждой, живучи вдали от городков, сколько ни терпел голод, сидя дома, однако, взяв с собою сколько-нибудь зверевых кож, принужден подвинуться из своего жилища со всей своей фамилией, и покудова находятся в нем силы итти пешком, по тех пор и следует, а выбившись из сил совсем, на дороге пропадает. Многие есть такие, кои, будучи не в силах терпеть такой голод, все с себя чувства сравнивают, и оставляет то себе понятие, что ему в глаза мерещится, то почитает, на языке сладостию; многие, узревши перед собою какую-нибудь падину принуждены охотно такую кушать; многие, от богатства своего отставши, принуждены с великою нуждою ходить по миру; а напротив того, сей только запас у них за худой почесть неможно, что кто имел на себе платье из рыбьих или оленьих кож, те ныне ему в варении бурдука ригодились[17]. Щастлив из них тот, коего бог благословил стадами оленей; такой уже почти никогда ни о чем и не думает, хотя ходит также и за звероловством; однако сей труд принимает на себя от безделья, либо от великой скуки; оленей же кто стада содержит, тот у них и богатым называется, ибо никогда голоден не бывает. Но и действительно содержание такого скота можно

смело назвать прочным, ежели пастух попадется доброй совести. Понеже стада сих оленей требуют всегда при себе человеку быть с фамилией (по-ихнему чум называемой) в кибитке, к которой он привыкши каждой день принуждает пастуха перебираться с места на место, потому что через сутки скот, выбив весь мох для корму из-под снегу, выбивает и место; следовательно, требует, чтоб кибитка подвинулась далее, где б он свежева мог найти себе моху или корму, а иначе он рад голодом стоять на одном месте, а от кибитки прочь не пойдет. Сей зверь не такой, как лошадь, коих стада пасут табунные жеребцы, но в оных хар стадо своих самок пасти не может, а завсегда бывает пастух, надзирая, чтоб которой олень куда-нибудь не утратился. Пасутся же на всяких местах, где б ни пригодилось, а нарочных к тому мест не выбирают. В стадо пущают неклаленых самцов или харов не по выбору и не помногу, а столько, чтоб толко самок не оставить бездетными, а ярость харову удовольствовать, коему в то время бывает не без трудности. Ибо обыкновенно числясь между 25 самками один, то только за собою знает, чтоб успеть с одной вскочить на другую, по порядку обошедши каждую по два и по три раза, от чего в такую приходит немощь и бессилие, что и на ногах стоять не может; понеже ему в то время и наесться недостает времени; чего для пастухи оттаскивают его в другое место от стада, где б он, не видя самок, в спокойствии отдохнуть и несколько поправиться мог. Сходятся как рогатой скот, обыкновенно в сентябре до половины октября и далее, охоту же харову можно предвидеть таким образом: перво начинает царапать землю или снег, потом станет мочиться на задние себе ноги, а напоследок, как придет в ярость, то начинает искать самок к тому же охочих; напротив того, ежели самка не захочет, то хар как бы ни старался, но никоим образом склонить ее не может; а имеет такую охотку до тех пор, покудова своих рогов не лишится, что бывает в год по однажды, как то у хара спадывают в октябре и ноябре месяцах, у молодых же и декабря в первых числах, у кастратов в марте и апреле, а у самок в мае теряются; и как скоро спадут, то тотчас новые рости начинают, ростут же до осени они мохнатые в коже с маленькою шерсткою[48], которая разве у некоторых кастратов в целости засыхает, а прочие все, о деревья очищая, делают голыми. Самка, когда почувствует у себя от самца что-нибудь в брюхе, то уже ни под каким видом

хара скакать на себя не пущает, однако, и в то время его от табуна никогда не отделяют.

Носит самка в брюхе теленка семь месяцев, и каждой год приносит по одному, а двойни редко случаются. Время в последних числах апреля и первых мая; когда наступает телиться, тогда пастухи или сами хозяева выбирают для спокойствия самки места либо лесистые, а где нет лесу, то чистые ручьи, и около ручьев на горах талые места, чтоб от погод было безопасно; но иногда бывают, правда, и великие ненастья, как то ветры со снегами и морозы, то хозяева рожденного в то время одевают разными своими одеждами, только чтоб были не ветхие и дымом не закоптелые, коего бедняка, одетого в человеческое платье, теленка матка оставляет без всякого призрения и жалости, так, что и совсем его позабывает, которую после пастухи, хотя и с немалою трудностию, однако с принуждением кормить теленка приучают таким образом: перво таких на снегу привязывают и не дают ей ни пить, ни есть сутки трои или четверы, а потом сваливают ее с ног и припущают теленка сосать титьки: матка же, проголодавшись, когда начнет его лизать и питать без принуждения, тогда ее спускают с привязки, в противном же случае по тех пор не освобождается, покудова сама кормить его не будет. Родятся телята четверти в три вышиною и более, а после, ростя и питаясь молоком, бывают и больше; и когда уже бывает месяцов двух и менее, то сам начинает есть мох и мягкую траву, однако и матку сосет до тех пор, пока она не понесет другова, и тогда уже его редко к себе подпущает; бывают же и такие, кои матку сосут года по два, хотя и сами детей носят, но матку не покидают, и их никто не отъимает, а отстают либо сами, либо матка припускать его не станет. Напротив того, удаются из них такие наглые, что, пососав мать свою и увидя в близости другого также сосущего, то, оставя мать свою, забегает сзади, и сосет иную с другим тут же; таковые бывают ростом больше обыкновенных; а иные и самки есть такие, кои из охоты воспитывают оставшихся после матери теленков по два и по три, но только такие бывают уже ростом менее прочих. Сие смеху достойное в сем животном: при рождении в благополучную погоду, лишь только родившись, мало-мало обсохнет, то тотчас и начнет скакать и бегать, а сам хоркает; увидя такого, матка сама также бегает за ним и хоркает; колми паче естьли таких в стаде прилучится много, то

смотреть на такое позорище не неприятно. Бывают опять из самок такие (кои обыкновенно чрез два года должны приносить сами телят), а оные, например, весною родившиеся сами, да к другой весне уже и теленка принесет; таковая называется у них блядью (неуды), а самец также, хотя прежде времени и скачет, но ничего сделать не может.

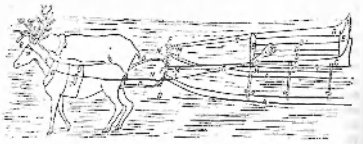
При первом случае их возраста хозяева ничего еще приметить не могут, и куда его способным употребить не узнавают, месяцов же шести когда будет, то неимеющей оленей его впрягает под легкие возы, перво приучив, чтоб не дичился, таким образом: надевает на него с петлею веревку, и за оную дергает, а олень, боясь того, бегает вокруг, но когда усмирится и не будет веревки бояться, то водит его на оной, куда хочет, и напоследок без трудности впрягать может; а нередко также случается, что, не умея оленя приваживать в веревке, тою же и задавливает. В еде олень служить может с перемешкою во всю зиму и лето, только б с отдыхом был довольной корм; в день можно на нем ехать часов 12 и более, а когда уставать станет, то должно выпречь и покормить мохом, а после до становья вести уже простого. В противном же случае, естьли хозяин отдохнуть ему дать не похочет, то после с жалостию смерть на дороге упадшаго оленя оплакивать будет. Никакого знака видеть не можно пред случаем падения такого усталого оленя, но везет так, как и свежей, и ниже запыхается; а как придет время, то в один миг упадет и не дыхнет. Сильняе из них бывают кастраты, и они в возке долее служить могут. Живут олени по примечанию 21 год, более или менее, естьли только на нем кроме неизбежных никаких других немощей не было, от которых часто случающихся приходит в слабость, и так как старик или пропадшей олень бывает жертвою хозяину в пищу. Болезни на них бывают: 1) колется копыто, 2) кашель, 3) из рта течет слюна, 4) весною на каждом олене бывают свищи, 5) в горле черви; коих оной народ никак лечить не умеет, кроме последней, что черви из горла рукой вынимают. Что ж до свищей касается, то сия болезнь такая, коей никоторой олень избежать в жизни своей не может, и каждой весны, естьли на одном появится, то уже и все стадо тем же заражается. Она состоит из червей по за коже у зверя живущих, кои иногда так усиливаются, что оленя совсем задавливают, а иначе без всякого также лекарства в свое время из-за кожи выпадывают, и

олень очищается. Кроме сих двух болезней, прочие усилившиеся можно назвать неисцелимыми; копыта хотя и спадывают, но очень редко, и притом разве по какой болезни. Олени рогами одарены бывают великими и немалым числом отростков; но сие разно случается и разное число на таких бывает, а есть некоторые, кои и совсем отростков не имеют.

Бывают олени разных шерстей, как: белые, пегие, чубарые, черные, бурые; которых держать самоядцу не убыточно, ибо, просто сказать, он его поит и кормит, обувает и одевает. Понеже мясом оного довольствуется столько, сколько самому ему хочется, и никогда голоден быть не может. Шерсть особливо никуды не употребляют, но естьли которую оленину и очистят для юфты, то шерсть с нее кидают за негодностью; а выделанные сих зверей кожи употребляют на платье и обувь, и на все содержание целого дома. Возят парой и по три вдруг; бегут рысью, таща за собою тяжесть очень согласно, а каждая пара легко тяжесть пятнадцати пудов на себя примет; легкими ж санми действительно в сутки не кормя можно до ста верст выбежать, только б ему давали через 20 верст немалое число вздыхать, поесть снегу и высцаться; однако он когда и бежит, то и на бегу снег глотает, а притом и во всю зиму пьют не воду, но снегу вместо питья едят довольно; летом же пьют воду всякую, речную и из морских заливов.

Продаются олени рубли по два, по три, а смотря по доброте и до десяти рублей доходят.

Санки, на которых ездят самоядцы, впрягая по два, по три и по четыре оленя, делаются из всякого, кроме тальника, дерева, коих полозья А бывают длиною аршина в три с половиною, имея у себя на стороне по три копыла В и по



197-й лист рукописи В.Ф. Зуева «Об оленях»

четыре, вышиною от полоза A до дир C, в кои вкладываются поперечины или вязья, вершков одиннадцать. На вязья настилаются тесаные тоненькие досчечки D, пришитые ремняки к козырям E.E, напереди и назади имеющимся; по сторонам же от самых полозовых головок F даже до заднего козыря пришивается с закрайками досчечка G из дерева с корнем, наподобие кряка зделанная, где она тонким концом H вдалбливается в передней конец полоза, а корнем I касается до заднего козыря E, от переднего же козыря E до самых головок F оставляется пустое место. Головки же F соединяются вместо вяза поперечиною K, чтоб полозы не разбегались. На полозьях A под сим вязом K провертываются дири L, в кои вдевается ремень M и завязывается за блок или досчечку боковую G, на которой имеются лонтали N, коих чрез дири O продет один большой ремень P, за которой тянут олени, будучи запряжены по два в ряд в лямках Q чрез шею, имея ремень у себя промеж всех ног. Вместо узды, имеют олени на голове кости R, нарочно к тому сделанные, кои надеваются на лоб, и, подтянув под челюсти на затылке, концы завязываются. У левого оленя имеется одна вожжа S на левой стороне, и привязывается вверху за узду R почти подле самого уха и, чтоб не спадывала, накладывается на кость T, пришитую к широкой коженой подпруге U, а другой конец держит в руке. Припряжной олень к левому привязывается накрепко, чтоб был поводлив, куда левой поворотит, туда бы и он следовал. Ездок сидит в санках, скорча ноги калачиком, или одну ногу под себя, а другую свеся; в одной руке держит вожжу, а в левой тониинькой шестик[45] длиною сажени две и более, коим оленей понужает, и ежели ему надобно ехать вдево, то немного подержит вожжу, а потом потрясает ею, естьли ж вправо, то должен ударить вожжею наотмашь оленя по боку; буде же остановить, то потянет вожжу, и он остановится, а припряжной безо всего уже слушает левого; но чтоб назад к ездоку головой не поворачивался, то, вынув наперед шест, с угрозою приказывает, чтоб стоял прямо.

Комментарии

Краткое описание о народе остяцком...

Воспроизводится по изданию «Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году» (Издал Л. Майков. — Спб., 1884).

Репринтное издание не позволяет расставить по книге номера затекстовых комментариев. По этой причине в настоящем издании указывается номер страницы издания 1884 г., абзац, в котором находятся слово или часть текста, нуждающиеся в пояснении или комментарии. Если начало абзаца находится на предыдущей странице, остаток его на новой странице считается первым. Если абзац на странице один — указание его порядкового номера не производится. Чтобы читатель быстро мог найти искомое слово, вслед за номерами страницы и абзаца приводится выделенная курсивом часть текста. В отдельных случаях, если примечание касается отдельного слова, оно выделено подчеркиванием.

С.V. 1-й сверху абзац: *«Случилось это уже после 1720 года, когда скончался Филофей»*. — Дата смерти указана неверно: Филофей Лещинский скончался 31 мая 1727 года в возрасте 76 лет в Тобольском монастыре и был похоронен у западного входа в Троицкий собор.

С. 6: *«Толикое убо безсмертие славы твоея не толико на злате мраморы»*. — Очевидно, *«на злате»* мрамора.

С. 6: *«...сияние валы солнечную светлость..»*. — Очевидно, в слове допущена ошибка: скорее, *«вашы солнечную светлость»*.

С. 17. 1-й сверху абзац: *«...своим вниманием ничесоже не утверждаем..»*. — Скорее, необходимо читать *«ничегоже не утверждаем»*.

С. 18. 2-й сверху абзац: *«Многолюдствием зело доволно государство еще различных родов и дивных языков, от них же мнози суть безвестны в Европе, яко: Тунгусы, Остяки, Отяки, Якуты, Самоядцы, Ерацкие мужики, Пегая орда, Киргизы...»*. — Современные названия соответственно: эвенки, ханты, удмурты, якуты, ненцы, буряты, селькупы, казахи (возможно — хакасы). Из них отяки (остяки) — удмурты попали в перечень ошибочно, т.к. они обитают в Приамье, к западу от Уральских гор. Вероятно, вместо них должны быть указаны вогулы (манси).

С. 18. 3-й сверху абзац: *«Сиберская полунощная страна от восток, от царствующего града Москвы расстоянием с три тысящи верст; обложит же камень превысочайший, яко стена, и толикия высоты, яко*

иным холмом досязати до облак небесных». — Имеются в виду Уральские горы. Русские первопроходцы называли их «Камень». В официальных документах название Камень употреблялось до начала XVIII века. Вероятно, это название — перевод с языков местного населения: ненцы именуют Урал Игарка Пэ («Большие камни»), ханты — Кев («Камень»), манси — Нер («Камень»), коми — Из («Камень»). Сведения о чрезвычайной высоте Уральских гор Новицкий почерпнул из Есиповской летописи.

С. 19. 2-й сверху абзац: *«О древнем же правлении сего государства восприяша ведение и от литописцев татарских...».* — Параграфы 7—10 этой главы написаны на основе данных Есиповской летописи.

С. 19. 2-й сверху абзац: *«...именем Чинчина...».* — Опечатка: здесь и далее следует читать *«...именем Чингина...».*

С. 19. 2-й сверху абзац: *«...именем Таббана...».* — Опечатка: здесь и далее следует читать *«...именем Таибуга...».*

С. 20. 2-й сверху абзац: *«...град свой Чинчидин...».* — Опечатка: следует читать *«...град свой Чингидин...».*

С. 21. 2-й сверху абзац: *«...погубивши царствующых князей Себирских Етичера...» — опечатка: следует читать «погубивши царствующых князей Себирских Едигера».*

С. 21. 2-й сверху абзац: *«...бежа с единомысленники своими в Часовую реку...»* — *следует читать «...бежа с единомысленники своими в Чусовую реку...».*

С. 23. 1-й сверху абзац: *«Многия речки, иже прямо от востока приходят в Обь, сих же суть Куноват, Полун...».* — Правильно «Полуй» — правый приток Оби, близ современного Салехарда.

С. 23. 1-й сверху абзац: *«По другой же сторонне прямо от заходу Обь, Сосва, Ляпин...».* — Правильно «Ляпин» — левый приток Северной Сосвы. В XVIII веке русские называли его еще Сыгив. По Г.Ф. Миллеру на реке находился ногайский городок Лопыш-уш, в русских летописях упоминавшийся как Ляпин. Позднее Ляпином стали называть реку.

С. 23. 1-й сверху абзац: *«...тамо же преоделяется Самоед, на самом устии, иде же великая сия река Обь впадает в морскую губу, иже нарыцают зде Тасовскую».* — Правильно «Тазовская». Залив Тазовская губа получил название по реке Таз. До начала XVIII века залив назывался Мангазейским морем, т.к. недалеко от устья Таза, на его правом берегу, с 1601-го по 1672 годы стояла русская крепость, знаменитая «златокипящая» Мангазея.

С. 23. 2-й сверху абзац: *«...и прочия речки в едину губу сию собираются Пур...».* — Правильно «Пур». Одна из самых крупных рек, впадающих в Тазовскую губу. В переводе с ненецкого означает «Река с быстрым течением».

С. 23. 3-й сверху абзац: *«...а от другой страны утесняет новая земля...».* — Новая Земля — группа из двух островов, расположенных к северо-западу от полуострова Ямал между Баренцевым и Карским морями.

С. 24. 2-й сверху абзац: *«Паче же и близ ея касаются и тамо для промыслу на звери бывають, иде же всякаго звера премногое доволство: песцы, елени и прочыих зверей, множество же костей рыбиих промышляют».* — Имеется в виду моржовый клык.

С. 26. 1-й сверху абзац: *«...збреале бо зде вниз по Оби и всей стране жителствоваше народ Чютцкий».* — Предания о вымершем народе

чудь широко распространены среди народов европейского Северо-Востока России, включая коми-зырян. Судя по всему, Новицкий услышал о чудском народе именно от коми, переселявшихся на Обь. У ханты и манси подобные предания отсутствуют. Ненцы называют прежних коренных жителей тундры ямнэ.

С. 26. 2-й сверху абзац: *«...сей Остяцкий народ в сия вселися страны начекие от дни святаго Стефана Великия Пермии епископа...».* — Стефан Пермский (1339—1396 гг.) — уроженец Устюга, епископ Пермский, проповедовал православную веру среди коми-зырян, известен как неистовый борец с идолопоклонничеством, создатель зырянской азбуки. После смерти был объявлен святым.

С. 28. 2-й сверху абзац: *«...мина же званию их Остяки...».* — Опечатка: следует читать *«...ина же званию их Остяки...».*

С. 30. 1-й сверху абзац: *«...птицы, звери или что ни будь, тем именем родившееся нарицаеть».* — Этот обычай объясняется отнюдь не отсутствием собственных имен у ханты. Настоящее имя ребенка табуировалось, т.е. его нельзя было произносить вслух. У каждого хантыйского рода был свой фонд имен, передававшихся из поколения в поколение. Каждое из них принадлежало одной из родовых возрождающихся душ (жизненных сил). Из-за присвоения такого имени ребенку из другого рода нередко случались конфликты. «Обманные» имена давали детям, чтобы сбить с толку злых духов, защитить родовую душу (подробнее см.).

С. 30. 2-й сверху абзац: *«...имущая бо близ время родити исходить от общаго жилища и входит в некую особную хижину...».* — Речь идет о т.н. «ай-хот» — маленькой избушке, куда женщины удалялись из жилищ при родах и менструациях. Данный обычай объясняется верой ханты в то, что в эти периоды женщина становится «нечистой», окруженной злыми духами, и поэтому не должна привлекать последних в жилище семьи.

С. 33. 1-й сверху абзац: *«...или взоры на руцех и персех, или на нозех, яже в различные виды и черты чернотою еще изображают еще идетска руце или ноге или на персех иглою до крове изободше сажею с иными утвариими тако крепко натирают, яко сотретися до кончины его не может».* — Речь идет о татуированных знаках. Наносились узоры или схематические изображения животных (чаще всего птиц). По мнению известного финского этнографа, религиоведа К.Ф. Карьялайнена, первоначально татуировки имели характер защитного или излечивающего знака, позднее считалось, что с них происходит страдания больного человека. Возможно, некоторые знаки были родовыми символами.

С. 38. 2-й сверху абзац: *«...земля под студеным кругом...».* — Речь идет о Полярном круге.

С. 44. 2-й сверху абзац. — Этот параграф написан на основе данных Вятской летописи.

С. 46: *«Содержает же сие чрез некое время, чрез год и вящше упражняючися сим безчинием, последи же идола со всем во одежде скрывает в землю, провождающе с плачем и жалостию».* — Деревянное изображение умершего («шонгот», или «иттарма») служило временным вместилищем возрождающейся души («лил») на период до ее возрождения в следующем ребенке. Поэтому за ней (ним) постоянно ухаживали, оказывали почтение. После вселения этой души в новорожденного куклу полагалось сжигать.

С. 47: *«...до чего вящшепри страстен...».* — Опечатка: следует читать *«...до чего вящше пристрастен...».*

С. 48. 1-й сверху абзац: *«...дороприношения...».* — Опечатка: здесь и далее следует читать *«...дароприношения...».* — В этом же абзаце встречается *«жерцы»*, которое здесь и далее следует читать *«жрецы».*

С. 50: *«Тако обретохом в Шоркоровских юртах кумира единого...».* — Шоркоровские юрты — ныне поселок Шеркалы в Октябрьском районе Ханты-Мансийского округа. До конца XVI века городок Шоркар (в переводе с коми языка — «Город на ручье (речке)») был княжеской резиденцией правящей династии Кодского княжества — наиболее могущественного хантыйского раннегосударственного образования. Здесь находилась «кумирня» общеугорского значения, посвященная Мирванты-ху («За миром наблюдающему человеку»), одному из главнейших божеств обских угров, известному также и под другими именами (Орт-ики — «Богатырь-старик», Кон-ики — «Царь-старик» и т.д.).

С. 53. 2-й сверху абзац: *«Между различным кумира почитанием премного почитаются и дивии зверие, найпаче медведь...».* — Почитание медведя обскими уграми связано с мифологическими представлениями о его сверхъестественном происхождении. У северных ханты и манси прародителем многих родов, относящихся к фратрии Пор, считается медведь (медведица). Наряду с этим у всех групп ханты и манси существует представление о небесном происхождении медведя (медведицы), спущенного на землю его отцом — верховным божеством Торумом. Наиболее ярко культ медведя выражается в традиционных медвежьих праздниках обских угров, сопровождающихся принесением даров перед медвежьей шкурой с головой и лапами, пением «медвежьих песен», культовыми танцами и очистительными обрядами, цель которых — задобрить убитого зверя, отвести от себя его гнев. Медведь считается вершителем справедливости, карающим людей, которые нарушили клятву. Отсюда — обычай приносить клятву перед шкурой, лапой или зубом медведя.

С. 56: *«Старик Обский сей имеюще скверное свое хранилище...».* — Асики («Обской старик») у иртышских ханты считается одним из сыновей верховного божества Торума. С другой стороны, по своей характеристике он сопоставим с водяным духом — хозяином вод, владельцем всех рыб (Йинк-ики — «Воды старик», или Йинк-вурт — «Воды богатырь»), который считался вездесущим. Приносимые ему жертвы должны были гарантировать успех в рыбной ловле.

С. 57. 2-й сверху абзац: *«Гусь боготворимый идол их бяше...».* — «Медный гусь» — изображение наиболее почитаемого обскими уграми божества — Мир-ванты-ху. Одной из его ипостасей является гусь: «весеннего гуся, осеннего гуся, облик имеющий богатырь». В этом облике Мир-ванты-ху выступает как хозяин птиц, покровитель охотников на птицу.

С. 63: *«...иже и Тангускую землю...».* — Речь идет о тунгусской земле.

С. 68. 2-й сверху абзац; С. 70. 2-й сверху абзац: ҂АѲБІ. — Здесь: 1712 г.

С. 72. 3-й сверху абзац: *«Поспешеством Всесилнаго и благодатию Его помощю путь сей простирашеся непраздно, но везде сокрушая идолобесие достигоша даже до Кодийскаго монастыра...».* — Религиозный центр крещеных остяков находился в Кодском городе — резиденции князей Алачевых, которые приняли православную веру в конце XVI— начале XVII веков. В 1600 году в Кодском городке была воздвигнута церковь во имя Живоначальные Троицы. Два года спустя князь Иги-

чей Алячев в ознаменование собственного крещения построил там же Зосимо-Савватиевскую церковь. А в 1653 году в ответ на челобитную остяков четырнадцати кодских волостей царь Алексей Михайлович повелел «в том Кодском городе монастырю... быти». Монастырь назывался Троицким, а в просторечии — Кодским. Позднее за городом и монастырем закрепилось название Кондинский (искаженное начальное «Кодский»). К концу XIX века монастырь пришел в запустение, а в июне 1918 года он был национализирован новой властью.

Каменный Троицкий храм, построенный вместо деревянной церкви в 50-х годах XVIII века, до сих пор стоит в пос. Октябрьский (бывший Кондинский).

С. 74: *«Учитель же внутрь селения их достигши юрт Воспольских...».* — Возможно, Воспольские — искаженное название селения Пословы, расположенного ныне на правом берегу Малой Оби, ниже устья р. Казым. Менее вероятно сопоставление с названием Выльпосл — поселок на левом берегу Оби, ниже по течению от Салехарда.

С. 74: *«...Казимских...».* — Правильно «Казымских». Вероятно, имеются в виду Казымские юрты, располагавшиеся на р. Казым, правом притоке Оби.

С. 74. *«...Шорковских...».* — Правильно «Шоркарских». Ныне — пос. Шеркалы Октябрьского района ХМАО (*см. прим.* к С. 50).

С. 74. *«...Белогорских...».* — Ныне — пос. Белогорье, левый берег Оби, недалеко от Ханты-Мансийска. Бывшая резиденция князей Белогорского княжества (до н. XVII в.), культовый центр общеугорского значения. Рядом с городком находилось святилище, посвященное Мир-ванты-ху. Хантыйское название Белогорских юрт — Худанг-пелек-пугот («Сильная дивидевица бежа»).

С. 75. 2-й сверху абзац: *«Юрты некия, нарыцаемыя Атлым...».* — Атлым — правый приток Оби. Рядом до сих пор стоят поселки Большой Атлым и Малый Атлым, близ которых находятся средневековые городища. Оба городка входили в состав Кодского княжества.

С. 75. 2-й сверху абзац: *«...последы же побежден во злочестии своем убежа с Перму за Камень, в Сиберскую страну и ту поселился».* — Возможно, сведения о переселении зыран-идолопоклонников во главе с Пансотником (Памом) на Обь Новицкий почерпнул из «Слова о житии и учении св. Стефане...», написанного в конце XIV века его учеником Епифанием Премудрым, или из Вычегодско-Пермской летописи. Данные сведения дополняются преданием атымских остяков, которое в конце XIX века записал известный сибирский краевед Н.А. Абрамов. Реальность переселения древних коми на Нижнюю Обь подтверждается археологическими материалами, полученными в 1979—1984 годах при раскопках средневековых городищ Шеркалы I и Перегребное I в Октябрьском районе ХМАО.

С. 81: *«О крещении Вакулич в року ҂ахдѳ».* — Следует читать *«О крещении Вагулич в року 1714».*

С. 81: *«Жительствующии же на Тавде и Конде прилежат присудом в град Пелым...».* — Русский город Пелым был построен на р. Тавде близ устья р. Пелым в 1593 году. Был важным стратегическим и административным центром русской колонизации края до начала XVII века. В связи с освоением другого пути в Сибирь — Бабиновской дороги, проходившей южнее, по реке Туре через г. Верхотурье, — значение Пелыма упало, и он превратился в административный центр местного значения, которому было подчинено население бассейнов Тавды и Конды.

С. 81: *«...происходит зпод камене Верхотурского...»*. — Верхотурский Камень — одно из русских названий Уральских гор, бытовавшее до середины XVIII века. Конда берет начало почти в 600 километрах к северу от Верхотурья, с водораздельного материка, идущего через верховья рр. Мулымья и Васпугол (левых притоков Конды) к Оби.

С. 82. 4-й сверху абзац: *«В чорных юртах...»*. — Следует читать *«В Чорных юртах...»*. — В XIX в. село Чернавское Табаринской волости на р. Черной.

С. 85. 2-й сверху абзац: *«Кондыйский княжик, названием Сатика...»*. — Остяцкий князь Сатки (ниже Новицкий именует его Сатыга) имел владения в среднем течении р. Конды. На северном берегу проточного озера Сатыгинский туман было поселение Сатыга, которое ханты называли Урт-похыт («Селение князя-богатыря»). В середине XIX века потомок Сатыги добился возвращения княжеского титула и стал именоваться князем Сатыгиным-Кондинским. Имя Сатыга — двусоставное: вторая часть — ига — означает «старик» (-ики, -иги), значение же первой можно увязать с числительным семь (сат, сот). В таком случае Сатыга можно перевести как «Седьмой старик», что вполне объяснимо: число семь у обских угров, как и у многих других народов, имеет сакральный характер (Мир-ваты-ху — седьмой сын Торума). Весьма продуктивно это число и в обско-угорской топонимике. В то же время небезынтересно сопоставление этого имени с другими названиями. Так, ниже по течению Конды находится поселок Сотник, в названии которого вторая часть, очевидно, -ики («старик»), а первая — Сотн — неясного значения. Возможно, этот же корень звучит в хантыйском названии р. Сальм — Сотым и в имени покровителя сальмских ханты местного дума Сотым-ики.

С. 86. 2-й сверху абзац: *«...путь свой к Пелыму февруария в ка ...»*. — Речь идет о 19 февраля.

С. 86. 2-й сверху абзац: *«...его же мимо градуща...»*. — Вероятно, следует читать *«...его же мимо граду идуща...»*.

С. 89. 1-й сверху абзац: *«В день марта 3 ...»*. — Речь идет о 17 марта.

С. 89. 1-й сверху абзац: *«Исходящи убо из церкви, нечаянно Тахтакская волость...»*. — Тахтинская инородческая волость включала селения, расположенные в верхнем течении р. Тавды и на ее притоке Лозьве. По данным конца XIX века в нее входили 19 мансийских поселений (паулей): Юртовский, Востоковский, Линтовский — на Тавде; Пашенный — на р. Пашенная; Рашкинский, Кузинский, Таньшинский, Кондратьевский и два Сиидейских — на Лозьве и ее притоках.

С. 90. 2-й сверху абзац: *«...хитростию диавольскою мащенный княжьк их Кошичких юрт...»*. — Правильно «Кошуцких». В настоящее время деревня Кошуки Тавдинского района Свердловской области. В Ремезовской летописи упоминаются хантыйский князь Кошук и его городок, который дружина Ермака взяла с боем. В XVII—XIX веках бывшие владения Кошука входили в состав Кошукской инородческой волости, включавшей 12 поселений по р. Тавде и прилегающим озерам: Яныгково, Шейтанское и Гузеево.

С. 93. 2-й сверху абзац. — Абыз — мусульманский священник, в данном случае — проповедник. Исламизация ханты успешно проходила в районах смешанного проживания сибирских татар и ханты — в т.н. Заболотье и по Иртышу ниже Тобольска. Этот процесс содействовал тюркизации отдельных групп ханты, которые впоследствии были полностью ассимилированы татарами. Самый северный пункт проникнове-

ния исламской веры — деревня Цинталы на берегу Иртыша, где и сегодня известно священное место — аскана, на котором погребен мусульманский святой (очевидно, один из проповедников).

С. 95. 2-й сверху абзац: *«...такожде в Сухоруковских юртах...»* — Сукоруковские юрты — ныне деревня Сухоруково, расположенная на левом берегу Оби в 70 километрах ниже устья Иртыша. Входила в состав Белогорского, а затем Кодского княжеств.

С. 95. 3-й сверху абзац: *«Достигохом убо Каринкарских юрт...»*.— Правильно «Карымкарских». Карымкары — один из городков Кодского княжества. Располагался на острове (останце коренной террасы правого берега Оби) в устье р. Карымкарки. Карымкарское городище находится рядом с современным пос. Карымкары Октябрьского района ХМАО.

С. 97. 2-й сверху абзац: *«...близ града Опанчина...»*. Правильно «Епанчин». Татарский городок Епанчин упоминается в сибирских летописях при описании похода Ермака. Располагался в среднем течении р. Туры. В 1600 году на месте Епанчинских (от имени мурзы Епанчи) юрт был заложен Туринский острог (ныне город Туринск Свердловской области).

С. 98: *«О крещении Вагуличов в Конде 171 году»*. — Следует читать *«О крещении Вагуличов в Конде 1715 году»*

С. 99. 2-й сверху абзац: *«Егда же достигохом жылищ сих, нарыцаемые юрты Нахрачеевы...»*. — Нахрачи — княжеская резиденция и культовый центр в низовьях Конды. Названа по имени князя Нахрача Енталева; возможен обратный вариант: князь имел имя деревни. В XIX веке село Нахрачинское входило в состав Кондинской инородческой волости. В 1963 году было переименовано в с. Кондинское. До 1995 г. здесь был административный центр Кондинского района.

С. 108: *«Благополучно отплывше оттуду, всюду крещением просвещахом, еликих обретахом, и доспехом юрт Катышевых»*. — Катышинские юрты находились на Катышской протоке реки Конды. В настоящее время — деревня Старый Катыш Кондинского района ХМАО.

Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов, сочиненное студентом Васильем Зуевым

Воспроизводится по изданию: *Зуев В.Ф.* Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771—1772). М.; Л., 1947.

[1] Имеются в виду отдельные северные хантыйские роды, которые подвергались ассимиляции со стороны ненцев.

[2] Предки ненцев освоили заобьнесибирскую тундру в начале II тысячелетия н.э. Согласно общепринятой гипотезе, прародина самодийских народов (ненцев, энцев, селькупов и других, ассимилированных тюркскими племенами) — Южная Сибирь, Саяны. Ненцы-оленеводы, согласно их фольклору, застали на своей новой родине народ самиты, который был ими частично истреблен, частично ассимилирован. До сих пор ненцы связывают остатки древних поселений и культовых мест с этим исчезнувшим народом.

[3] Хавова — по-ненецки «мужчина, человек, ненец».

[4] Луца — искаженное ненцами слово «русский».

[5] Малица — верхняя меховая одежда, изготавливающаяся из шкур полугодовалых оленей, забитых в августе. Носилась мехом внутрь. Относится к т.н. глухой одежде, не имевшей спереди разреза и одевавшейся через голову.

[6] Чуль (нумыш) — глухая меховая одежда с капюшоном, надевавшаяся обычно в дорогу поверх малицы.

[7] Правильно: неблюй. Речь идет о шкуре полугодовалого оленя, снятой осенью.

[8] Чаки, или чижи — меховые чулки из камусов (шкур с ног оленей или лося).

[9] Неговаи — легкая замшевая обувь с голенищами (от хантыйских «нюке» — ровдуга, замша и «вай» — сапог, чулок).

[10] Имеется в виду женская распашная шуба — сах, который делался двойным: верхняя часть мехом наружу, внутренняя — мехом внутрь, ворсом вниз. Иногда верхняя часть изготавливалась из сукна. Снаружи сах украшался полосами мозаичного узора (по подолу, краям рукавов и спереди по разрезу) из разноцветных кусочков сукна или чеха.

[11] Стружку делали зимой из мерзлого дерева (осины, тальника), поэтому она получалась очень тонкой и мягкой. Такая стружка заготавливалась в большом количестве и использовалась в качестве полотенца, ваты и т.п.

[17] Вероятно, Зуев описал некосники — сложное украшение из кожаной основы, украшенной бисером, от которой опускались два длинных жгута, соединенных медными цепочками. К жгутам крепились медные зооморфные подвески, имевшие охранную функцию (от злых духов).

[18] Правильно: охчам, или охшам — хантыйское название платка. У ханты женщине нельзя было показывать лицо и волосы старшему брату мужа и его отцу, а также чужим мужчинам. Поэтому в их присутствии женщины закрывали лицо платком. Предполагается связь этого обычая с необходимостью регулирования половых связей. Кроме того, платок выполнял охранную функцию, т.к. закрывал от злых духов (чужих духов) голову и волосы, где находилась самая важная ***ша (жизненная сила) — лил. или илес.

[19] Здесь и ниже речь идет об углубленных жилищах значительных размеров, в которых проживала т.н. «большая семья», состоявшая из родителей, их женатых сыновей и детей. Каждая семейная пара имела в такой избе свой угол, отделенный занавеской или пологом. Эта архаичная форма семейного общежития, вероятно, исчезла к началу XIX века, т.к. более поздние путешественники и этнографы такие жилища не отмечали.

[20] В начале XVIII века в результате включения ненцев в состав России расширились их торговые связи. К этому времени интенсивная добыча диких оленей для продажи мяса и шкур торговцам привела к резкому сокращению их поголовья. Наличие у отдельных ненецких семей больших стад домашних оленей свидетельствует, с одной стороны, об углубившейся имущественной дифференциации, а с другой — о начале перехода ненецкого оленеводства к крупностадному. Этот процесс завершился в середине XIX века.

[21] Ненцы не возили с собой все свое имущество и запасы, а оставляли их в местах традиционных стоянок на путях сезонных перекочевок.

[22] Ка — приспособление для ловли рыбы. Представляет собой плоский частокол из жердей, лучин или прутьев, перегораживающий небольшие речки. В этом частоколе имелся один или несколько проемов, в которых устанавливали различные плетеные ловушки т.н. «корзиночного» типа (морды, вежаны, фитили).

[23] Кляпец — ловушка на пушного зверя, состоящая из планки с железными зубцами и полого деревянного цилиндра, в котором на горизонтальную ось наматывался шнур из растительного волокна или сухожилий. Когда зверь задевал «насторожку», шнур ослабевал, и планка резко ударяла бедолагу.

[24] Имеются в виду оленьи желудки.

[25] Запрет варить голову оленя, вероятно, связан с представлением о том, что душа оленя, находящаяся в голове, могла возродиться, лишь не будучи «сваренной», т. е. в основе обычая — стремление к «сохранению» пыгаловых оленей.

[26] Здесь, несомненно, ошибка, т.к. волк у ненцев — священное животное, которое без крайней необходимости не убивают. По преданию, в волка бог превратил нехорошего человека, наказав его за какой-то проступок. Ненецкое божество Парсовей Варту, имевшее облик собаки, было хозяином волков, дарителей оленей. Поэтому для ненцев волки — своеобразные «пастухи» оленьих стад, а их убийство может разгневать Парсовей Варту.

[9] Скорее всего, шкатулка была вместилищем домашних божков или изображений умерших родственников.

[10] В данном эпизоде, очевидно, рассказывается о проявлении т.н. «полярной истерии». Вообще, шаманы — люди со своеобразной психикой, поэтому они видят окружающий мир иначе, чем обычные люди.

[11] Описания подобных чудес, встречающиеся в литературе, делались с чужих слов. В то же время, способность шаманов высшей категории к гипнозу и суперфокусам, перевоплощениям и точным предсказаниям общеизвестна.

Реакция Зуева в духе Станиславского делает ему честь как серьезному исследователю.

[12] На самом деле у ненцев, ханты и манси имелось немало ритмизованных эпических сказаний, легенд и обрядовых песен, тексты которых были устойчивыми, а зачастую канонизированными.

[13] Визя (вуся) употреблялось у ханты только как приветствие.

[14] Дорово — искаженное русское «здорово».

[15] Правильно «юраки». Устаревшее название тундровых ненцев. Обитают в енисейской тундре и лесотундре.

[16] Тавги — устаревшее название нганасан.

[17] Точнее: савкылтап и нарс-юх. Соответственно мансийское и хантыйское названия. Струнный инструмент типа цитры, у которого корпус напоминает плоскодонную лодку с выступающей нижней частью. Верхняя часть раздвоена и соединяется перемычкой. Имелось 3—5 струн из сухожилий или оленьих кишок колки — из птичьих костей.

[18] Обычно такие пляски исполнялись во время медвежьего праздника.

[19] Таха — хантыйское «эй!».

[20] Здесь свидетельство существующих т.н. левирата — обычая, при котором разрешалось жениться из женщин, своих и других женщинах, не принадлежавших к роду женихв.

[21] Невеста принадлежала всему своему роду, поэтому ч ены рода имели «законное» право на свою часть мяыма.

[22] Вероятно, речь идет о кетах.

[23] Неверно, т.к. ненецкие и ханты всех роды имели свои кладбища, где и старались хоронить умерших родичей. Захоронения за пределами кладбищ — явление исключительное.

[24] Пользоваться именем чужого рода у ханты и ненцев запрещалось

[25] По-хантыйски: ясь — пемте, окунь — iaw. карась — malenhull.

[26] Неверно: на песца ставили капкан.

[27] Точнее — лабак, т.е. «флажок».

[28] Правильно «хор». Так у ненцев и ханты называется племенной оленьбык.

[29] Женщина считалась «нечистой», поэтому, чтобы она не навлекла враждебных духов, ей запрещалось приближаться к дикому оленю.

[30] Разновидность слопца — ловушка для [illegible]

[31] Арканчиный способ охоты на моржа, вышедший из употребления.

[32] Правильно — белуха. Млекопитающее семейства дельфиновых подотряда зубатых китов. Достигает 6 метров длины и до 1,5 тонны веса. Живет в арктических морях. В погоне за рыбными стадами иногда заходит в Обь.

[33] Стерх — белый журавль.

[48] Использование одежды из рыбьей или оленьей кожи для варки похлебки применялось, естественно, в экстремальных ситуациях.

[49] Соскобленная с молодого рога оленя шкурка была любимым лакомством детей. Своеобразная «жевательная резинка» Обского Севера.

[50] Здесь говорится о хорее — шесте, на одном конце которого — костяной шарик, а на другом — железный наконечник.

С. Пархимович

Оглавление

С.Г. Пархимович. «...Тебе, ласкавый читателю» 5

Краткое описание о народе остяцком,
сочиненное Григорием Новицким в 1715 году 13

Описание живущих Сибирской губернии
в Березовском уезде иноверческих народов
остяков и самоедцов, сочиненное студентом
Васильем Зуевым 137

Комментарии 225